

Семенов Игорь

Нежданно—

негаданно

Уже достаточно немолодой мужчина в результате "несчастливого случая на производстве" вдруг оказывается перенесен в прошлое. 1966 год, 10 класс школы, впереди открыты все дороги, гигантские перспективы... Как распорядится "попаданец" предоставившейся ему возможностью, чего сможет добиться, станет ли спасать СССР? Тем более, что и СССР-то НЕ ТОТ? И что вообще делать, если вдруг окажется, что на пороге стоит глобальный катаклизм?

Серия «Долгая зима» планируется как «приквел» к написанной мной ранее серии «Эпоха холода». Идеи частично взяты у Александра Гора, частично придуманы мной или подсказаны читателями. Собственно говоря, именно по просьбе читателей я и решил написать эту серию. В планах 3 части (условные названия: «Накануне Зимы», «В снежном плену» и «Когда растает снег»), в которых будут описаны события с 1966 по 1976 годы из параллельного мира.

В чем отличия истории того мира от нашего? По взятым от Александра Гора «начальным условиям» развилка произошла примерно в начале 1950-х (хотя кое-какие мелкие изменения будут и по раннему времени, но в целом для истории они не будут иметь решающего значения) — в результате чего у власти вместо Хрущева и его «сотоварищей» после недолгого правления Берии оказывается команда товарища Пономаренко и сохраняются основы сталинской системы... Ну а в 1966 года из-за проведения американцами ядерного испытания в районе тектонического разлома происходит извержение супервулкана Лонг-Вэлли... Впрочем, дальше все пошло совсем не так, как в мире Александра Гора. Ну а в целом история примерно такая:

1953 год. У Сталина случается инсульт, но он все же пережил его и продолжил руководить страной. Хотя при этом оказался частично парализован, здоровье стало совсем ни к черту. Понимая, что ему осталось недолго, товарищ Сталин начинает искать себе приемника — и выбор останавливает на Пономаренко.

1954 год. В начале года Пономаренко становится Председателем Совета Министров СССР. Однако после смерти Сталина (в АИ — 10 ноября 1954 года) начинается борьба за власть между группами Пономаренко, Берии и Хрущева.

1955 год. Расправившись со сторонниками Хрущева и отправив его самого на стройку Трансполярной магистрали, Берия несколько укрепляет свое положение. Начинает продвигать (как и в реальности было) ряд откровенно глупых и непродуманных экономических и политических реформ, что в перспективе может иметь очень серьезные отрицательные последствия для всего Восточного блока, и готовится избавиться и от Пономаренко с его сторонниками. Однако те, осознавая, что их уже «списали в расход» бьют на опережение. Берия убит (хотя официально объявлено, что помер от инфаркта), во главе страны становится Пономаренко. Реформы Берии по-тихому сворачивают и делают вид.

В дальнейшем СССР продолжает развиваться по сталинскому курсу — хотя на фоне успехов социалистического строительства и происходит постепенное «смягчение» системы. Осуществляется большинство проектов сталинского времени вроде Трансполярной магистрали (хотя ее эксплуатация, ввиду несовершенства строительных технологий, и становится той еще головной болью, но даже так оно лучше, чем вообще никак), туннеля на Сахалин, строек Средней Азии... В колхозах продолжают действовать МТС и не начинается известный по реальной истории разгул бесхозяйственности, вместо «ударного освоения» Целины ведется неторопливая, планомерная работа по освоению новых земель с высадкой лесополос, строительством транспортной инфраструктуры, сети зернохранилищ и элеваторов, разработкой специальной агротехники под те условия и т. д. В стране сохраняются и продолжают развиваться артели, нет идиотского раздаривания ресурсов папуасам (за все надо платить!), также развивается космическая программа (хотя тот же

проект Н-1 «зарубили» на корню из-за того, что не проходит в железнодорожный габарит, а за основу взяли челомеевскую УР-700 — «вам, товарищ Королев, напомнить, что бывает за растрату народных средств на всякую ерунду?»), строятся новые заводы и фабрики, составляются планы и т. д. Люди верят, что вот скоро настанет оно, светлое будущее...

И тут вдруг случается извержение супервулкана — результатом которого становятся те события, что впоследствии стали называть не иначе как «Долгая зима»...

Честно говоря, никогда не думал, что однажды решу писать про попаданца в прошлое в послевоенный СССР... Честно говоря, на мой взгляд тема очень непростая уже потому, что живы многие, кто жил в то время, и потому многие нестыковки будут бросаться в глаза. А избежать их, увы, не так-то просто... Даже у свидетелей тех времен со временем многое забылось, многое перемешалось в голове и вспомнить, что именно и когда было зачастую не так-то уж просто. Особенно по 1966 году — когда я сам был еще 10-летним пацаном. Потому был бы в этих вопросах благодарен любой помощи... Хотя личными воспоминаниями, хоть ссылками на статьи или литературу.

Впрочем, поскольку у меня все же СССР несколько «параллельный», что дает определенную свободу творчества... Тем более, что из-за иных людей в руководстве страны и впрямь был бы целый ряд отличий от нашей реальности.

В общем, черновой план первой половины первой части я накидал, а там посмотрим, как оно получится. Будет фигня — брошу и удалю.

P.s. Ну и как обычно — все действующие лица, все организации вымышленные. Хотя часть описанного и будет браться из личных воспоминаний автора, но они будут обезличены.

— Ну что там? — зайдя в мастерскую, спросил Михаил Васильевич.

— Да шлицы раздолбало к едрене матери! — ответил Петрович, бывший колхозный, а нынче «фермерский» механик.

— Запчастей нет?

— Да откуда им взяться? Сам же знаешь!

— Значит, придется ремонтировать, — вздохнул Михаил Васильевич. — Цыган на месте?

— Да откуда? — усмехнулся Петрович. — У него ж у брательника вчера именины были...

— Понятно, — вздохнул Михаил Васильевич. — Ладно, скажи Сереге, пусть пока наплавляет, а мы к Цыгану сгоняем.

Выйдя из ангара и позвав одного из мужиков с базы, он вскочил за руль «бобика» и погнал в соседнюю деревню, где и жил Цыган, или Иван Романович Ибрагимов по паспорту. Местный слесарь, токарь и фрезеровщик в одном лице... Особо ценный по деревенским меркам специалист, «станочник от бога», как говорили про него еще в то время, когда Цыган работал на заводе в городе. За что бывший председатель колхоза «Новый путь», а ныне — фермер Евдокимов смотрел сквозь пальцы на его отрицательные черты, с которыми на заводе мириться никто не желал от слова совсем. Злостный нарушитель трудовой дисциплины, кто спокойно мог уйти с работы и не вернуться, посчитав, что делать ему все равно нечего, главный на селе бабник и любитель «заложить за воротник» по любому поводу — что, впрочем, не мешало ему вполне нормально работать на любых станках, какие можно было только найти в бывшей колхозной рембазе.

Как и ожидалось, Цыган дрых без задних ног после вчерашних возлияний... Так что поначалу в дверь дома высунулась голова его жены, начавшей расспрашивать, зачем-де им понадобился ее муж. И лишь после того, как спутник Михаила грозно рявкнул, что у них «в колхозе», как привычно называли деревенские их хозяйство, срочная работа, так что нечего языком молоть, работать пора, пошла будить муженька.

— Че надо? — наконец-то минут десять спустя из дверей высунулась заспанно-похмельная рожа Цыгана.

— Работа есть по твоему профилю! — сказал в ответ Михаил. — Вал проточить и шлицы нарезать...

— Мля, башка трещит, — поморщился Цыган. — Че орете-то тут? Щас аспирину сожру и пойду...

«Щас», впрочем, и затянулось почти на полчаса — после чего мужик со страдальческим видом забрался в машину, и они рванули в сторону фермы. Как сразу узнал Михаил Васильевич, вал к этому времени уже успели наплавить — и сейчас он лежал остывал где-то около станка. С несколько рассеянным видом походив по мастерской, Цыган в конце концов взял муфту, которая должна была одеваться на шлицевую и, ворча об отсутствии у него модульной фрезы, достал из ящика обломок концевой фрезы и, что-то поворчав, начал обдирать на наждаке две лыски чтобы запихнуть его в держатель «летучки». Но вот, наконец, сделав лыски, он принялся перетачивать обломок фрезы под резец с нужным профилем, что тоже заняло немало времени.

И вот Цыган наконец-то закончил с подготовительными работами и, включив токарный станок, довоенный «американец», принялся, периодически матерясь, обдирать сварку, а затем, после чернового прохода, достал из ящика старый ржавый штангенциркуль и находящийся в примерно таком же состоянии микрометр нужного размера. По-прежнему матерясь, сегодня Цыган был явно не в духе, на то, что у них нет даже мерных плиток, проверил правильность показаний микрометра по наружной обойме подшипника, затем замерил штангенциркулем получившийся после обдирки сварки размер и продолжил точить. Но вот наконец-то где-то через полчаса, довольно ухмыльнувшись, он достал заготовку из патрона и пошел к фрезерному станку, однако в этот день словно все было против него! Вкорячив на стол станка делительную головку и закрепив в шпинделе «летучку» с самодельным резцом, Цыган уж был готов приступить к работе, но щелчок кнопки запуска мотора привел лишь к тому, что из электрошкафа станка пошел небольшой дымок, а во всем ангаре погас свет — поскольку предохранители в станке давно были заменены куском гвоздя, а пакетник на входе и вовсе не имел функции защиты от короткого замыкания.

— Василич! — выбежав из ангара на улицу, где Михаил с механиками как раз возились с ремонтом трактора, заорал Цыган. — Свету п***а! Ни***я ниче не работает!

— Мля... Ты что ли опять чего у***л? — дополнив свои слова еще несколькими ругательствами, спросил один из механиков.

— Да какой я?! — возмутился Цыган. — Я только кнопку тук, а оно херак!

— И, как назло, Сергеича нету, — произнес Михаил.

Ну да, их «колхозный» электрик как раз валялся в больнице с сорванной спиной... И заменить-то его было толком и некому!

— Слышь, Василич, — спросил один из мужиков. — Ты ж это, как его... Радиофизик! Разберешься там может?

— Да уж придется, — вздохнул Михаил.

Ну да, больше-то все равно некому... В конце концов, в электричестве он разбирается, схемы знает, даже когда-то сам радиолобителем был. Так что особых проблем тут не ожидалось... И вскоре, достав из шкафа древний, размером с небольшой чемоданчик, вольтметр и поставив около рубильника одного из слесарей с наказом «чтобы никто не врубил по дури», Михаил Васильевич начал разбираться с этим проклятым станком. Но, едва открыв дверку, он чуть не выпал в осадок от увиденного... В электрошкафу торчал целый клубок перекрученных, перепутанных между собой проводов — где-то с кусками изолянты на соединениях, а где-то и вовсе с оголенными концами от давно отсутствующих на месте вещей!

— Млять! — не выдержав, выругался Михаил Васильевич, что было ему совсем и не свойственно.

В этом царстве хаоса и впрямь немудрено было и запутаться — так что пришлось первым делом заняться тем, что более-менее разобрать все это хозяйство и понять, что же тут вообще начудили неведомые ему колхозные «электрики». Впрочем, после более подробного разбирательства с содержимым «электрошкафа» стало понятно, что оригинальной схемой из после долгих поисков найденной в кладовке у электрика замызанной книжки тут, что называется, даже и не пахнет. Все управление станком было сведено к сдвоенной кнопке «Пуск» — «Стоп», пускателю на включение мотора шпинделя в единственном направлении и проводу для питания лампочки на обычные 220 вольт. Ну и «предохранители»-перемычки, разумеется... Все остальное даже если и было на месте, то

было уже давно и надежно отключено и не использовалось. В конце концов, отыскалась и причина поломки — отвалившийся и устроивший короткое замыкание провод на выходе с пускателя, после чего дело пошло на лад. Впрочем, не рискнув оставлять все как есть, Михаил Васильевич все же по очереди отсоединил (и, судя по состоянию одного из проводов, не зря), заново зачистил и, сделав «колечки» на концах, присоединил все провода с пускателя. После чего, щелкнув автоматом, включили электричество в мастерской, и довольный Цыган приступил к работе.

Медленно крутя ручку подачи и периодически поворачивая делительную головку, он неспешно резал новые шлицы на восстановленном валу, и еще через пару часов дело было наконец-то готово. Наконец-то, с довольным видом выйдя из мастерской, он небрежно махнул валом с насаженной на его конец муфтой.

— Ну че, мужики! — усмехнулся своей любимой шуткой Цыган. — С вас пузырь!

— Обойдешься, — также привычно отшутился один из механиков. — Тебе и без нас поднесут!

— Ну вот как всегда... Никто не любит бедного цыгана, — опять практически тот же «классический» ответ.

Говоря это Цыган, разумеется, всегда изображал самое что ни на есть страдальческое выражение лица — хотя все прекрасно понимали, что он это все просто разыгрывает. Иногда даже подшучивали, что в нем артист пропадает, на что Цыган усмехался и говорил, что: «Не, таких как я туда не берут... А то ведь без работы останутся!»

— Ну отлично, — подвел итог Михаил Васильевич. — Теперь прямо завтра утром за работу!

Однако этим планам сбыться было не суждено... Когда мужики уже собирались расходиться по домам, на рембазу вдруг нагрянул местный «хозяин»... Узнав об их планах и обматерив всех собравшихся, тот потребовал немедленно приступать к ремонту комбайна, который, дескать, должен прямо завтра с утра выйти в поле, а потому «арбайтен, арбайтен»! После чего опять укатил в город, а мужики, выматерившись в адрес «хозяйчика», приступили к ремонту... Ползая по темноте, при свете лишь переносной лампы, вокруг комбайна они практически непрерывно материли «господина Евдокимова», говоря про то, что был, дескать, нормальный мужик, да «испортила его капитализма»... Однако, даже уже находясь в состоянии откровенного отупения после целого дня тяжелой работы и бессонной ночи, продолжали размахивать молотками с кувалдами, ставя на место те или другие детали, или крутить ключами болты с гайками. Пока в какой-то момент, хорошенько размахнувшись, один из мужиков не промахнулся и выпустил из рук кувалду, которая отправилась в недалекий полет туда, где в это время стоял Михаил Васильевич...

Глава 1

Очнулся он как-то внезапно — и в первый миг не понял, что же произошло. Последним воспоминанием его была летящая куда-то в район головы кувалда и осознание того, что увернуться он уже не успеет, а потом вдруг словно резко сменили фон на экране. Только что это, мать вашу?

— Здоров, Михан! — вдруг окликнул его какой-то смутно знакомый паренек. — Что застыл-то? Домашку что ли не сделал?

— Какую домашку? — с еще большим удивлением уставился Михаил.

— Ну так по физике ж! Или опять Ленку свою высматриваешь?

Твою мать! Да это ж его одноклассник, Петька Федотов! Вот только Михаил прекрасно помнил, что Петьку того схоронили пару лет назад, умер от инфаркта когда развалился его родной НИИ, а он сам остался буквально на улице... Да и не Петька он давно был, а самый что ни на есть Петр Степанович, доктор технических наук, чем сам Михаил похвастаться не мог. Нет, в какой-то момент он тоже начал было работать над еще, правда, кандидатской диссертацией, но развал СССР поставил крест на всех этих планах. Пришлось выживать — и работа на военном заводе, предприятии стратегического значения, для этого подходила откровенно хреново. Хотя жена его все же так и осталась работать там, и теперь они встречались лишь урывками, в выходные — причем, гораздо чаще она с детьми приезжала к нему в деревню, а не он в город. И кончится ли когда все это — было непонятно...

— Да никого я не высматриваю, — решив разобраться со всем по ходу, произнес Михаил.

— Ну тогда пошли уж!

«Что же случилось?» — пока они шли до школьного двора, раздумывал Михаил. Про кувалду-то он не забывал ни на миг, а потому основной ход мыслей шел к тому, что сейчас он лежит в больнице с какой-нибудь черепно-мозговой травмой, а все происходящее вокруг — всего лишь его глюки. Но, блин, насколько все же они реалистичны! Даже и впрямь хотелось поверить, что он снова в детстве, снова вокруг СССР, и снова все верят в светлое будущее... И нет никаких Горбачевых, Ельциных, нет и не было никакого развала СССР! Нет и не будет никогда!

Вот уж и такое знакомое здание школы № 34, где он с удивлением встречается и здороваются с внезапно помолодевшими одноклассниками... Васькой Петренко, будущим «акулой капитала», сумевшим ловко сделать себе состояние в начале 90-х. Лехой Никифоровым — будущим полковником милиции, уволившимся из «органов» в 1993 году. Викой Старостиной, первой красавицей класса, за кем когда-то бегали почти все пацаны, в будущем ставшей инженером-технологом на станкостроительном заводе... Анькой Поповой, будущим учителем физики и математики в этой же самой школе. Семеном Антоновым, будущим шлифовщиком 6 разряда на авиазаводе, начавшим стремительно спиваться после того, как в середине 90-х был «сокращен» и вынужден перебиваться случайными заработками. Тохой Никифоровым, будущим инженером-конструктором спецтехники, работником закрытого НИИ. И другими такими, казалось бы, давно забытыми друзьями-одноклассниками...

Потом все вместе топали куда-то в класс, где он, машинально повторяя действия одноклассников, выложил на стол учебники по физике за 10 класс, тетрадку,

авторучку-«пипетку» и пузырек с чернилами. И буквально сразу же зазвенел звонок, и в кабинет с журналом в руках вошла физичка. Анька Попова, староста класса, перечислила отсутствующих — хотя их список несколько удивил Михаила поскольку в нем не было парочки классных лоботрясов, которых, однако, он не видел и в классе, но мало ли чего в бреду-то бывает? Видимо, все дело в том, что ему настолько не хочется вспоминать про них, что сознание просто выкинуло их образы из общей картинки. Как-то не было у него желания видеть парочку будущих бандюганов — ни в бреду, ни в реальности.

— Ну что, ребята, на прошлом уроке мы изучали законы фотоэффекта, — наконец-то произнесла физичка. — Кто-нибудь хочет ответить? Нет, сиди, Старостина, у тебя и так оценок хватает. А к доске пойдет... Солнцев.

Чуть не подскочив от удивления, Михаил вылез из-за парты, уверенным шагом дотопав до доски, начал отвечать. Фотоэффект, что он про него помнит? Да, как оказалось, просто полно всего! Начав с истории открытия фотоэффекта и уравнения колебания электрона, Михаил быстро перешел к законам Столетова, красной границе фотоэффекта и квантовой теории фотоэффекта, попутно записывая известные ему уравнения фотоэффекта и изображая переходы электронов между энергетическими уровнями. Когда же Михаил наконец закончил с рассказом, в классе стояла полная тишина...

— Что-то неправильно сказал? — внезапно растерявшись, произнес Михаил.

— Ты мне решил урок сорвать... — с напускной строгостью произнесла физичка, однако, взглянув на нее, он вдруг понял, что она чуть не смеется. — Правильно все. Откуда только знаешь все это?

— Так я ж, Наталья Николаевна, ведь на физфаке... учиться собираюсь, — чуть не сказав «учился», в последний миг исправился Михаил. — Вот и готовлюсь к поступлению...

— Понятно, — ответила физичка. — Ладно, садись... Пять. Только чтобы больше без фокусов!

— Ну ты и задал! — едва Михаил сел на свою вторую парту, пихнул его локтем в бок Петька. — Я аж заслушался, а уж училка... Я у ней такого лица ни разу не видел!

Впрочем, Михаил на эти слова не обратил особого внимания. Хоть и, машинально глянув в соседскую тетрадь, открыл учебник на той же странице, но почему-то даже не взглянул туда, продолжая чуть ли не тарашиться на физичку. «А ведь ей всего 26», — вдруг подумал он. Когда-то в прошлом она казалась всем ученикам взрослой серьезной теткой, а вот сейчас перед ним вдруг оказалось всего лишь молоденькая и очень даже симпатичная девушка... Даже машинально вспомнилось все, что он знал про ее дальнейшую судьбу... Два брака — два развода. Двое детей от разных мужей — первый из которых нашел себе другую, а второй начал пить, и она ушла сама. Тоже ведь, по сути, особого счастья так и не видала в жизни... Последний раз он видел ее на встрече выпускников в 1996 году — и тогда в свои 56 лет она уже выглядела откровенной старушкой, в которой уже сложно было узнать ту молодую и красивую женщину, какой она запомнилась всем по школе.

Однако тут же кольнула мысль о любимой жене, об оставшихся где-то там, в Городе, трех детях — и наваждение в тот же миг отхлынуло. Твою ж налево... Как они-то теперь будут? Если он валяется в бреду в больнице, то на что они будут жить? На выплачиваемую раз в 2–3 месяца зарплату ведущего инженера-технолога? Или побегут просить денег у их родителей? Те-то, конечно, не откажут — вот только у них у самих-то мало что есть! Оставалось лишь надеяться на то, что все это ненадолго, скоро он наконец-то очнется — и все вновь станет как прежде... Хотя, честно говоря, возвращаться из такого родного

Советского Союза, из детства в ту гниющую со всех сторон капиталистическую Россию не было ни малейшего желания...

К доске в этот день не выходил больше никто, так что остаток урока пролетел для Михаила как-то незаметно, словно в полусне... Физичка рассказывала что-то про теорию Планка, уже упомянутую им красную границу фотоэффекта, которую она называла просто «длинноволновой», работу выхода и уравнение Эйнштейна — все на, разумеется, школьном уровне в то время, как ему в голову все лезли формулы и законы из университетского курса, формулы и функции Планка, законы излучения, связь классической и квантовой теорий излучения, комптоновское рассеяние и еще почему-то целая куча всякой фигни из университетского курса физики, которая сейчас была вообще и не нужна-то! То ли это было своего рода способом отвлечься от происходящего вокруг бреда, то ли, зацепившись за этот фотоэффект, мозг теперь пытался вспомнить и другие вещи из когда-то изученного в университете курса общей физики. Потом решали какие-то физические задачки, но все это было словно в каком-то полусне из-за не исчезавшего ощущения нереальности происходящего... Так что когда прозвенел звонок, и весь класс двинул на выход, Михаил даже не обратил на то особого внимания...

— И давно ты институтскую физику учишь? — вырвал его вдруг из раздумий голос физички.

— Второй год, — сказал первое, что пришло в голову, Михаил.

— Ученым стать хочешь?

— Нет, инженером.

— Ну молодец, — кивнула каким-то своим мыслям физичка. — Только тут-то зачем все это устроил? На меня хотел произвести впечатление?

— Да нет... Сам не знаю...

— Ладно, — вдруг улыбнулась физичка. — Не оправдывайся... Я-то сначала не поняла, а потом обратила внимание, какими глазами ты на меня смотрел...

— А разве любить — грех? — решил подшутить Михаил. — Помните, как в том фильме?

В конце-то концов это все — лишь бред в результате черепно-мозговой травмы! Так почему бы и не пошутить малость, в конце концов? Какое-никакое да развлечение...

— Нахал, — на этот раз уже чуть не рассмеялась физичка. — Видела я тот фильм. Нет, не грех! И фильм хороший. Только это не любовь. Это... другое. Ладно, — подвела итог училка. — Я про твои слова и твою выходку никому не скажу. Но чтобы это было первый и последний раз!

— Да понял, — ответил Михаил.

— Ну вот и хорошо...

«Это что же, мой бред меня еще и жизни учить будет?» — откровенно удивился Михаил, но виду не подал, только собрал портфель и пошел в коридор. А все ж красивая она! И как они в школе на это внимания не обращали? Или просто воображение создало вместо реального какой-то идеализированный образ? Но только почему?

«А ведь где-то в это время я начал с Ленкой встречаться», — вдруг подумал Михаил. Но уж нет! Пусть все вокруг и ненастоящее, но хоть в своем бреду он не станет повторять эту ошибку! Да и, тем более, не было у него к ней уж никаких чувств кроме откровенного презрения... Все перегорело и ушло в прошлое, заслонилось новыми чувствами к той, с кем он и прожил большую часть своей жизни. Впрочем, это было уже гораздо позже, когда он уж

работал инженером на заводе... Собственно говоря, там-то они и встретились первый раз — двадцатилетний инженер со стажем и молоденькая студентка-практикантка. Потом были почти два года дружеского общения и редких встреч, итогом которого стало то, что когда ему уж было 28 лет они решили жить вместе, а спустя еще год расписались — также тихо, без всяких празднеств. Таково было их совместное решение...

С первой же женой, этой самой Ленкой, Михаил развелся еще в 22 года, как узнал, что та «ходит налево» — и разочарование от того брака было столь сильно, что других женщин у него не было почти шесть лет. Нет уж, такой судьбы ему точно не надо! Лучше уж подождет до тех своих 26–28 годов, и чтобы уж сразу все нормально было! Если, конечно, его бред продлится настолько долго, что было очень маловероятно... Эх, скорей бы уж очнуться!

Вторым уроком оказалась алгебра... Касательная к кривой, геометрический смысл производных и прочая фигня... Здесь Михаила, впрочем, не спрашивали, хотя весь урок его так и подмывало сказать что-нибудь про решение уравнений в частных производных или методы математической физики, но увы — интереса к его протянутой руке учитель так и не проявил. Так что, несколько расстроившись и решив несколько элементарных задачек, он записал домашнее задание и вскоре отправился на перемену.

Шоком стал для него третий урок — истории... и хоть, казалось бы, ничего не предвещало, но в их классе всегда висел на стене портрет Ленина... Вот только, войдя сейчас, Владимир с удивлением заметил на его месте сразу три портрета — хорошо знакомого Ленина слева, но в дополнении к нему справа висел портрет товарища Сталина, а посередине между ними — портрет какого-то смутно знакомого, словно где-то виденного мужика. Вот только вспомнить, кто же он такой, почему-то никак не удавалось... И это сбивало с толку. Если его сознание вдруг вытащило из каких-то глубин памяти школьные воспоминания, то откуда тогда взялось такое разительное несоответствие увиденного сейчас с былой реальностью?

Это было уже что-то странное, и Михаил даже непроизвольно протер глаза, но картинка меняться упорно не желала. Тогда он решил проверить реальность происходящего более простым и, казалось бы, надежным решением — попросту ущипнув себя за руку. Боль оказалась на удивление реалистичной... Но, быть может, то все «отзвуки» чего-то происходящего в реальности с его бессознательным телом? Ответа не было...

Подумав, что раз уж у них сейчас идет история СССР, то что-то можно найти и в учебнике, Михаил открыл и даже быстро перелистал оказавшийся на этот раз совершенно незнакомым учебник. Такого у них не было точно! В качестве его авторов стояли также ни о чем не говорящие ему фамилии — Базилевич, Бахрушин, Панкратова и пара еще, а ниже стояла отметка о 14 издании. 1964 год, почти новенький... В учебнике освещались события от начала века до 1962 года, буквально кануна написания самого учебника.

Однако сейчас Михаила интересовал лишь раздел «Основные даты по истории СССР (1894–1962)». И первым, что привело его в некоторое замешательство, оказалась строчка «1941 г., 29 июня — вероломное нападение немцев на СССР». Какие к черту 29 июня? Это ж на целую неделю позже! Однако на этом отличие не думали заканчиваться... По непонятной причине «Безоговорочная капитуляция Германии» здесь числилась тоже несколько позже, 11 мая 1945 года. Но даже это оказалось еще мелочью... Поскольку следующей стояла дата 10 ноября 1954 года — «Смерть И.В. Сталина». «Ого! — чуть не произнес вслух Михаил. — Да тут товарищ Сталин на полтора года дольше прожил!» и непосредственно следом за этим — дата 6 ноября 1955 года. «Смерть Л.П. Берии». Это уж не лезло ни в какие рамки, и

Михаил чуть за голову не ухватился. Все же дочитав до конца список дат, он дополнительно узнал про даты выборов в Верховный Совет СССР, запуск первого спутника неделей раньше чем он знал, первый полет в космос аж 4 марта 1961 года... Да что за бред-то такой? Откуда? Почему?

Перелистнув несколько страниц назад, пробежал глазами последние страницы учебника. «Вооружённые передовым марксистско-ленинским учением, вдохновляемые великими идеями коммунизма, советские люди прекрасно понимают превосходство советского мировоззрения и преимущества советского общественного строя. Они полны чувства гордости за свою советскую родину, за её великие достижения. Вместе с тем советский народ ценит заслуги других народов перед историей.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру во всемирной истории. Она показала, что капитализм стал тормозом прогресса человечества, что продолжение политики империалистов, которая привела человечество к двум мировым войнам, грозит народам новыми войнами и страшными бедствиями.

Судорожные усилия империалистов, под ногами которых колеблется почва, не спасут капитализм от приближающейся гибели. Мы живём в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму.

Наша социалистическая родина победоносно решает задачу постепенного перехода от социализма к коммунизму, показывая народам всего мира реальную возможность строить счастливую и свободную жизнь без капиталистов».

Сказать, что прочитанное было шоком, значило бы ничего не сказать... По сути, несколько минут Михаил лишь удивленно таращился в учебник, будучи не в силе осознать происходящего. Да, он еще мог поверить в то, что в бреду вспомнил школу и одноклассников. Даже могло по какой-то случайности получиться так, что вместо привычного портрета Ленина он представил на его месте сразу три — Ленина, Сталина и, как он понял после прочтения заключения, товарища Пономаренко. Вот кто тут генсек, оказывается! Но придумать и представить весь этот текст? Не, этого он не смог бы точно! Твою ж... Неужели это все реально?

Увы, но дожить до того времени, когда в России вовсю начали писать про так называемых «попаданцев», кто переносился в детстве и «давал всем прикурить» Михаил так и не успел, а потому с ходу ничего подобного в голову ему не приходило... Впрочем, в отличие от некоторых «попаданцев» ему все же повезло... Странная вещь, но почему-то «назад в себя» чаще всего возвращались бесхарактерные слабаки, которые, однако, после переноса вдруг и школьных хулиганов на место ставили (хотя до того даже гантелей в руках ни разу не держали), и песни перепевали, и «подкатывали» к девчонке, на которую сидели-облизывались, но не смели даже заговорить лишней раз... У Михаила таких проблем в детстве не было — тут он был уверенным «вышесредняком». Главным задирой класса не был и до «бычков» не дотягивал, но постоять за себя всегда мог, а потому хулиганы с ним особо не связывались. Один на один особого преимущества не имели, а позовешь дружков — так в ответ мигом соберется компания «пролетарских», кто друг за друга всегда горой и «всяким тут» спуска не даст. С девчонкой тоже проблем не было — хотя повторять тот опыт Михаил не стал бы точно. С учебой тоже было все в целом неплохо — четыре четверки, а остальные пятерки. Да и дальнейшая судьба — учеба на физическом факультете, работа инженером-конструктором в области СВЧ-электроники, что тоже его вполне устраивало. Во всяком случае, до тех пор, пока после развала СССР не начались задержки с выплатой зарплаты и

гиперинфляцией в стране... Впрочем, ни о каких таких «попаданцах» Михаил и не подозревал, а потому особо и не задумывался на такую тему.

От мыслей о том, что все же произошло, его отвлек звонок на урок — начиналась история. Как обычно, все началось с опроса учеников — и вышедшая к доске Вика Старостина рассказывала о том, что происходило после смерти товарища Ленина и о лекциях товарища Сталина «Об основах ленинизма», XIII съезде партии и борьбе с троцкизмом, результатах осуществления новой экономической политики и борьбе с кулачеством. Эх, Вика-Вика... Милая, приветливая и открытая девушка, верящая в светлое будущее и в победу коммунизма... Как все же хорошо жить в мире, где красивые девушки мечтают стать учеными, инженерами, учителями и врачами, а не какими-нибудь валютными проститутками или содержанками у «новых русских»! Пасть бы порвал тем, кто сотворил с его страной такое! Да только «история не имеет сослагательного наклонения»... Или все же имеет?

Потом отвечал Семка Антонов, рассказавший о положении дел в Средней Азии, борьбе с великодержавным шовинизмом и буржуазным национализмом, разгроме грузинского меньшевизма и национальном размежевании в Средней Азии. Ну а после его ответа перешли к новой теме — изучали времена начала индустриализации. Собственно говоря, тема так и называлась: «Курс на социалистическую индустриализацию»... Международное положение СССР в середине 20-х, курс на построение социализма в одной стране и социалистическую индустриализацию, сталинской политике в области экономики и борьбе с зиновьевской оппозицией. И все это — со ссылками на товарища Сталина, про которого, насколько он помнил свои школьные годы, обычно предпочитали стыдливо замалчивать. Вроде как был такой, а вроде как и не совсем... Дошло до того, что даже гимн без слов исполняли, лишь бы не упоминать имя Сталина — хотя официально никто его не менял и не отменял.

После истории — большая перемена. И пока многие его одноклассники побежали перекусить в столовку, Михаил не спеша ходил по школьным коридорам, приглядываясь к окружающему и постепенно замечая и еще некоторые мелкие отличия от того, что он помнил из своих школьных лет, а оттого ситуация становилась все страньше и страньше... Да что, мать его, происходит? Он умер и теперь на том свете? Но Михаил всегда был атеистом и в загробную жизнь как-то не верил. Тем более, странная какая-то была загробная жизнь... На рай как-то не похоже. На ад — тем более... Или и впрямь прав был один его знакомый, кто утверждал, что идеология коммунизма — это стремление построить рай на Земле? Но на коммунизм происходящее все же походило мало, да и почему он тогда снова в школе? Уж если б это и впрямь загробная жизнь, то логичнее всего было бы либо оказаться тут «как есть», либо «переродиться» со младенчества...

Или это, мать его, какой-то другой мир? Если исходить из уже отмеченных некоторых различий, то можно было сделать примерно такой вывод... Но как такое возможно? И почему он вдруг оказался здесь? Но додумать до конца мысль он уже в который раз не успел...

— Куда смотришь? — отвлек его от наблюдения за происходящим во дворе голос Вики.

— Да вот, во двор, — оглянувшись на одноклассницу, ответил Михаил. — Елочка вон растет...

Ну да... Его внимание как раз привлекла небольшая елочка, которой в его прошлом точно не было в этом месте. Не было никогда!

— Наша елочка, — взглянув туда же, улыбнулась девчонка. — Помнишь, как в шестом

классе ее сажали?

Шестой класс? Да не было ничего такого! Точно не было... Он не мог ошибиться... Хотя да, деревья они тогда и впрямь сажали. Но елок среди них точно не было!

— Когда-нибудь мы будем приходить сюда, смотреть на нее и вспоминать свое детство, — задумчиво произнес Михаил.

Да, именно так все и будет... Пусть никакой елки у них и не было, но встречи выпускников он помнил хорошо... Особенно последнюю, 1996 года. Вечер воспоминаний о порушенных планах и разбитых надеждах... А ведь всего за десять лет до того многие верили в перестройку, прогресс, в то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Но жизнь разбила в щепки эти надежды, и почти все из их класса так и остались не у дел. Новой стране не нужны были ни конструкторы, ни технологи, ни высококлассные рабочие или честные, не желающие «крышевать» зарождающуюся мафию, милиционеры... А «перестроиться на новый лад», стать торгашами и банкирами, продажными чиновниками и бандитами большинство оказалось не в состоянии. Совесть не позволила... Эх, Вика-Вика... Что ждет тебя и твоих детей в мире победившего капитализма?

— Конечно, — улыбнулась девчонка. — Ведь мы же давно сдружились все... Разве ж можно взять и все забыть?

— Конечно, не забудем, — согласился Михаил.

«И никогда не простим того, что сотворили с наше страной и нашим будущим», — мысленно добавил он. Твою мать! Да будь на то его возможность — отдал бы все ради того, чтобы этого никогда не повторилось! Да только как сделать это? Пусть даже тут и впрямь другой мир... Пусть здесь нет Кукурузника и ему подобных властолюбивых идиотов, кто своей глупой и бездарной политикой гробил страну, но где гарантия того, что все это не повторится несколько позже? Что, в конце концов, уже сейчас все не идет по тому же самому, только более медленному, сценарию? Нет уж! Как только доберется домой — постарается со всем разобраться! И пусть это хоть бред, хоть загробная жизнь...

— Ты куда поступать будешь? — после затянувшегося молчания вдруг вновь обратилась к нему Вика.

— На физический в университет, — ответил Михаил.

Собственно говоря, чего скрывать-то? В прошлой жизни они учился там, даже почти с отличием закончил. Туда ж, раз уж кто-то вздумал подарить ему новую жизнь, пойдет и сейчас... В отличие от страны, в своей лично судьбе менять Михаил не собирался ничего. Ну если только не считать одной «ошибки молодости»...

— А я в Политех, на машиностроительный, — ответила Вика.

— На завод пойдешь работать?

— Да, — согласилась девчонка. — Хочу потом пойти на наш станкостроительный...

— Ну тогда удачи тебе! — улыбнулся Михаил.

В том, что все у нее получится, он даже и не сомневался. Так было в его прошлом, так будет и сейчас... Постояв рядом еще немного рядом, словно желая, но так и не решаясь о чем-то сказать, Вика вскоре пошла в класс, а он так и остался стоять в раздумьях... «А ведь ты ж ей нравишься!» — вдруг ехидно усмехнулся «внутренний голос», и осознание этого вдруг сразу расставило все точки над тем, что он помнил по школе... Да, все то же самое уже когда-то было в его прошлом. То, что она несколько выделяла его по отношению к другим одноклассникам, он заметил еще в своем детстве. Вот только он тогда еще был «мал и глуп» и причин всего этого попросту не понимал. И пока другие пацаны бегали за первой

умницей-красавицей класса, а она продолжала упорно игнорировать их, сам Михаил вовсю бегал за Ленкой — как он тогда считал, своей первой и последней любовью... Которая, впрочем, так и не принесла ему в жизни счастья. Все их годы совместного проживания были наполнены постоянными ссорами, капризами, мелочными придирками, а, как оказалось позднее, и ее изменами. Нет уж! Повторять этого он не будет точно...

Впрочем, с Викой связываться не станет тоже. Да, она хорошая девчонка и, возможно, у них и могло б что-то получиться, только все это вот было возможно лишь в его настоящем детстве. Сейчас же она в его глазах выглядела всего лишь милым ребенком, маленькой девочкой, 49 его лет против ее семнадцати — это даже не смешно. Тем более — зная, что ее жизнь сложится вполне удачно и счастливо, он бы ни за что не стал ломать ее. Нет уж... Коль ему и впрямь придется жить вторую жизнь — будет ждать ту, с кем он в итоге связал судьбу в прежней...

После того, как Михаил решил, что все это происходил на самом деле, все начало вставать на свои места... Оставался лишь один вопрос — как? С научной точки зрения все происходящее было невозможно... И так уж больно долго протупил, мог и быстрее все осознать. И пусть оно и впрямь выглядело как сущий бред, но игнорировать уже накопившиеся факты было невозможно! Значит, другой мир, другой СССР? Ну и пусть! За то он снова живой, здоровый, молодой... И вполне может сделать что-то полезное и для своих близких, и для страны в целом... И он уж постарается сделать так, чтобы и в этом мире не победила буржуйская мерзость.

Четвертым уроком был изрядно подзабытый с университетских времен немецкий язык — точнее говоря, читать и говаривать на технические темы на нем Михаил мог достаточно свободно, а вот многие правила грамматики уже подзабылись, но на этот раз обошлось — никто его не спрашивал. Хотя, конечно, правила эти все придется повторить... А на перемене после немецкого Михаил столкнулся с директором школы.

— Здравствуйте, Василий Афанасич! — вспомнив детство, громко прокричал он.

— Ты что орешь, Солнцев? — удивленно взглянув на него, произнес директор.

— Не знаю, — пожал плечами Михаил. — Случайно получилось, задумался о чем-то...

«Вот это раз!» — уже идя от школы к мастерской, думал он. Он же прекрасно помнил, что Афанасич еще с войны полуглухой, он же тогда танкистом воевал... В 1943 году получил тяжелое ранение и контузию и был комиссован, работал в школе учителем географии, потом стал директором. А тут, выходит, не было этого?

Эх, а ведь в его-то прошлом ему оставалось уже недолго жить... Через три года он бы помер от инфаркта, а ему на смену пришла одна из нынешних (к счастью, не их) «русачек». «Женщина строгих нравов», как иронично называли ее в будущем — привыкнув «строить» мужа с детьми, она быстро превратит школу в нечто среднее между казармой и колонией для малолетних преступников, где все будут буквально «ходить по струночке», любое инакомыслие будет жестко давиться, а по малейшим поводам в школу будут вызывать родителей. Тогда, кстати, из их школы и та же Наталья Николаевна уволится — не сойдется во взглядах на вопросы воспитания. А новая директорша в отместку постарается сделать так, чтобы ее ни в одну городскую школу не взяли. Не иначе как из зависти... Да, в отличие от Аллы Викторовны, «Наташу», как ее промеж собой называли старшеклассники, в школе любили. Она-то и предмет нормально объясняла, явно сама неплохо понимала его, и относилась к другим по-человечески — не потому ли и из их класса вышло так много инженеров? Впрочем, она станет первой, но не последней — через год уволятся еще двое

учителей, географ и биологичка. Посчитают ниже своего достоинства плясать под дудку самодурки-директорши. Впрочем, эти уволятся тихо, без скандала...

Но, может быть, в этом мире все будет иначе? Если Василий Афанасьевич тут поздоровее, то вполне может и подольше прожить — и тогда такого идиотизма не будет. Их школа так и останется нормальной, а не превратится в «филиал казармы», куда будут отправлять лишь самых балбесов? Эх, как бы разузнать еще?

Наконец, последними двумя уроками были традиционно сдвоенные «труды»... Изучали фрезерный станок НГФ-110, что сразу напомнило про недавние события... Там-то, конечно, был не НГФ, а старенький убитый 6Н12 (хотя их фермер давно грозился купить «что-нибудь получше» с какого-нибудь разваливающегося завода), но это сейчас не имело особой разницы. А ведь его ему даже ремонтировать приходилось — как-никак «инженер-механик», начальник рембазы. Так что все, что по механической части, проходило по его «ведомству». Так что когда трудовик спросил, кто что знает про фрезерные станки, он первым поднял руку, спокойно рассказав о конструкции и назначении фрезерных станков, а затем рассказав про технику безопасности и показав органы управления. И, заодно, сказав про то, что у «настоящих» станков есть еще и механизм автоматической подачи...

Хотя последнее к тому станку, что был у них на рембазе, давно уж не относилось из-за убитой в хлам коробки подач. А шестерни на замену взять было негде! Точнее, можно купить — но, как всегда, «нет денег»! Да и, как он узнал в последний день своей прошлой жизни, по электрике там тоже все плохо было... Что, впрочем, Цыгана мало волновало — деньги платят, на его «художества» смотрят сквозь пальцы — значит, можно работать! Даже «левак» для соседей делать можно в свободное время... Впрочем, про это все Михаил, конечно, не рассказывал.

— Молодец, — когда он закончил рассказ про фрезерные станки, произнес трудовик. — Сразу видно, у кого батя фрезеровщик.

Рассказав еще малость теории, трудовик перешел к демонстрации работы на фрезерном станке — установив тиски и обрезок какой-то плиты, начал делать из нее «лесенки» для станочных работ. Потом тем же самым занялись и ученики, так что и Михаилу довелось малость покрутить ручки...

Но вот, наконец, и конец уроков — впереди суббота, а дальше уже и выходные... И, как всегда и было, домой шли компанией сразу в пять пацанов — пятеро «пролетарских», как их звали другие. На улице весна, солнышко, потихоньку тает снег и кажется, что жизнь прекрасна... Петька с чего-то вдруг вспомнил, как в пятом классе «махались» с «агафоновскими», когда Федька Тарасов и его приспешники пытались установить в классе свои порядки... Как раз тоже весной было, тоже под конец третьей четверти... Их, правда тогда, было куда больше, но после восьмого класса большинство «пролетарских» ушли — кто в ПТУ, кто в техникумы.

— Да, были времена, — хмыкнул в ответ Семка. — С тех пор они к нам и не лезли больше...

Большинство из них, живя в одной районе, знали друг друга еще с детства — и с детства же и дружили. И с ними предпочитали не связываться даже самые отпетые школьные хулиганы — знали, что если даже позовут своих дружков, то придется иметь дело не с трусливыми сопляками, а с дружной компанией, кто друг за друга кому угодно глотки порвет. Даже если подкараулят кого по одиночке — завтра уже их будут бить все «пролетарские». Хотя класса до пятого драться доводилось все же достаточно часто — но

постепенно оно как-то сошло на нет... «Пролетарские» с «агафоновскими» решили придерживаться «вооруженного нейтралитета».

И все же... Почему Федьки-то Тарасова с Лехой Роговым нет у них в классе? Неужели в этом мире он так и не смог перевестись в 9 класс? Однако спрашивать про это Михаил поостерегся — явно ж что-то из серии того, что тут известно всем...

— Ну че, пацаны, по домам? — когда они добрались до своей «пролетарки», сказал Петька.

— Ага! — согласился Семка.

И вот Михаил уже один топает вдоль трамвайной линии к своему дому... Пару раз мимо проносились старенькие двухосные вагончики 9 маршрута, полупустые в связи с дневным временем, но на них он уже не обращал особого внимания. Давно привычный элемент пейзажа... Можно было, правда, большую часть дороги до школы проехать и на трамвае — но у них, школьников, это было не в привычке. Зачем тратить деньги на проезд, если можно прогуляться пешком? А деньги, если они все же есть, пойдут и на «что-нибудь вкусненькое»...

Глава 2

Дом был все тот же самый, что он помнил по детству. Новенький, выкрашенный зеленой краской с коричневой «окантовкой» окон, дверей и ставень, с четырехскатной крышей из узких железных листов... По местным временам дом батя вместе со старшим братом и с ним самим построили всего три года назад, хотя сейчас для Михаила оно казалось чем-то давным-давно позабытым. А ведь было оно все. И бревна обтесывать помогал, и глиной обмазывал, и оббивал дощечками снаружи... Мамка потом все это добро красила... По сути, весь дом был ими построен — лишь когда делали крышу, к батю на помощь пришли мужики с работы, за что он им впоследствии «поляну накрыл». Вот уж времена были! Когда люди помогали друг друга и не требовали взамен астрономические суммы денег... Просто потому, что «ну как это, своим не помочь?»

Просунув руку под забор в нужном месте, Михаил достал оттуда согнутый из толстой проволоки крюк-ключ и, просунув его в дыры в калитке, отпер засов и зашел внутрь — после чего положил крюк на прежнее место. Дойдя до крыльца, достал из щели над косяком ключ и отпер дверь. Зашел домой, разулся, разделся и повесил куртку на крючок у двери, кинул портфель на полку и пошел осматривать дом...

Как показалось в первый миг, дом был тем самым, что он помнил по детским воспоминаниям... однако уже со второго взгляда бросились в глаза некоторые различия. Во-первых, не было двух печей-голландок, которые клал его дед, еще в деревне бывший хорошим печником и получавший за это неплохие деньги! дед сейчас жил в доме у старшей сестры Михаила, с детьми сидел пока родители работали, но сейчас это имело мало отношения к делу. Самое главное — что одной печи и вовсе не было, а вместо второй, на кухне, была кирпичная труба с пристроенным к ней водогрейным котлом. Вот тебе и раз! В его реальности на котел перешли лишь в 1972 году — вместе с тем разобрал печь в комнате и приспособив кухонную в качестве трубы. Но здесь все было иначе... И, долго не раздумывая, Михаил приступил к растопке котла — благо, что хорошо помнил, как пользоваться такими «раритетами»... Сначала заглянул в расширительный бачок и убедился, что воды достаточно, выгреб остатки золы в ящик, открыл шибер и приступил к растопке. Котел, правда, был не совсем таким, какой был у них когда-то, но это не имело особого значения. Принцип-то в них во всех был один — так что спустя несколько минут он уже весело разгорался, скоро трубам пойдет тепло, что надо будет обязательно проверить, а пока можно было изучить и дом в целом...

В остальном особых различий, впрочем, не было. Те же самые, многие еще довоенные, металлические кровати, шкафы и комоды, сделанные дедом деревянные табуреты, совсем еще новенькие трельяж, пара кресел и прикроватная тумбочка. Та же дровяная плита на кухне и тот же холодильник «Север». А вот телевизор оказался совершенно другим — вместо старенькой «Весны» в комнате стоял совсем незнакомый телевизор со странным названием «Спутник», который при этом выглядел несколько современнее того, что он помнил из своего прошлого. Заинтересовавшись этим вопросом, Михаил быстро разыскал паспорт на телевизор и с удивлением узнал, что он произведен в 1965 году какой-то одноименной саратовской артелью, что вызвало откровенное удивление. «Артели» было каким-то полузабытым воспоминанием из прошлой жизни — когда-то он что-то слышал про существование при Сталине негосударственных организаций, производивший всякий

ширпотреб вроде чашек с кастрюлями или пироженных с мороженым, но чтобы там делали телевизоры? Этого он не ожидал совершенно!

Впрочем, самый большой шок ожидал его позже... Когда, притащив из колонки пару ведер воды и растопив плиту, Михаил поставил на нее греться кастрюлю щей и кипятиться чайник и, зайдя в комнату, мельком глянул в зеркало трельяжа...

Это был не он! Точнее, не совсем он! Пацан в зеркале хоть и был очень похож, но не заметить различия было невозможно... Другой цвет волос — почти блондин вместо «темненького». Немного другой разрез глаз и немного другая форма носа. И хоть достаточно значительное сходство и было, но оно было примерно на уровне сходства меж собой двух братьев. Даже не близнецов!

— Твою мать! — удивленно таращась на себя в зеркало, произнес Михаил.

Разыскав в шкафу документы, он заглянул в свой паспорт, и тут его ожидало еще одно удивление. 27 июня 1949 года — такова была его дата рождения в этом мире. На два дня позже, чем в его реальности!

— Твою мать! — еще раз выругался Михаил.

Будь сейчас в доме батя, он бы наверняка отвесил ему подзатыльник за те ругательства, которые он изверг после осознания того, что он-то и не совсем уж он... Хоть по нынешним меркам он и был человеком современных взглядов, считающим, что воспитание должно вестись путем убеждения и разъяснения, но от подзатыльника в «особых случаях» оно все равно не спасало. Но сейчас батя был еще на работе, а потому можно было особо не таиться... Блин, а ведь родители неизбежно заметят произошедшие с ним изменения! И как он станет им все разъяснять?

Помыв рук в древнем умывальнике с «пипкой», Михаил уже думал садиться за обед, когда скрипнула дверь, и в дом из сеней буквально влетела Машка, его младшая сестренка, нынче — студентка электромеханического техникума, будущий технолог по металлообработке. Позднее она работала в цеховом техбюро авиазавода...

— Привет, Миш! — скинув с себя одежду, забежала на кухню Машка. — Как там, в школе?

— Привет, Маш! Да все отлично, по физике и трудам пятаки получил. У тебя-то как дела?

«Блин, какая ж она все же молодая еще», — глядя на сестру, думал тем временем Михаил. Шестнадцать лет еще — тоже, как говорится, вся жизнь впереди... Девчонка-девчонкой еще, со своими мечтами и верой в светлое будущее и в неизбежное торжество коммунизма. Кто не может и подумать о том, что когда-то придется бросить работу на заводе и идти работать в лифтерку, среди крыс и тараканов, и считать каждую копейку, экономить на всем, на чем только можно... Суки! Сколько судеб поломают эти буржуйские выкормыши! Пристрелить бы к чертям собачьим «комбайнера» с его прихлебателями! Устроить гадам новые «сталинские репрессии», про которые станет так модно верещать на закате Советской власти!

— А что может у меня не так быть? — хитро прищурившись, усмехнулась сестра. — Как всегда все прекрасно! О, супец готов! — увидев на столе парящую кастрюлю со щами, обрадовалась сестра. — Ты свинью с курами кормил?

— Нет, не успел еще, — осознав, что совсем и забыл про то, что у них в эти годы скотина была, ответил Михаил.

— Я тогда сейчас сбегая, а ты пока щей налей, — ответила Машка.

Минут через десять Машка зашла домой — заодно, запустив прибежавшую домой свою тезку-кошку. Собак они никогда не держали из-за того, что мать Михаила их терпеть не могла, а вот кошки были всегда. Да и в частном доме без кошек никуда — а то быстро мыши разведутся! Дальние потомки этой кошки будут жить в их с женой доме и в 90-е. К счастью, они были не особо-то «плодовиты», принося 2–3 котят в год, а как хороших крысоловов их всегда хорошо разбирали...

Быстро раздевшись, машинально, явно по привычке, пощупав трубу отопления и помыв руки, сестра выложила из авоськи буханку вкусно пахнущего серого хлеба, уселась за стол и начала уплетать щи так, что Михаил даже удивился!

— Жрать хочу как волк, — между делом прокомментировала Машка.

Наконец, дообедав, сестра поставила тарелку в мойку и, налив миску тершейся под ногами кошке, убежала в комнату, а Михаил, не торопясь доев, так и продолжал сидеть за столом, раздумывая над всем произошедшим... То, что он в другом мире — можно даже и не сомневаться. Как бы антинаучно оно не звучало, но это означает лишь то, что современная наука пока попросту не достигла нужного для понимания подобных вещей уровня. То, что он — не совсем он, это тоже вполне понятно логично. Обыкновенная теория вероятности — малейшее отличие истории может привести к тому, что вместо одного человека родится его потенциальный брат или сестра. Вон Машка, кстати, тоже несколько иные черты лица имеет, тоже явно «сестра его сестры». А вот старшее поколение, кто родился до войны — они все те же самые, хотя судьбы некоторых явно сложились немного, взять хоть того же Василия Афанасьевича... Эх, интересно, как в этом мире живут-поживают «товарищи» Андропов с Горбачевым? Может быть, благополучно сдохли в войну? Хотя что-то подсказывала, что оно не тонет... Сидят поди где-нибудь при должностях и точно также, как в его прошлом, потихоньку планируют антисоветский переворот.

Впрочем, вопрос сейчас не в этом... Прежде всего, ему как-то надо будет легализоваться и не допустить глупых проколов, а с учетом трех с лишним десятилетий опыта последующей жизни это будет не такой уж простой задачей, придется быть максимально осторожным и осмотрительным. Во-вторых, надо будет как-то все объяснить родителям — уж они-то произошедшие изменения заметят неизбежно. И как им все доказать? Научными знаниями, которых у него не было и в принципе не могло быть? Пожалуй, что да... Вариант не стопроцентно надежный, но лучшего просто не придумаешь. По крайней мере хватит для того, чтобы его выслушали и сразу после этого на Алтынку не отправили... Можно, конечно, пытаться предсказать будущее — но что он сможет привести в качестве гарантированно надежного факта, особенно с учетом изменившейся истории? Какие-нибудь природные катаклизмы? А не помнит он ничего такого по ближайшему времени!

Ну и самое главное — как быть дальше? Допустим, с личной жизнью он уже определился — дождаться той, кто и в той жизни стала его женой. Хотя тут тоже могут проблемы быть — разум-то взрослый, а вот гормоны детские. И если одноклассницы и воспринимались как еще дети, то вон уже на ту же физичку он уже и впрямь пялиться начал... Нет уж, нафиг-нафиг, никаких девушек. Как-то в свое время шесть лет без них обходился — обойдется и одиннадцать. Вопрос закрыт! Но вот с другими вопросами было посложнее...

Взять хотя бы учебу... При наличии желания он сейчас смог бы, немного повторив материал, сдать экстерном весь университетский курс и вместо пяти лет отучиться,

допустим, два. Потом сборы — и вперед, на работу... Только сможет ли он тогда устроиться на то же место работы или даже хотя бы на тот же завод? Тут-то менять ничего Михаилу не хотелось! Прошлая работа была ему вполне по душе. Как говорится, инженер-конструктор — это призвание. Создавать новую технику... особенно при наличии послезнания о том, где и что будет сделать правильно, а что окажется тупиковым направлением. Тут, глядишь, и ведущего инженера получишь не через двенадцать лет, а уже через пять, а там уж и того выше карьеру сделать можно будет, диссертацию защитить...

Вот только хорошо мечтать о чем-то тогда, когда ты и впрямь семнадцатилетний пацан со святой верой в светлое будущее и торжество коммунизма, когда даже дуболомство того же Хрущева кажется всего лишь досадной ошибкой на этом пути, которую рано или поздно неизбежно устранят... А когда ты почти пятидесятилетний мужик, кто повидал и деградацию советской идеи, и развал СССР, невыплаты зарплат, стоящие заводы и бандитский беспредел на руинах сверхдержавы? Увидал рассуждающие о «кровавом режиме» пьяные рожи в телевизоре и продажных чиновников и политиков, готовых целовать в жопу геополитических врагов и орущих про «американских друзей»? Спокойно жить и надеяться, что этот мир минует та участь? А если нет? Что тогда? Второй раз увидеть нечто похожее — только, может быть, позже на десяток лет?

Или, вдруг вспомнил Михаил, спокойно жить, зная про то, что в начале следующего десятилетия в городе появится убивающий девушек маньяк и не сделать ничего, чтобы заранее уничтожить мразь? А ведь один из трупов найдут буквально в нескольких кварталах от их дома! Нет, жить как прежде уже не получится... Даже в мелочах, не говоря уже о вещах более масштабных и серьезных — таких как судьба страны. Так что его жизнь неизбежно станет совсем другой — и потому уже сейчас предстояло определиться с планом действий. Что, когда и как делать. Поставить перед собой четкие и ясные цели, наметить пути к их достижению и начать двигаться в нужную сторону...

— О чем задумался-то? — зайдя на кухню и взглянув на сидящего с задумчивым видом напротив пустой тарелки брата, поинтересовалась Машка.

— Да так, о всяком, — неопределенно ответил он.

— Про Ленку свою что ли думаешь? — усмехнулась сестра.

— Да нафиг мне эта Ленка? — машинально ответил Михаил. — Я за ней бегать не собираюсь! Тут поважнее дела есть...

— Вот как? — удивилась сестра. — Это правильно! Воображуя она — как есть воображуя. А что за дела-то хоть?

Ну да... Так и есть — хотя, с учетом прошедших лет, свою первую любовь Михаил бы охарактеризовал более коротко и емко. Стерва... Редкостная стерва — за то с хорошей способностью манипулировать мужиками, в этом ей точно не откажешь. Не стань она налево бегать — поди еще не один год прожили б прежде, чем его бы все окончательно доконало... А ведь еще тогда его и родители предупреждали, и обе сестры о ней не лучшим образом отзывались — но разве он стал бы тогда кого слушать? Восемнадцать лет, ума нет...

— Да думаю, Маш, как дальше жить, — уклончиво ответил Михаил. — Школу ж заканчиваю скоро... Надо о дальнейшей учебе, о работе думать...

— Так ты же, вроде, решил уже все? — спросила сестра.

— Ну типа того, — усмехнулся Михаил. — Но надо ж окончательно понять, что все правильно задумал?

Ну да, с поступлением на физический университет он решил еще перед девятым

классом — потому и пошел учиться дальше. Была у него такая еще детская мечта — стать инженером, а потому на счет поступления на физфак все было практически predetermined. А поскольку в это время была на подъеме электронная промышленность, это было одно из самых популярных и востребованных направлений, то и с выбором конкретной специальности особых вопросов не возникло...

Но сейчас, конечно, его интересовало совсем не то... Сейчас перед ним стояли вопросы куда более важные, но пока все же не особо срочные, а потому нечего отвлекаться и обращать на себя ненужное внимание.

Придя к такому выводу, Михаил встал из-за стола, убрал грязную посуду в мойку, подкинул в котел немного угля и пошел в комнату... Ему еще предстояло приготовиться к завтрашнему дню к школе. Биология, литература, черчение, «допризывка» и снова физика. В принципе, ничего особенного... Так что еще и на повторение правил по немецкому время осталось — как ни крути, но с ними следовало разобраться как можно скорее. Не хватало еще двоек нахвататься под самый конец учебы!

А потом пришли с работы родители — скрипнула входная дверь, и на пороге появились они... Такие молодые, здоровые, полные сил, что даже и глазам было сложно поверить!

— Мам, пап, привет! — первой бросилась встречать родителей Машка, а затем к ней присоединился и Михаил.

— Привет, привет, — улыбалась мама. — Как тут у вас день прошел? Все в порядке?

— Конечно, мам! — отвечала Машка, а Михаил от растерянности даже не мог ничего ответить и только кивал головой.

Как-то вдруг нахлынули воспоминания нежданно вернувшегося далекого детства... Тех светлых и беззаботных времен, что, как казалось, навсегда ушли в прошлое. А ведь сейчас еще и дед с бабкой живы, которые померли еще в начале 70-х... Еще живы все тетки с дядьками — далеко не все из которых дожили до 90-х. В каких все же прекрасных временах он оказался! Как многие хотели бы однажды вот так вернуться в детство, да только не имели к тому возможностей...

— Тут от Сашки письмо пришло, — выкладывая на стол конверт, сказала мама.

— Это хорошо! — согласился Михаил, и сестра одобрила его слова кивком головы..

Сашка — это брат Михаила, который в 1965 году закончил ПТУ и осенью ушел в армию, где он стал водителем грузовика. Вернувшись со службы, он тоже устроится работать вместе с батей на авиазавод, тоже фрезеровщиком, и проработает там, наверное, всю жизнь, даже в 90-е... Еще одни воспоминания о прошлом-будущем...

Раздевшись и умывшись, родители сразу принялись за домашнюю работу. Батя ушел кормить скотину и колоть дрова для плиты, а мама принялась растапливать плиту и готовить ужин — жареную картошку, чистить которую сели Михаил с Машкой, со свининой... Но вот, наконец, картошка начищена — после чего дальнейшей готовкой ужина занялись женщины.

За ужином как обычно обсуждали последние новости. Михаил с Машкой рассказывали, как у них идут дела с учебой, родители вспоминали какие-то случившиеся за день случаи на работе. Мамка со смехом рассказывала как «один деятель» убеждал ее, что деталь в допуске, меряя размер не от той базы.

— Вот представляешь, — говорила она. — Там фрезерованная плоскость, а он мне калибр от литья ставит и говорит, что все нормально. От литья, где допуск в поллаптя! Я вообще не пойму, как он в технологию смотрел — там в эскизе ж все видно!

— Ну что ты со вчерашнего ПТУшника возьмешь, — усмехнулся батя. — Научится еще, если желание будет...

— Если будет...

— И что теперь будет? — заинтересовался Михаил.

— А хрен знает! — ответила мама. — Там до трех десятков разница доходит! Там уж и начальника цеха звали, он там с технологами там в затылке чесали... Дали-то черновую работу, фланцы эти, а он их запорол! Хотят теперь попробовать собрать и расточить, если невыхожалости не будет — так сдадим. А нет — придется на него все это добро и списывать, тогда разряда по-любому лишат.

Как ни странно, но эту историю Михаил вдруг вспомнил — слышал ведь про такое и в его прошлом мире... Насколько он помнил, тогда в итоге лишь один корпус ушел в окончательный брак, а все остальные пошли в дело. Но говорить об этом он сейчас не стал... С одной-то стороны это могло бы стать доказательством того, что он из будущего — пусть и из «параллельного». А с другой — где гарантия того, что здесь все будет точно также?

После ужина батя включил телевизор посмотреть семичасовые новости. В этом мире передача называлась «Последние новости», и в ней также всюду говорилось об успехах народного хозяйства и грядущих перспективах. Сообщалось о том, что в Москве продолжается XXII съезд КПСС, что несколько удивило Михаила. Из своего прошлого-то он прекрасно помнил, что в другом мире съезд начался несколько позже — и там он был XXIII-м. Показывали новости народного хозяйства, строительства заводов и электростанций. Небольшой сюжет про геологов, проводящих разведку нефтяных месторождений Западной Сибири. Той нефти, что в прошлом Михаила стала одной из бед СССР, создав ненужные соблазны советскому руководству... Сюжет про вьетнамскую войну, где, неожиданно для Михаила, а стороне ДРВ участвовали и «китайские добровольцы» и митинги против американского участия в ней. Про протесты что-то похожее, вроде, было и в их прошлом, а вот про китайцев было весьма неожиданно... Очередной пилотируемый космический полет в США. С последовавшим комментарием кого-то из советских ученых на счет того, что, дескать, времена полетов на околоземную орбиту подходят к концу — дескать, человечество стоит накануне новых свершений и новых масштабных задач, хотя конкретнее ничего сказано не было. Намек на лунную программу? Или на орбитальные станции? Или чего еще могли придумать тут товарищи советские ученые?

Внезапно Михаилу стало интересно — а как в этом мире обстоят дела с советской лунной программой? Тоже копаются с королевской Н-1, которая в их мире так и не полетела? И что там у американцев сейчас? Но, к сожалению, узнать это у него явно не было никакой возможности... Так что будет видно по факту через несколько лет... Хотя так хотелось надеяться, что хоть здесь, в «не десталинизированном» СССР, они все же смогут достичь того, чего не смогли в его прошлом!

— Пап, а как думаешь, когда мы на Луне будем? — ни с того, ни с сего вдруг спросила Машка.

— Думаю, скоро, — усмехнулся батя. — Глядишь, через пару-тройку лет уж будем репортажи с Луны смотреть...

«Эх, как бы хотелось на это надеяться... Как бы хотелось!» — подумал Михаил. А ведь сейчас в СССР ни у кого и в мыслях-то нет, что СССР может не быть первым на Луне. Нынешние люди — поколение победителей, кто свято уверен в правоте коммунистической идеи — ведь, как им кажется, они самой своей судьбой доказали ее правоту. В иной истории

даже хрущевский идиотизм по «борьбе с культом личности» хоть и серьезно покачал доверие к советской идее, но все же не смог окончательно сломить его... Для того, чтобы полностью разрушить его, понадобились еще два с половиной десятилетия «застоя» и медленной деградации системы. Так неужели здесь СССР может оказаться в отступающих? Именно так, помня предыдущие успехи, сейчас рассуждают все в СССР! И то, что в иной истории американцы их опередили, вызвало тогда откровенное недоумение буквально у всех... Как так? Почему? Эх, хоть бы в этом мире все было иначе!

Закончив смотреть новости, Михаил вдруг решил взять почитать какую-нибудь книжку — и вот тут-то его ждала новая неожиданность... В своем настоящем детстве он не был особым уж любителем фантастики, но Беляев, Жюль Верн, ранние Стругацкие и даже Ефремов (который хоть и считался «классикой» советской фантастики, но для него лично так и остался весьма непонятным писателем со странными взглядами на жизнь, до конца «осилить» которого так и не удалось) у него были. Еще несколько книг фантастики он брал почитать у друзей (в голове всплывали фамилии Мартынов, хотя о чем он писал — вспомнить уже не удавалось, и Лем, у которого он читал что-то про Венеру). Были, вроде, и еще кто-то, но сейчас не удавалось вспомнить даже фамилий... Но вот книжки «Трудно быть революционером» за авторством Стругацких явно не существовало никогда не только у него лично, но и вообще в природе! Была «Трудно быть богом», которую он посчитал откровенной фигней и обратился на счет вызвавших откровенное удивление и непонимание вещей к батюшке. А тот, прочитав книжку, и вовсе назвал ее «редкостной мерзостью» и отправил на растопку печки. И долгое время Михаил был с этим полностью согласен, пока уже в 90-х вдруг не понял, что это было всего лишь «предупреждение», где за внешним обликом утопии демонстрировались убеждения советской «творческой интеллигенции» и последствия, к которым привело бы окончательное торжество их идей. Увы, но почти никто в СССР так и не осознал этого, искренне считая, что в романе автор изобразил свое видение «светлого будущего»...

Тогда именно после «Трудно быть богом» Михаил практически утратил интерес к фантастике, но в этом, судя по содержанию полка, все было иначе. «Что ж... Почитаем, что же Стругацкие написали в этом мире», — мысленно усмехнулся он, открывая книгу. К сожалению, времени на подробное ее изучение не было, но и быстрого просмотра хватило для того, чтобы понять, что и впрямь «тут вам не там». Если в его версии истории Румата был обычным гнилым интеллигентиком, смотрящим на окружающих (кроме узкого круга «классово близких» интеллигенции) как на дерьмо, недочеловеков, всячески кичившимся своими возможностями и при этом жутко боящимся «замарать ручки», то здесь перед ним предстал совершенно другой человек... Не соплежуй-«наблюдатель» — подпольщик, революционер, борец за светлое будущее арканарцев. Один из организаторов революционного движения в стране, перед кем Земля поставила задачу поиска единомышленников и создания революционной партии, проведению работы по разъяснению населению истинного положения дел, всемерной дискредитации монархии и феодализма как политической системы и ликвидации наиболее одиозных и толковых, способных создать серьезные проблемы революционному движению, представителей знати и госаппарата. И именно этим Румата и возглавляемая им секция революционного движения и занимались на протяжении сюжета... Да, были и некоторые накладочки и даже откровенные ошибки. Кого-то приходилось срочно выводить из дела и эвакуировать в безопасное место или даже освободить из городской тюрьмы. Были и случаи гибели товарищей, когда что-либо

предпринять было уже невозможно... Как ни крути, но местные хоть и отсталые в плане общественных отношений, но думать мозгами тоже порой умеют неплохо. Самым интересным стало, правда, то, что в этом варианте книги в конце концов, в результате предательства одного из сподвижников, погибает, спасая из ловушки ставшую одним из лидеров революционного движения свою «гражданскую» (поскольку официально оформить брак им не позволяла конспирация) жену Киру, и сам Румата... Местью за его смерть стали поимка и казнь предателя и разгром жандармского управления...

В общем, было всякое, что только может быть в такой ситуации — всего всегда не предусмотреть и не предотвратить. Но они продолжали вести планомерную работу — и результатом десятилетий их работы стала случившаяся на Арканаре социалистическая революция и установление Советской власти в стране. Совсем иной результат, чем у Стругацких его мира! И к людям тут отношение совсем другое у землян — никто не смотрит на них как на какой-то биомусор лишь потому, что они не соответствуют нравственным нормам коммунистического общества XXII века, прекрасно понимая, что они такие, какими их вырастило существующее общество и прекрасно помня, что когда-то творилось до революции в той же царской России...

Да, пожалуй в таком коммунистическом обществе Михаил бы и сам не отказался жить. Это тебе не беззубые чистоплюйчики Стругацких из его мира, только и думающие о том, какие они все из себя культурные и цивилизованные... Эх, как будет время — надо будет прочитать целиком книжку! Да и остальных Стругацких прочитать, сравнить с тем, что было в его мире! Но это будет уже потом, как-нибудь в выходные. А теперь спать пора, в школу завтра!

Просыпаться в шесть часов в детстве для Михаила всегда было проблемой, без будильника о том можно было и не мечтать — и лишь после утренней гимнастики он окончательно «просыпался». Однако за прошедшие годы все сильно изменилось... Он уже давно привык вставать даже не в шесть, а без двадцати шесть — поскольку надо было и поесть, и умыться, побриться, зубы почистить, и детей накормить, и на работу, наконец, собраться — а ехать почти в другой конец города на электричке. И эта привычка столь прочно вошла в привычку, что безотказно действовала и в выходные с праздничными днями, и позднее при работе у фермера, где бежать-то особо некуда, все рядом. И никаких будильников-то не требовалось! Стоит ли удивляться тому, что и тут он вскочил как штык все в те же без двадцати шесть? Чем, естественно несколько удивил проснувшихся даже позже него родителей — у них-то работа недалеко, пешком дойти недолго, а уж на трамвае и подавно. Впрочем, при хорошей погоде они предпочитали дойти пешком, а не толкаться в битком набитом вагоне...

— Что не спишь-то? — зайдя на кухню и застав Михаила там, спросила мама.

— Да не знаю, мам, — пожал он плечами. — Проснулся вот и не хочется спать дольше.

— Ну-ну, — усмехнулась мама. — Смотри потом на уроке не засни...

— Не засну, — усмехнулся Михаил.

Уж если на работе за кульманом не засыпал... Так с чего в школе вдруг? Тем временем, быстро растопив плиту, мать начала готовить завтрак — и в этот день им была гречневая каша с яичницей, одно из «классических» утренних блюд его детства. Поскольку каша на завтрак была у них почти каждый день — хоть и в несколько разных формах. То свежесваренная с молоком (при мысли о котором сразу вдруг вспомнились всем знакомые бутылки с блестящими крышками из фольги и частенько текущие пакеты-тетраэдры — впрочем, воспоминание было «ложным», в их семье его обычно покупали через знакомых с работы, живших на окраине и державших корову), то как сейчас — разогретая на сковородке с яичницей, а то и с мясной подливкой или котлетами. Как говорится, день на день не приходится...

Эх, детство... Как все же приятно было снова оказаться молодым, снова видеть молодых и здоровых родителей и многих других хороших людей, жить в лучшей стране на свете, а не при уродском, людоедском капитализме! Будь прокляты эти сволочи буржуйские!

— Миш, сходи сестру разбуди, — внезапно отвлек его от воспоминаний мамин голос. — Пора уже...

— Сейчас, мам!

Как обычно Машка просыпаться не больно-то хотела — лишь после того, как он хорошенько потряс ее, сестра с недовольным бурчаньем сквозь сон приоткрыла глаза, которые буквально сразу ж начали округляться.

— Мишка, тебе чего?

— Мамка отправила тебя разбудить, — пояснил он. — Ну вот и...

— А-а-а-а, — зевнула сестра. — А то я уж подумала, что случилось чего как тебя увидела...

— Нормально все, — усмехнулся Михаил. — Просто я сегодня проснулся рано...

Впрочем, как раз в это время вдруг заговорило радио — точнее говоря, после передачи

сигналов точного времени зазвучал гимн Советского Союза.

— Значит, и впрямь вставать пора, — еще раз зевнув на словах про «нас вырастил Сталин на верность народу», произнесла Машка. — Вон и гимн поют...

Дальше все было по хорошо знакомому с детства распорядку... Умыться, сбежать в «туалет типа сортир» в огород, гимнастику сделать, собрать портфель в школу, потом сели за завтрак. За которым, как обычно, обсуждали планы на сегодняшний день. За какими покупками сходить надо (и тут в разговоре впервые мелькнуло необычное для Михаила словосочетание «артельный магазин»), что сделать, к кому зайти... Обычные, можно даже сказать рабочие моменты. Так у них в семье всегда было. Потом сначала сестра начала собираться в техникум — ей еще ехать на трамвае через половину города, потом и родители, попрощавшись, пошли на работу. Осталось только побриться — для чего у него была новенькая, ее купили буквально год назад, бритва «Харьков-2», которая, как он помнил, проработает еще не одно десятилетие пока не будет заменена более современной «Харьков-40». Правда, по ходу делу ее придется каждые полгода перебирать, чистить и смазывать машинным маслом, но это было так привычно, что даже не воспринималось как какая-то проблема. И вот, наконец, последним засобирался и сам Михаил...

На этот раз, помимо Петьки, его нагнал и Семка, которые начали сразу делиться с ним впечатлениями о вчерашнем вечере — который, как оказалось, был «веселым».

— Прикинь, Мих, — весело болтал Семка, — вчера пацаны Катьки Федосеевой ухажера встретили!

— И что? — заинтересовался Михаил.

— Наш пацан! — радостно ответил Семен. — Димка Рябов теперь с фингалом ходит, так что Колька теперь наш! Нормальный пацан, не ссыкло какое!

Мысленно поморщившись таким «традициям знакомства», Михаил однако не подал виду. Хочешь гулять с местной девчонкой — докажи, что ты мужик и готов ее защищать. Таковы уж нынче были местные порядки — и попробуй их тут переделай... Потому каждому «новенькому» на районе почти неизбежно устраивали «проверку». Ибо нормальный пацан должен, если надо, сам сдохнуть, но не дать в обиду свою девчонку! По той же причине, кстати, местные и откровенно не понимали всяких «Румат», считая тех «ссычком позорным». Себе, понимаешь, «бронерубашку» нацепил, а на девчонку пофиг! А должен был одеть ее ей, а сам, если что, погибнуть в бою!

Так что «проверку» устраивали всякому, кто не служил в армии... Обычно это выглядело достаточно стандартно — встречали «чужака» со словами: «И кто это тут с нашими девчонками гуляет?» Дальше вариантов могло быть несколько, но чаще всего выставляли вперед одного из самых здоровых пацанов в качестве «поединщика», «силушкой померяться» и смотрели на реакцию... Если чужак готов был постоять за свою девчонку и умел более-менее неплохо драться, то обычно все заканчивалось парой-тройкой ударов кулаками — после чего все и заканчивалось. Пацаны повзрослее, студенты или молодые рабочие, после этого даже могли пойти вместе пива выпить, в знак того, что «чужак» принят местным обществом. Отныне всякий, кто решит сделать ему что плохое, станет врагом и для всех местных. Если чужак не умел драться и огребал, то он тоже становился «своим», хоть и с определенной оговоркой — драться, дескать, научится, а вот смелости если нет, то и не будет. Правда, научиться драться для него становилось после этого практически обязанностью. И совсем другое дело — если «чужак» показывал себя трусом. Трусость в глазах «пролетарских» — смертный грех, которому нет и не может быть прощения! И тут

вариантов тоже могло быть два, тут уже в зависимости от настроения — от битья морды до презрительного «выпроваживания», с ехидными насмешками. Но в любом случае после этого дорога на район «чужаку» была закрыта. Даже если в первый раз обошлось, то второй раз уж точно морду набьют!

Таковы вот «милые» были местные пацанские «обычайи» в годы его детства, которые более-менее сойдут на нет лишь спустя полтора десятилетия... А тем временем Семка продолжал рассказ о вчерашнем дне, рассказывая уже о том, как после короткой (и явно не особо ожесточенной — так, для порядка, «ибо положено») драки они потом спокойно болтали о жизни — неизвестный Михаилу Колька, как оказалось, жил чуть ли не в самом центре города, где учился в мужской школе!

— В какой школе? — удивился Михаил.

— В мужской! — ответил Семка. — Где у них там пацаны одни! А ты что, не слыхал, что в центре есть несколько таких школ?

— Не доводилось раньше, — уклончиво ответил Михаил.

— Скушно, должно быть, там учиться... — произнес Петька.

— Наверное, — согласился Семка. — За то прикинь — у них там больше половины в девятый класс бесплатно пошли!

— Бесплатно? — удивился Михаил.

«Какого черта? — удивился он. — В СССР и платное образование?» Хотя... Что-то такое, кажется, вспоминалось, хоть и казалось давным-давно забытым...

— Ага, именно что! — подтвердил Семка. — Вот сам прикинь...

— А мне батя говорил, что не получишь проходной балл — пойдешь в «ремеслуху» учиться, — вдруг сказал Петька. — Но я уж постарался...

«Вот как оно, значит!» — опять удивился Михаил. А ведь тут для всех оно явно проходит по категории само собой разумеющегося... Настолько привычного, что о том даже и не задумываются! Вон никто даже не понял причину его удивления — впрочем, оно тут и к лучшему, а то могли ведь и подозрения ненужные возникнуть. Вот уж и впрямь — другой мир совсем... И надо как можно быстрее разобраться с его отличиями, а то так скоро будет выглядеть как Штирлиц в буденовке и в советской военной форме посреди Берлина. И про Штирлица, кстати, тоже забыть нужно — здесь этого кино еще не сняли и не факт, что вообще снимут. А то ляпнешь еще чего по привычке...

В школе, как обычно, были без десяти восемь — по пути поздоровались с несколькими учителями, многих из которых Михаил ни разу не видел еще со школы, а пара человек оказались и вовсе незнакомы, так что тут он просто повторил приветствия за одноклассниками. Попалась на глазах и бывшая (да и, чем черт не шутит, может и будущая?) директорша, с кем, по старой памяти, здороваться не было ни малейшего желания, но тут сейчас не поймут... Интересно только было — это целенаправленная политика, что такое люди становились директорами, или просто наличие «лапы» в ГорОНО? Впрочем, это сейчас не имело значение... В раздевалке, куда вчера он заходил буквально «на автомате», следом за Петькой, к ним присоединились еще несколько одноклассников — и скоро весь десятый (единственный, без букв, хотя восьмых было в свое время три — и Михаил учился в «Б») класс, они без долгих разговоров расселись по партам и стали готовиться к уроку, которым была биология.

Биологичка была все та же, знакомая с детства — она, кстати, и жила где-то неподалеку от них и не раз попадалась ему на трамвайной остановке в то время, когда он уже ездил на

учебу в университет. Изучали про применение методов генетики в медицине и выявление генетически обусловленных заболеваний. Затем биологичка напомнила про то, что следующий и урок будет последним в четверти — а это, разумеется, говорит о том, что на нем будет четвертная контрольная. Паре учеников, у кого было мало оценок, дала темы для рефератов и со звонком отпустила на перемену.

Следующим уроком была литература, где продолжали изучение шолоховской «Поднятой целины». И тут снова вызвали к доске Михаила. И вот тут-то и была проблема... Он неплохо помнил сюжет книги, но совершенно забыл, что когда-то говорили при ее обсуждении в школе. Да и не факт, что в этом мире из нее делали те же самые выводы. Оставалось импровизировать, и лучшим выходом Михаил посчитал сделать при ответе несколько отсылок на товарища Сталина — в этом мире он явно был тем авторитетом, оспаривать слова которого не стал бы ни один учитель. Как ни крути, но культ личности в стране все же был — хотя культ личности великих людей возникает всегда, хотел бы этого сам этот человек или нет. «Был культ, но была и личность», — так когда-то сказал в его мире тот самый Шолохов...

— Говоря о сюжете «Поднятой целины», — начал Михаил, — в первую очередь стоит вспомнить о том, в каком положении находился в тот период истории Советский Союз. С одной стороны, строительство в СССР нового, социалистического общества, и достигнутые на этом пути успехи вызывали страх и ненависть у буржуазного окружения, стремившегося любой ценой задушить, уничтожить нашу страну. С другой стороны, анализируя сложившуюся в стране ситуацию, товарищ Сталин верно заметил, что «по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, а классовая борьба будет обостряться»... В стране оставалось немало выходцев из эксплуататорских классов — кулаки, бывшие помещики и капиталисты, кто с приходом народной власти лишился своего привилегированного положения, не смирился со своим поражением и в своей борьбе против страны победившего социализма был готов на любые преступления. И, наконец, в-третьих, политическая грамотность многих советских людей была на недостаточно высоком уровне — многие и вовсе только недавно научились грамоте, поэтому многие предпринимаемые Советской властью действия были им непонятны, чем также пытались активно пользоваться ее враги. И все это происходило на фоне необходимости проведения ускоренной индустриализации, когда для дальнейшего развития страны требовалось как можно скорее повысить производительность труда в сельском хозяйстве, обеспечив надежное снабжение продовольствием городского населения, и высвободить дополнительные рабочие руки для зарождающейся промышленности. Поэтому ждать было больше нельзя... Как чуть позже сказал товарищ Сталин: "Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут". И через десять лет после этого на Советский Союз и впрямь напала фашистская Германия...

Внимательно оглядев класс, Михаил заметил на многих лицах некоторое удивление таким вступлением, однако никакой крамолы по местным меркам в его словах явно не прозвучало, потому отношение к его словам было вполне спокойное. Фуухх... Хоть это хорошо. Ничего «такого» он не сказал, вполне известные и понятные большинству вещи... Просто услышать их на литературе как-то не ожидали.

— И в «Поднятой целине» Шолохов описал те процессы, что происходили на селе в ходе коллективизации сельского хозяйства, — продолжил Михаил, — отразил целый

комплекс проблем, с которыми столкнулись в ее ходе. Которые во многом стали следствием трех вышеназванных причин... Тут и недостаточная политическая грамотность — когда «обобществляли» кур с овцами или стремились к поголовной коллективизации в кратчайшие сроки, что потребовало вмешательства партии и лично товарища Сталина, выпустившего свою историческую статью «Головокружение от успехов» с критикой такого подхода. Тут и наличие оторвавшихся от реальности, не понимающих трудностей и особенностей текущего момента, фанатиков «мировой революции», готовых загонять в колхозы кулаком да наганом, что хорошо показано на примере Макара Нагульного. Тут и откровенные ошибки, когда в «кулаки» записывали тех, кто таковыми не являлся, и отправляли в ссылку, как было с Гаевым. Тут и остатки прежнего буржуазного самосознания, когда даже убежденным сторонникам Советской власти жалко было отдавать свое добро, что мы видим на примере Кондрата Майданникова. Тут и деятельность классовых врагов Советской власти вроде есаула Половцева и показанных на примере Якова Островнова их прихлебателей, агитирующих людей против вступления в колхозы, распускающих клеветнические заявления про «обобществление жен», призывающих резать скотину лишь бы не отдавать в колхоз, на что повелись многие люди вроде деда Щукаря с женой, устраивающие поджоги колхозных складов, убивающих колхозных активистов, партийных и хозяйственных работников и стремящихся организовать антисоветское восстание. Однако, в конце концов, партии и советскому правительству удастся справиться с этими трудностями, наладить нормальную работу колхозов, а белогвардейское подполье оказывается разгромлено...

— Есть у кого вопросы? — когда Михаил закончил, спросила русачка.

Вопрос, как оно часто и бывало у них на литературе, задала Вика — на счет раскулачивание, на что Михаил по памяти рассказал про то, как происходило раскулачивание на селе, и несколько описанных в романе случаев — после чего русачка поставила ему пятерку и сказала садиться. На этом уроке продолжили обсуждать «вопросы коллективизации» в романе, который, как оказалось, в этом мире был полностью издан еще в 1942 году, во время войны — впрочем, Михаил уже устал удивляться всем этим различиям. Говорили про «перегибы на местах», политику партии в вопросе колхозного строительства, сравнивали Давыдова с Нагульным и их методы достижения цели. На чем, собственно говоря, урок и закончился. Удивления со стороны одноклассников избежать, впрочем, не удалось.

— Ну ты выдал сегодня, — прокомментировала на перемене Вика. — С полдня поди в библиотеке просидел?

— Было дело, — усмехнулся в ответ Михаил. — Очень уж пятерку получить хотел...

Ну да, в своем детстве-то по литературе он был твердым «ударником». Без троек, но и пятерок не шибко много... Не любил он как-то всякие «гуманитарные» предметы...

— Молодец, — ответила девчонка. — Не лень было возиться...

— Ну я люблю читать, — пожал плечами Михаил. — Так что ничего такого уж особенного...

— И что читаешь? — заинтересовалась Вика.

— Да всякое. Про войну, революцию... Фантастику еще вон.

— Фантастику я тоже люблю, — мечтательно улыбнувшись, произнесла девчонка. — Так приятно помечтать о том, как оно в будущем будет. Когда будем летать на Луну и другие планеты, когда во всем мире победит коммунизм и не будет больше ни войн, ни бандитов! Все счастливо жить будут!

«Знала бы ты, какое оно — будущее», — слушая Вику, мысленно грустно усмехнулся Михаил. Будущее, когда полученной тобой зарплаты будет не хватать даже на еду, когда твой муж уйдет с работы инженера-электрика и будет горбатиться грузчиком, таская американские окорочка за «наличку», а по выходным будете в битком — так, что и залезть трудно — набитой электричке ехать на дачу, растить картошку с овощами... Но нет, этого бы он не сказал даже если бы не было необходимости скрываться. А войны, бандиты... Этого добра будет и вовсе навалом! Будут и войны на «постсоветском пространстве», и бандиты будут внаглую, даже не скрываясь, по улицам разгуливать... Эх, Вика-Вика... Какое счастье, что ты не знаешь этого будущего! Хотя, быть может, здесь все-таки не так все будет?

Следующим уроком было черчение — в свое время очень трудный, однако важный, предмет, которому поэтому он уделял особое внимание. Однако сейчас-то все было не так! Два с лишним десятка лет работы конструктором не пропьешь, как говорится... И пусть тут не было его любимых роботроновских кульманов (P.s. Практически «последнее поколение» кульманов с движением линейки в прямоугольной системе координат вместо маятника» и с фиксаторами положения, для своего времени очень удобная вещь — производились, ясно дело, в ГДР), но ведь и чертить тут не 44 и даже не 24 формат (P.s. советский «аналог» А0 и А1), а всего лишь обычные «одиночки» (P.s. 11 формат по-старому или А4 по-новому). Так что и на столе можно... Так что, чтобы совсем уж «палева» не было, пришлось сделать чертеж максимально небрежно — точнее говоря, абсолютно нормально для школьного-то уровня, но все равно «нутро» люто протестовало против столь халтурной работы...

А вот на большой перемене неожиданно «зашевелилась» почувствовавшая резкое исчезновение внимания к своей персоне Ленка — даже, что ей было не больно-то свойственно, попыталась, хоть и вроде как между делом, сама обратиться к Михаилу с вопросами о том, как, дескать, жизнь у него и какие планы на будущее строит — скоро ж, дескать, учебу заканчивают, однако он ее откровенно проигнорировал, ответив одной-единственной фразой «поживем — увидим». Нет уж, того по уши влюбленного пацана увидеть ей больше не придется. Нету его больше! Повзрослел, поумнел... Стал по-иному ко всему относиться — особенно к женщинам, кто сегодня говорит «люблю», а завтра спит с другим. Тем более, что в любом случае все одноклассницы еще слишком «мелкие» для него, семнадцать лет против сорокадевяти... Даже несерьезно! Однако их «размолвка» явно не прошла мимо глаз Вики — и решив, что теперь выпал ее шанс, она быстро «отодвинула» Ленку в сторону, втянув Михаила в обсуждение фантастики.

И странно, но, увлекшись разговором, Михаил вдруг впервые увидел девчонку с несколько иной с стороны... Не одноклассницей, на которую в детстве не обращал никакого внимания и не взрослой, серьезной женщиной, кого он помнил по редким встречам в городе или на встречах выпускников, а еще молоденькой девушкой... Со своими в какой-то мере еще наивно-детскими, но чистыми и светлыми, мечтами, с непреклонной верой в неизбежное торжество разума, добра и справедливости, в дружбу и верность, в то, что завтра будет лучше, чем сегодня или вчера! И с каким увлечением она говорила о том, каким она видит будущее Советской страны и всего человечества в целом!

От фантастики разговор как-то плавно перешел на космическую программу, вспомнили первый спутник и первый космический полет, потом речь перешла на Марс и другие планеты... И тут Михаил оказался как нельзя близко к провалу, чуть не сболтнув про то, что на Луне побывают лишь американцы, а советскую ракету Н-1 так и не смогут до ума, а уж о других планетах к концу столетия не будет и речи идти, но буквально в последний момент

остановил себя...

Как ни странно, но, несмотря на молодость, собеседницей Вика оказалась на удивление интересной и приятной, порой его даже удивляли некоторые на редкость удачные и в чем-то даже нестандартные взгляды и сравнения относительно вещей, на которые он прежде и внимания-то особого не обращал! Эх, было ж время... Время мечтателей и идеалистов, кто искренне хотел построить светлое будущее... Почему же спустя десятилетие-другое все это выродится в аморфную, безразличную человеческую массу, единственным смыслом жизни кого будет «достать» джинсы-«Монтану» или японский магнитофон, югославскую куртку или ГДРовскую стенку? Почему спустя совсем еще немного времени СССР окажется предам и продан собственным населением — и когда его будут разваливать, все равнодушно смирятся с гибелью своей страны и кинутся строить «светлое капиталистическое будущее»? Где та сволочь, что начала «перестройку» в умах людей и тщательно готовила реставрацию капитализма?

От разговора отвлек их прозвеневший звонок на урок, которые положил конец и размышлениям Михаила над судьбой его страны. А они-то и не заметили как большая перемена прошла!

— Ой! — растерянно произнесла Вика. — Звонок уже...

— Да, заговорились мы с тобой, — согласился Михаил. — Ты хоть в столовку-то сходила?

— Нет, — смущенно улыбнулась девчонка. — Ну ничего, дома пообедаю! Я ж недалеко тут живу, и уроков сегодня всего пять...

И тут-то, глядя, с каким восторгом на него смотрит Вика, Михаил осознал, что сделал очередную глупость... Да, поговорить с девчонкой ему оказалось на удивление приятно, вот только он ведь и без того ей был симпатичен — а что уж теперь будет? Зачем было дополнительно ее к себе привязывать? Зачем давать какие-то мнимые надежды? Дурак ты, Мишка!

— Знаешь, — вдруг произнесла девчонка. — Я и подумать не могла, что ты столько всего знаешь!

— Ну я много книжек читал... А там уж и сам что-то додумывал.

— Расскажешь потом еще что-нибудь? Вот знаешь — мне ни с кем прежде так интересно не было!

— Посмотрим, — уклончиво ответил Михаил.

Честно говоря, он даже и не понял до конца, что ее так сильно заинтересовало... Его рассказы про космос и другие планеты? Или про технику будущего, про которую тут пока никто и не слыхал-то? Ведь, как ни крути, научно-технически прогресс не стоит на месте — и в свое время ему уже довелось повидать много такого, что для живущих ныне — чистой воды фантастика, мечта! Так что, по сути, ему и выдумывать-то ничего не надо было...

А вот их совместное появление на уроке стало поводом для шушуканий среди девчонок... Анька даже, думая, что этого никто этого не заметит, что-то шепнула Ленке — на что в ответ та чуть ли не перекосилась. Ну и фиг бы с ней! Уж чем-чем, а этим Михаил морочить голову точно не собирался.

Четвертым уроком была «Начальная допризывная и военная подготовка», предмет, которого в его реальности не было (P.s. отменили в старших классах в школы в 1962 году, а ввели НВП уже в 1967). И тут внезапно проявилось еще одно различие — если в прошлой реальности допризывную подготовку до восьмого класса вел физрук, бывший капитан

артиллерии, уволенный из армии по хрущевскому сокращению. Однако в этом мире физруком неожиданно оказался какой-то старенький дед, заставший едва ли еще на самую Гражданскую, а то еще и Империалистическую войну... В тот день изучали венную топографию, ориентирование на местности — причем, по ходу рассказа преподаватель не преминул вставить пару каких-то давнишних историй в стиле «он шел на Одессу, а вышел к Херсону» то ли из собственного опыта, то ли услышанных от кого-то из знакомых, иллюстрируя ими тему урока, что всем одноклассникам Михаила явно нравилось. Рассказывал дед весьма занятно...

И, наконец, последним предметом была опять физика — сначала Петька и Васька (она же Василиса) рассказали домашнее задание, получив оценки в журнал. Потом изучали новую тему — фотоэлементы, принцип их работы и применение в технике, измерение освещенности с помощью фотоэлементов. Все это физичка порой с подозрением поглядывала в сторону Михаила, словно ожидания, не отчубучить ли он еще чего, но в конце концов бросила это дело, полностью сосредоточившись на теме урока. А после урока Михаил твердо решил подойти и извиниться за вчерашние выкрутасы...

— Да не забивай голову ерундой, — улыбнулась в ответ на его слова Наталья Николаевна. — Ничего страшного же не случилось?

— Я себя вчера как дурак вел, — честно признался Михаил. — Самому стыдно вспомнить...

— Ну ты же обещал, что такого больше не повторится, — пожала плечами физичка. — Так о чем тогда говорить?

На том их разговор и закончился — хотя Михаилу так хотелось бы предупредить Наталью Николаевну на счет их будущей (хотя, как знать?) директорши, чтобы с ней осторожнее была, но как объяснить все это, не упоминая, что «я из будущего»? Да и все равно не поможет — для нее это означало бы пойти против своей совести. А ситуация-то там буквально «по фильму» была. Дойдет аж до педсовета с вызовом родителей — и там Наталья Николаевна вступится за двоих десятиклассников, которых точно также начнут активно чморить учителя с подачи директорши и одной из их «математичек»...

«Мы кто — боги? Или попы средневековые? Какое мы имеем право решать за других — с кем дружить, кого любить? Имеют ли они вообще на это право? Почему во всем ищем пошлость и разврат?» Не факт, конечно, что она дословно произнесла именно это, но именно в такой форме ее слова потом пересказывали другие люди. Скандал тогда знатный вышел! Тем более, что там и сами родители не захотели считать чувства своих детей чем-то криминальным и непристойным... Хотя перевести их в другую школу все равно пришлось, тут бы им уже просто житья не стало. И, как знать — быть может, слова Натальи Николаевны кому-то и помогли в жизни... Но ей самой это стоило практически всей карьеры, уж Алла Викторовна всегда отличалась злопамятностью. «Женщина строгих нравов», мать ее... Через это стремление к тотальному контролю, желание решать все за них и ее собственные дети вырастут безвольными «маменькиными сыночками», останутся вечными холостяками и к сорока годам один за другим сопьются. Бррр! И на старости лет она будет ходить и плакаться, что вот у нее ни мужа, ни детей, ни внуков. Она, дескать, всю себя отдала педагогике, сил своих не жалела на воспитание нового поколения!

За то как сама Алла Викторовна гордилась ими пока те в школе учились! «Примерные мальчишки», ни одной драки за всю жизнь, ни одного прогула или какой хулиганской выходки! Почти отличники, все свободное время за учебником проводят! Сейчас, кстати,

старший из них как раз год как закончил школу и поступил в политех, а младший учится в девятом классе...

Выйдя из школы, Михаил уже привычно дошел вместе со «своей» компанией до района их дома, где они разошлись. Пообедав все теми же щами, он решил, что пора бы и съездить в город, осмотреться... Да и по, заодно, пробежаться по магазинам — хоть сравнить этот мир со своим прошлым, в экономике-то, судя по всему, тут немалые различия есть. Сказано — сделано. Одевшись и быстро добравшись до кольца «пятнашки», Михаил вскоре запрыгнул в «циклопа», как называли в его детстве работавшие на этом маршруте немецкие вагончики «Гота». Откровенно странное, ведь в эти времена одна фара была и на большинстве советского производства вагонов, но почему-то прицепившееся именно к «немцу» название...

Касса для оплаты выглядела вполне привычно — только вместо знакомых с детства трех копеек за человека и десяти за багаж здесь стояли цифры двадцать и пятьдесят, что явно указывало на то, что денежной реформы в знакомом «хрущевском» варианте здесь точно не было. Вспоминались, правда, рассказы про то, что до нее цена билета различалась в зависимости от дальности поездки — платили десять копеек за какое-то минимальное расстояние, а уже к ним прибавлялось по пять за каждую следующую остановку, но от этого правила, по всей видимости, отказались при переходе на бескондукторное обслуживание. Так что, кинув свои двадцать копеек (а ведь можно было и не кидать — хотя, как Михаил помнил, такое тогда приходило в голову лишь самым отпетым хулиганам!) в кассу и отмотав билет, он пристроился на сиденья и стал смотреть в окно на казавшийся таким знакомым и родным — и в то же время совершенно чужой город... Что в плане архитектуры... На месте пяти-шестиэтажных «хрущевок» по Чернышевского — четырех-пятиэтажные «сталинки», практически «классического» вида. По Чапаева — чередующиеся между собой старые, зачастую еще дореволюционные, домики и все те же новые «сталинки». Что в плане того, что сами улицы он давно отвык видеть в таком виде... Во многих местах, где в его мире в его время уже лежал асфальт — сейчас о нем не было и речи! Во многих местах еще стоят старинные, давно замененные в его мире, сваренные или даже склепанные из уголка и металлических полос столбы линий электропередач и контактной сети. И пустынные улицы — практически нет ни машин, ни людей! Хотя ведь так и должно быть... Кто и куда будет ходить, ездить в разгар рабочего дня?

Впрочем, самым неожиданным стало вовсе не это... А порой попадающиеся то тут, то там рекламные вывески. Нет, отнюдь не пропагандистского содержания с давно уж приевшимися Михаилу партийными лозунгами, в которые под конец СССР перестали верить буквально все. Нет, это была самая что ни на есть настоящая реклама — пусть не такая броская и вызывающая, как в 90-е, а ее количество ни шло ни в малейшее сравнение с тем, что настанет в стране после восстановления в стране капитализма, но это была именно она... Рекламировали продукцию каких-то артелей, указывая адрес, где можно ее купить, услуги парикмахерских и различных ателье, вывески которых несколько раз попадались на домах по пути. И это для Михаила выглядело наиболее дико — поскольку разительно отличалось от того, знакомого ему Советского Союза!

Выйти Михаил решил у Крытого рынка — прогуляться до университета, заглянуть на вокзал, а уж потом решать, что делать дальше. И вот тут его ждало еще одно удивление! Да, что на месте рынка тут нынче «Универмаг» — в этом ничего удивительного не было. Да, здесь еще нет знаменитого фонтана-«одуванчика», а о том, чтобы проспект Кирова был

пешеходным, еще нету и речи. Но поразило Михаила не это! А то, что тут сих пор ходили трамваи... Это что же получается — в этом мире мода на их массовую замену троллейбусами так и не пришла что ли?

Выйдя из «пятнашки», Михаил первым делом зашел в универмаг — практически пустынный из-за дневного времени... Очереди здесь появятся гораздо позже, как все пойдут с работы — именно потому в СССР зачастую за покупками отправляли детей, кто может сделать их во «внепиковое» время. Когда и очередей еще почти нету, и расхватать весь товар, особенно тот, что считался «дефицитом», еще не успели... И хоть на счет дефицита Михаил пока и был без понятия, то вот с первым вопросом в этом СССР явно было все то же самое. Так что, купив все, про что говорили родители (хотя они, конечно, и в мыслях не держали, что он поедет в центр и будет что-то там покупать, а не зайдет в ближайший гастроном) и запихав в авоську, Михаил пошел дальше...

Площадь Кирова летом должна была стать очень симпатичным местечком — множество деревьев, симпатичные литые чугунные ограды газонов, дорожки со скамейками... И пусть сейчас тут еще было полно снега, потихоньку подтаивающего на солнце, но как настанет лето — тут будет просто море зелени! Здесь же стояла и, как когда-то говорил батя, «новая» Доска почета колхозов — аркообразное строение из «четверных» колонн с барельефом в виде «голов» товарищей Ленина и Сталина на фоне флагов на верхней «перемычке». В прошлом мире ее открыли в 1953 году, после сноса предыдущей у входа в парк «Липки» и постройки на том месте памятника Чернышевскому, по бокам от которой стояли самые настоящие, в полный рост, памятники все тем же Вождям мирового пролетариата. Но вскоре Сталин «пал в немилость», начали «десталинизацию» — и спустя несколько лет по-тихому снесли новую Доску почета колхозов...

Чуть дальше — цирк, сбоку от которого еще не было гостиницы «Арена». На ее месте пока еще была стройплощадка, а само здание явно собирались строить не кирпичным, а панельным. За стройплощадкой — жилая восьмиэтажная «сталинка», которую еще не соединили с другой такой же десятиэтажной Г-образной «вставкой». «Сталинкой» по оформлению фасада со стороны площади и обычной «брежневкой» во всем остальном. Трамваи, которые в это время еще ходили по однопутному участку через рынок по часовой стрелке, а не против.

Много отличий было и в других местах... Университет, где еще не было будущих восьмого и девятого корпусов — точнее говоря, на месте первого из-них только-только начинались подготовительные работы к строительству. В его прошлом на этом месте в итоге вырос один из двух новых корпусов университета — одна из двух безликих кирпичных коробок, на которые будет плевать не одно поколение горожан, говоря про то, что их постройкой испортили облик университетского городка. Но в этом мире, похоже, на ее месте вполне может появиться повторяющее архитектурный стиль всего комплекса здание... Вокзал, как и ожидалось, был еще старый, знакомый с детства — реконструкцию, которая превратит его в один из самых невзрачных вокзалов областных центров, странную конструкцию из стекла и бетона, проведут лишь через десятилетие... Но сейчас здесь оставалось знакомое с детства прежнее симпатичное здание с арочными окнами, башенками, карнизами и прочими украшениями дореволюционной поры. На площади перед вокзалом — стоящий лицом к вокзалу, а не в сторону города, памятник Дзержинскому. Его, насколько помнил Михаил, повернули одновременно с реконструкцией вокзала, что стало на некоторое время поводом для антисоветских шуточек. Раньше, дескать, Дзержинский

приветствовал тех, кто домой возвращается, а сейчас — тех, кто уезжает. Во всем понятном направлении, разумеется... Однако в целом этот район был все же достаточно знакомым, тут, если не считать вокзала, и к 90-м мало что поменяется...

Двинувшись в обратную сторону, Михаил решил прогуляться в сторону Волги, посмотреть, что к чему — и лишь после этого направиться домой. Как раз примерно к возвращению с работы родителей и приедет... Вновь проходя мимо университетского комплекса, где к этому времени стало куда больше народу, как раз заканчивались пары, невольно загляделся на проходивших мимо девчонок-студенток. Такие молоденькие, красивые... Хотя, по большому счету, в молодости почти все девушки достаточно симпатичны — если только не окажутся из тех, кого откровенно «природа обделила», или сами себя не изуродуют избытком косметики или отсутствием вкуса при ее применении. Но в эти годы такое все же было редкостью...

«Успокойся, придурок!» — поняв, что мысли его опять потекли не в ту сторону, Михаил резко одернул себя и двинулся дальше. Не хватало еще того, чтобы детские гормоны одержали верх над взрослым сознанием! Нет уж, не выйдет! Решительно двинувшись вперед, Михаил достаточно быстро дошел сначала до площади Кирова, а затем и до конца одноименного проспекта, где его ожидала еще одна неожиданная находка... У главного входа в парк «Липки» стоял хорошо знакомый по прошлому миру памятник Чернышевскому. А вот в самом парке он с еще большим удивлением обнаружил «выстриженную» из кустов имитацию Кремля, три небольших башенки с соединяющим их куском стены, по бокам от которого стояли еще два памятника тем же самым людям...

— Нифига себе, — глядя на памятники Вождям, тихо произнес Михаил.

Да, в свое время пару последних в городе памятников Сталину ему все же довелось повидать — но тогда он был еще десятилетним пацаном, а потому их так толком и не запомнил. Но в этих местах в те годы он еще не бывал ни разу, а потом этих памятников попросту не стало, а когда все же побывал — здесь оставался лишь один памятник Ленину. Ни Сталина, ни «Кремля» в парке уже не было... Памятник, по всей видимости, демонтировали в 1961 году — то ли накануне XXII съезда партии, то ли вскоре после него...

Решив, что на сегодня «открытый» хватит, Михаил двинулся дальше — и вскоре уже ехал домой. И вот, промотавшись по городу почти три часа, без десяти пять Михаил наконец-то вернулся домой, где его с явным удивлением встречала сестра.

— Ты где был-то? — удивленно глядя на него, спросила Машка.

— В город ездил...

— Зачем? — еще больше удивилась Машка.

— До университета захотел доехать, посмотреть, что там и как, — усмехнулся Михаил. — Сама ж знаешь, что мне поступать скоро...

— И много чего высмотрел? — явно не поверив такой причине его длительного отсутствия, ехидно усмехнулась сестра.

— Чего надо — то увидел...

— Ой, хитришь ты что-то, братец, — усмехнулась в ответ сестра. — Давай, колись уж...

Куда и с кем ездил?

— А иначе что?

— А иначе обижусь! — недовольно фыркнула Машка. — У нас никогда секретов друг от друга не было!

— Ну я честно один ездил! Просто так, по городу погулять захотелось!

— Ладно! — тряхнула головой Машка. — Ничего! Не хочешь ты говорить — я сама все выясню. И не надейся, что я от тебя так просто отстану!

— Ну выясняй, — вздохнул Михаил.

«Твою ж дивизию!» — мысленно выругался он. Да, попасть в прошлое, тем более в другой мир, и ничем не выделяться оказалось слишком уж сложной задачей... Как ни крути, но он-то уже взрослый мужик! Вести себя как семнадцатилетний пацан он уже не сможет в любом случае — и люди, которые его хорошо знают, станут раз за разом замечать, что его поведение в чем-то изменилось, стало не таким как прежде... Будут подмечать все странности и искать им свои объяснения — а, значит, он будет раз за разом выдавать себя. И пусть никому даже в бреду не придет в голову, что из будущего, но какие-то свои выводы люди станут делать неизбежно. А потому... Надо скорее заканчивать со школой и идти дальше! Как можно сильнее оторваться от круга хорошо его знающих людей! Лишь тогда он наконец-то сможет вести себя спокойно и естественно.

Вот только родителям явно придется признаться во всем — уж они-то странности в его поведении заметят чуть ли не быстрее всего — даже с учетом того, что большую половину дня проводят на работе... Так что готовься к объяснениям, Мишка! И в первую очередь тщательно подумай над своими доказательствами того, что ты не псих, а пришелец из будущего...

Утром следующего дня все практически повторилось как во второй день его пребывания в этом мире, что явно не осталось незамеченным ни родителями, ни сестрой... Впрочем, ничего особенного не случилось. Точно также позавтракали, собрались и отправились все по своим делам.

В отличие от прошлого дня, этим утром на дворе стояла хмурая погода, моросил мелкий дождик — так что Михаил с товарищами по классу постарался как можно быстрее добежать до школы и, скинув в гардеробе уличную одежду, побежал в класс. Первым уроком была литература, где обсуждали, «любовную линию» романа «Поднятая целина» на примере Разметнова и Давыдова, затем русачка дала им темы для сочинения, которое предстояло написать на следующем уроке в пятницу, и на том урок и закончился. Опять алгебра, где продолжали изучать производные. Опять история, где продолжали изучать вопросы социалистического строительства в 30-е годы. Затем химия, один из любимых школьных предметов Михаила — в какой-то момент он даже на полном серьезе хотел стать химиком, но в итоге все же передумал. Потом опять немецкий язык, который он так тщательно пытался повторять в последние пару вечеров.

Последним же уроком была физкультура, с которой у него тоже никогда особых проблем не было... Она всегда, впрочем, была у всего их класса любимым уроком — и потому, что для большинства это было весело, и за достаточно лояльное отношение физрук к вопросам дисциплины — и, как оказалось, в этом мире было все точно также. Вот только сейчас вдруг не заладилось. Сначала-то они, как обычно, сделали небольшую пробежку с разминкой — после чего физрук спросил, в какую игру они хотят сегодня сыграть. Как и в их мире (хоть там у них и физрук другой был), вариантов было два — баскетбол и волейбол, однако в их классе почему-то чаще всего отдавали предпочтение второму.

В классе их было 28 человек, которые традиционно делились на четыре команды — причем, как-то традиционно было принято, что сначала играют две команды, а уже третьей становится игра двух победителей — нередко она бывала уже на следующем уроке.

— Ну че, против девчонок? — первым выкрикнул Леха Расторгуев.

— А давай! — весело крикнула в ответ Вика. — Ух мы вам накидаем!

— Спорим, не накидаете? — присоединился к ним Славка Тимофеев.

— А давай!

— На что спорим? — поддержал идею Леха.

— На ириску!

— Давай!

— Миш, разбей! — обратилась к Михаилу девчонка.

И вскоре, быстро разделившись на команды, они приступили к игре. Первая подача традиционно была за девчонками — и Анька Попова, как обычно с нижней боковой, запустила почти в центр поля, где мяч принял Семка и передал его Ваське Петренко, который уже запустил его на вражескую часть поля. Однако девчонки тоже не зевали — и Светка Мигулина влепила мяч им буквально под сетку с левого края поля — так что стоявший рядом Петька так и не успел его принять. Опять подача от Аньки — но в этот раз мяч попадает к Тохе, который тотчас же отправил его Светке, которая принять его не смогла. Очередь подавать выпала Михаилу — как обычно, он попробовал подать с верхней, но тут-то

у него как раз не задалось... Увы, но в волейбол он не играл с самой школы, а потому в этот раз навыки подвели его. Первой же подачей «скосил», со всей дури влепив мяч в деревянную решетку перед окном...

— Ты косою что ли? — недовольно выкрикнул Леха.

У девчонок на подачу вышла Вика — ага, главная «комсомолка, спортсменка и просто красавица» класса...

— Щас нам накидают, — недовольно фыркнул Петька.

«Ну да», — вдруг вспомнил Михаил. И впрямь ведь сколько раз у них в школе бывало, что Вика могла по 3–4 мяча подряд накидать... Был как-то случай, хоть и единственный за все время, когда Вика накидала им двенадцать мячей подряд — причем, половину забила прямо с подачи. Да, по волейболу она у них была лучшей — в отличие, кстати, от многих других предметов. По сути, в его прошлом-то она была «твердой ударницей» — без троек, но и пятерок не густо. Но вот одна из них была как раз по физкультуре — Вике тогда даже предлагали спортсменкой стать, но она лишь смеялась в ответ на эти предложения и пошла после школы в политех, на машиностроителя.

Бабах! И сходу гол — Семка так и не смог принять мяч. Бабах — на этот раз уже Михаилу, которого в очередной раз подвели навыки, и он чуть не вlepил мяч в сетку. Однако буквально в последний момент его перехватил Васька и отправил на другую сторону, где его приняла Катька Волкова, отправив обратно через сетку. Тут его принял Леха, однако скосил, и мяч влетел в стену.

— Мазила! — выкрикнул Васька.

Мяч опять у девчонок... Бабах! Прямо на Тоху в центр поля, который пытается провести нижнюю передачу, но запускает мяч прямо в потолок. Бабах! На этот раз Михаилу, которому все же удается сделать верхнюю передачу, и мяч хоть и задевает сетку, но все же падает на другой стороне. Гол, мать его так! Теперь подача за Васькой, который со всей дури запустил мяч на «девчачью» сторону, однако его берет Вика, которая тотчас посылает его на их сторону... Мяч берет Тоха, пасует стоящему посередине Михаилу, тот передает на другую сторону — но, опять не рассчитав своих сил, вlepил его прямо в противоположную стену, где Ленка не стала брать мяч, а просто чуть уклонилась в сторону.

К концу игры Михаил чувствовал себя откровенно уставшим — не столько даже физически, сколько морально. Так мордой в лужу он давно не макался! Особенно когда второй раз вышел на подачу и вlepил прямо в сетку! Твою мать! Да он бы сейчас вообще с радостью отказался играть... Да только тринадцатого пацана в классе-то нет! Хотя в его мире и было четырнадцать. Хорошо, что хоть с передачами боле-менее быстро освоился... Впрочем, они все равно проиграли — хотя Михаил и не мог сказать, что это однозначно из-за него. Команда у девчонок была достаточно сильной — у них и в прошлые игры «против девчонок» число побед с поражениями шло примерно поровну... Даже с учетом того, что отсутствующий в этом мире Федька Тарасов тоже был неплохим волейболистом и играл в их команде. Собственно говоря, у них там Федька с Викой и более-менее уравнивали друг друга — здесь же это равновесие качнулось в сторону девчонок.

Остаток урока Михаил так и просидел на скамейке, глядя на игру двух других команд, а вот на третью времени так и не хватило. До звонка осталось каких-то пять минут — и физрук разрешил тихо идти переодеваться. Звонок прозвенел когда Михаил уже переоделся...

— Это нечестно! — уже в гардеробе вдруг нагнала Михаила Вика. — Ты поддавался!

Поддавался!

В гардеробе они, к некоторому его удивлению, оказались первыми. И куда было так бежать? Все равно же Петьку с Семкой ждать! А вот Вика явно прибежала вперед всех чтобы высказать свое возмущение...

— Я поддавался? — откровенно удивился Михаил, но девчонка лишь еще больше разозлилась.

— Да! Ты! Я же видела все! Видела! Ты играл как... — не найдясь, что сказать, вдруг растерянно замолчала девчонка, а затем уже несколько более спокойным тоном добавила. — Это неправильно! Не делай так никогда!

Обиженно отвернувшись, Вика пошла к своей вешалке, а Михаил, застегнув куртку и взяв портфель, двинулся к выходу из школы, где и будет ждать товарищей. Не объясняться же ему, в конце концов, в том, что никому он подыгрывать не собирался и что оно просто само так получалось... Все равно же ведь не поверит! Блин, лишь бы пацаны не подумали аналогично — засмеют же! Впрочем, по пути домой никаких вопросов, вроде, не задавали... Лишь когда Семка распрощался и повернул на свою улицу, Петька вдруг обратился к Михаилу с вопросом.

— Слышь, Мих, а что у тебя с Викой?

— Чего? — аж остановился от неожиданности Михаил.

— Ну того, — смутился Петька. — Нравится она тебе?

— С чего ты взял-то? — аж полезли глаза на лоб у Михаила.

— Да вчера вон, говорят, ты с ней чуть ли все перемену проболтал, даже в класс потом вместе пришли. Сегодня она вон за тобой после уроков побежала...

— Да ничего у меня с ней нету! — чуть не рассмеялся Михаил. — Нет и быть не может!

— Ну она так, похоже, не считает...

— Н а я-то тут при чем? — спросил Михаил. — Я ж с ней практически и не общался никогда!

— Ну не знаю, — пожал плечами Петька.

— Даже если я ей и нравлюсь, то насильно-то мил не будешь, — вздохнул Михаил. — Для меня-то она лишь школьный товарищ...

От Петькиных подозрений ему вдруг и впрямь стало смешно... С девчонкой связаться? Мужу почти пятидесяти лет? Блин, да для нее ж он уже старикан стариканом! Да ну уж нафиг! Пусть уж лучше проживет свою жизнь также, как и в прежнем мире... Незачем влезать в чужую жизнь, не было в прошлой жизни ничего между ними — ну так и тут не надо. Хотя...

«Твою ж дивизию!» — внезапно пришедшая в голову мысль вдруг произвела эффект удара дубиной по башке. Да, ему сейчас 49 лет, а тем же его одноклассникам 17. Да, разница в 32 года — огромная величина! Вот только... Когда он встретится со своей Олей — ему будет уже 58 лет, а ей всего 21... Твою мать! Да он ведь уже реальным стариканом будет! Не биологически, ясно дело... Сознанием. И сможет ли он после всего этого найти общий язык с молоденькой девчонкой? Блин, да даже сама идея такая вдруг стала казаться несколько пошловатой... Твою ж дивизию! Неужели участь такого, как он, пришельца из будущего — вечное одиночество?

Домой Михаил, как и в предыдущие дни, пришел первым, и первым же делом растопил котел с плитой, поставил разогреваться суп, налил миску прибежавшей с улицы кошке, а сам тем временем пошел кормить скотину — вот только в голову все лезли и лезли недавние

мысли. Ведь даже если он женится на своей Оле, то он уже все равно будет видеть перед глазами не ее саму, живую и настоящую, а иллюзию, мираж, призрак своей прошлой жизни... И закончится все ничем! Лишь обманутыми ожиданиями...

Так неужели единственное назначение пришельца из будущего — работа? Служба на благо родины, где ему и суждено сгореть без остатка — лишь бы к власти не пришли те, кто в прошлой реальности угробил его страну? Ведь и впрямь — какое тут нафиг личное счастье, когда в теле пацана живет сознание взрослого мужика со всеми его привычками, знаниями, жизненным опытом? И точно также и с другими женщинами он получит лишь те же обманутые ожидания — много ли общего может быть между людьми, между которыми почти трехкратная разница в возрасте? Но раз так, то и фиг бы с ним! Ничто не станет мешать, отвлекать от великой цели! От той цели, за которую не жаль и жизнь отдать! Меньше сдерживающих факторов...

Закончив со скотиной, Михаил зашел домой и, пообедав вместе со вскоре приехавшей домой сестрой, принялся за уроки — хотя особого желания их делать у него и не было. Что ему понадобится в жизни — то он и так неплохо знает. А что забыл... То, значит, ему и нафиг не нужно оказалось! Вот только школу-то оканчивать все равно как-то надо...

Этим же вечером Михаил решил и объясниться с родителями. Нечего дальше кота за одно место тянуть... И пока мама с сестрой готовили ужин, Михаил вместе с ним пошел в сарай к скотине... Однако признаваться во всем было все равно страхово. Как батя воспримет полученную новость? Однако, в конце концов, он все же решился.

— Бать, мне тут сказать одну вещь надо...

— Ну говори, — несколько удивленно взглянув на сына, спросил Василий Петрович. — Только почему здесь, а не в доме?

— Есть причины, — вздохнул Михаил. — Ты ж с мамкой наверняка уж замечал во мне какие-то странности в последние дни?

— Ну вообще есть такое, — спустя несколько секунд задумчиво ответил батя. — Что-то случилось?

— Случилось, — произнес Михаил. — Я из будущего... Точнее, как сказать...

— Что за бред? — даже отложил в сторону мотыгу батя. — Меньшей брехни придумать не мог?

— Увы, это не бред, — вздохнул Михаил. — Ты только дослушай до конца... Дело в том, что я и впрямь «пришелец из будущего» — из 1998 года. Каким-то странным образом мое сознание перенеслось назад в детство, в прошлое немного отличающегося от моего мира... И вот я теперь здесь.

— Ты что несешь? — еще больше удивился батя. — На алтынку захотел? Так за такую брехню мигом устроят...

— Нет, не хочу, — ответил Михаил. — Но я докажу это!

— Хорошо, — глядя на него явно как на психа, тяжело вздохнул батя. — У тебя пять... ладно, десять минут на то, чтобы доказать свою правоту. И если я тебе не поверю, то завтра пойдем в больницу!

Они заперлись в комнате дома, и Михаил начал рассказ... Что он мог рассказать батю такого, чего он точно никак не мог знать, но что можно было проверить? Только одно... Научные знания! И он начал рассказ про теорию СВЧ-приборов, устройство и принцип действия ламп бегущей волны, магнетронов и клистронов, рисовал чертежи и графики, рассказывал о конструкции волноводов и методах расчета различных узлов... Что-то из

рассказанного им было, конечно, уже известно здесь и сейчас — и давало возможность проверить его знания. Что-то было известно, но пока проходило по категории «для служебного пользования». А чего-то еще не знали вообще — это будет открыто, изобретено уже позже, когда он будет работать конструктором СВЧ-приборов... Затем также выдал информации по смежным областям электроники — прежде всего, по микроэлектронике — и, наконец, перешел к вопросам теоретической физики и устройства Вселенной...

— Ладно, хватит, — уже далеко за полночь, прервав Михаила, устало произнес батя. — Согласен... Всего этого узнать тебе было негде... И ладно было б что одно. Но тут уж слишком много... Скажи мне только одно... Коммунизм мы построили?

— Нет, — только и смог коротко произнести Михаил, и ему стало откровенно стыдно за эти слова. — К капитализму вернулись...

— Но... как же так? — удивился Василий Петрович.

— Вот так вот, батя... Так уж вышло...

— Война была? Нас разгромили? — нахмурился Василий Петрович.

— Нет, батя, — вздохнул Михаил. — Нас продали... И продали мы сами!

На какое-то время в комнате воцарилась полная тишина — пока Василий Петрович, наконец, не треснул со всей злости кулаком по столу.

— Завтра мне все расскажешь! — жестко произнес он. — А то, что сегодня говорил, я уж постараюсь проверить!

Однако вернулись к этому разговору лишь на выходных. На следующий день батя напрямую с работы уехал куда-то в центр, не говоря о том ничего ни жене, ни Михаилу с сестрой и вернулся уже поздно вечером, на пятницу и вовсе взял отгул и весь день пропал где-то в городе — и вот, и наконец, в субботу, прогнав всех из дома к сестре, сразу ж по возвращению Михаила домой Василий Петрович перешел к теме разговора.

— Проверил я то, про что ты говорил, — вздохнул батя, выкладывая на стол записи Михаила. — Времени у меня немного было, но кое-что нашел. Есть у меня знакомый в одной конторе, он мне и почитать кое-что дал...

— Из какой конторы? — насторожился Михаил при последних словах бати. — Не КГБ хоть?

— Что еще за КГБ? — на этот раз пришла пора удивляться Василию Петровичу.

— Комитет госбезопасности...

— А, нет, не из госбезопасности, — усмехнулся батя. — Только оно вообще-то называется Министерство госбезопасности... МГБ СССР. Но нет, не оттуда... Организация п/я 52 — слышал, может быть, название?

— Конечно, слышал! — ответил Михаил. — Будущий НИИ «Волна»...

— Ну вот там как раз твоими СВЧ-приборами и занимаются... Так не поверишь! Я как этому своему знакомому твои записи показал — он за них как клещ уцепился!

— Еще бы, — согласился Михаил. — Это еще мелочь суцая...

— Ну и по остальному... Говорит, что все верно там — хотя и не представляет, откуда я все это узнал. Информация, дескать, хоть и не секретная, но и широкой огласке не придается. Очень узкоспециализированная вещь... Ну и по твоей теории строения Вселенной... Полдня вчера в научной библиотеке просидел, но кое-что нашел!

— Значит, теперь веришь мне? — спросил Михаил.

— А куда деваться? — пожал плечами батя. — Не до конца, но верю... А там уж видно будет. Ты мне лучше другое скажи. Сколько лет-то тебе там было?

— 49...

— Ровесники, значит... Даже не знаю, как и говорить с тобой теперь, — вздохнул батя. — Ладно, скажи лучше — как так случилось-то, что просрали мы в будущем нашу страну-то?

— Сложный вопрос, — ответил Михаил. — Начиная уже с того, что у нас там товариш Сталин помер в марте 1953 года, а после него к власти пришел Хрущев...

— Никитка что ли? — удивился батя. — Это тот, что недобитый троцкист что ли? Товарищ Берия ему четвертной в 55-м выписал!

— Наверное. Хотя у нас его никто троцкистом не называл.

— Ну ясен пень, — усмехнулся батя. — Если там он победил... А март 53-о года... У нас ведь тогда как раз у товарища Сталина инсульт случился, почти два месяца в больнице пролежал. А как вышел — так, говорят, он почти парализованный был, ходил и то с трудом...

— Ну а у нас помер он, — вздохнул Михаил.

И он начал рассказ про дальнейшие преобразования «Хрущева и его приспешников»... Ликвидация МТС и укрупнение колхозов, бездарно организованное освоение целины, рассказал про «кузькину мать» и многое другое — и чем дальше шел рассказ, тем больше лезли глаза на лоб у бати.

— Целина, говоришь? Что-то слышал я про это, вроде...

— У нас про то не только слышали. Про освоение Целины последняя шавка подзаборная знала! В газетах писали... Фильмы снимали... Песни пели... «Целинные земли и космос далекой — все это из нашей истории строки!» Даже комсомол получил орден за освоение Целины!

— Вот оно как? — удивился Василий Николаевич. — А ведь вспомнил, о чем речь шла! В 55-м в «Правде» статья выходила... Предлагали за десять лет распахать пятнадцать миллионов гектар земли. Там еще было что-то и про создание сети МТС, высадку лесополос, строительство дорог, помощь колхозам в освоении новых земель, только я уж и не помню всего того... Знаю только, что солдат туда много отправляли, дороги да поселки новые строить. Чтобы людям, кто приедет, сразу было бы где жить да чем работать.

— Ну а у нас не было ничего этого... Люди в палатках жили. Хлеб вырастили, а хранить негде, вывезти — дорог нет нормальных. Сколько зерна впустую потеряли — диву даешься, — вздохнул Михаил. — Технику нормально ремонтировать негде. Лесополос не высадили — и скоро те земли в пустыню превращаться стали. Целину освоили — а хлеб из-за границы везти стали! В центральной России многие деревни разваливаться стали... Все средства на Целину, а что здесь — так сами, дескать, справятся! МТС разогнали — и технику ремонтировать негде и некому стало. В колхозах миллионерах-то кое-где есть нормальная своя рембаза, а где помельче — так зачастую пара слесарей из тех, кто в город не смог удрать, да в хорошем случае какой-нибудь посредственный станочник. А за околицей целая свалка техники ржавой да поломанной! Я как СССР развалили у фермера одного работал — так диву давался, как в таких условиях вообще работать можно!

— У кого работал? — не понял батя.

— Да у кулака, если по-нынешнему... На заводе-то к тому времени совсем плохо стало.

— И кулаки, значит появились, — грустно усмехнулся батя. — Так неужели все зазря-то было?

— Нет, конечно, — усмехнулся Михаил. — Не зазря... Да только не смогли мы

нормально распорядиться тем, что имели.

Потом рассказал Михаил и про так называемую «десталинизацию» и «борьбу с культом личности» в их мире, что вызвало у бати настоящее бешенство-то. Как выпустил из тюрем всякую власовскую и бандеровскую сволочь, реабилитировал откровенных бандитов и предателей...

— Да как так можно-то?! — разозлился батя. — Товарища Сталина так с дерьмом смешать? Правильно ему, сволочи троцкистской, товарищ Берия четвертак-то выписал! К стенке надо было сразу контрика поганого! Только как? Почему ваши люди контре такой власть-то доверили?

— Да по всяким причинам... Кто-то так привык власти верить, что ему и в голову не могло прийти, что ему нагло врут. А кто-то из этих... Из «репрессированных» был — порой и впрямь из тех, кого посадили по ошибке или ложному доносу, но зачастую и из самых настоящих бандитов и предателей. Им-то Советскую власть любить было не за что! У нас тут вот один «дядя Дима» неподалеку жил, кто как примет на грудь — так начинал орать, что он-де «за политику сидел»...

— Это какой? — удивился батя. — Федотов Димка что ли?

— Он самый, — усмехнулся Михаил.

— Так ведь все же кругом знают, что он за воровство сидел! Недавно ж как раз только вышел...

— Ну так ему ж не кражу, а «вредительство» написали...

Следующие пару минут Михаил выслушивал все, что его батя думает о такой фигне — однако все эти слова были исключительно матерными, но в какой-то миг батя все же более-менее успокоился и велел продолжать.

Рассказал Михаил и про космическую программу СССР — попутно узнав, что в этом мире первым космонавтом Земли стал не Юрий Гагарин, а совершенно неизвестный ему Валентин Васильевич Бондаренко, совершивший первый полет 4 марта 1961 года, космический корабль назывался не «Восток», а «Рассвет», а Гагарин стал лишь вторым космонавтом — за то в этом мире он совершил не один, а уже два полета.

Рассказал про ракету Н-1 и грандиозный провал советской лунной программы 60-х годов... Потом начал рассказ про брежневский «застой», дефицит, про вырождение и деградацию коммунистической партии, медленно превращавшейся в сборище карьеристов и лицемеров, про раздаривание народного добра всяким якобы строящим социализм папуасам, которые на деле лишь нашли, кому сесть на шею.

— У нас в конце 60-х даже частушка появилась. «Ладушки-ладушки, Куба ест оладушки. А мы серим и пердим, черный хлебушек едим», — грустно усмехнулся Михаил. — Хотя на Кубе-то все же хоть нормальные люди были. В отличие от всяких папуасов...

— А вот с частушками такими — это ты брось! — стукнув кулаком по столу, произнес Василий Петрович. — У нас, знаешь, хоть и не тридцатые годы. За глупость уже не сажают. Но из комсомола за такую частушку вылетешь как пробка! Быстрее собственного визга! А оно-то хоть и не обязательно комсомольцем быть, но одно дело не вступать, а другое — вылететь!

— Так я лишь сказал, какие в том мире частушки были...

— Вот пусть там они и будут! — ответил батя. — А у нас такого нет и не будет никогда! Кубе, правда, мы тоже помогли несколько... Но своих ради этого обдирать никто не позволит!

— А с Африкой и Азией у вас что? — поинтересовался Михаил.

— Ну кое-кому продаем что-то... Но бесплатно они ничего не получают! Люди, знаешь, не ценят того, что им даром досталось... Спустят все бездарно, а потом начинают орать, что им еще и еще должны! Так что они нам за все сполна платят... Видел, может, в магазинах бананы с апельсинами продают? Вот их тоже из Африки везут... И не только их. Помню, в газетах даже писали, что в оплату советского оборудования привозят... Руды, нефть, фрукты с овощами эти. Из Вьетнама, говорят, даже людей присылали — у нас на юге дороги строили, в колхозах работали, даже на заводы кое-кого отправляли. Да одновременно в техникумах учились, чтобы потом уже специалистами на родину вернулись...

— А у нас был «институт дружбы народов», — усмехнулся Михаил. — Детишек всяких арабских шейхов да негритянских вождей учили...

— Классовых врагов учили? — удивился батя.

— Ага...

— Бред какой-то... У нас, я слышал, есть политехнический институт дружбы народов... Но туда отправляют учиться простых пролетариев! Кто до того в наших техникумах да ремесленных училищах хорошо учился. Про них даже по телевизору как-то сюжет показывали...

— Ну а у нас оно вон как было...

Напоследок Михаил кратко, поскольку дело уже шло к вечеру, рассказал о приходе к власти Андропова и его «чудачествах», о «перестройке и ускорении», про новые потоки клеветы на все советское и постепенное уничтожение страны. Когда в решающий момент вдруг оказалось, что выйти на защиту СССР стало попросту некому! И про разруху и бандитский беспредел 90-х, где довелось прожить последние годы ему...

— Да, — когда Михаил закончил рассказ, произнес батя. — Задал ты нам задачку... Знаешь, теперь я окончательно поверил, что ты и впрямь из будущего. Такое просто невозможно придумать.

А самое главное — Василий Петрович вдруг наконец-то до конца осознал, что он уже говорит не с семнадцатилетним пацаном, а со вполне себе взрослым мужиком. Как бы даже не старше себя... И если даже всю историю еще можно было как-то подделать, сфальсифицировать, то за пару дней настолько повзрослеть было просто невозможно! Но вслух он этого решил все же не говорить...

Суббота прошла как-то незаметно... Забыв даже про обед, Михаил и Василий Петрович сравнивали историю своих миров и отмечали различия — которые, как оказалось, начались уже довольно давно. Как минимум, с войны, начавшейся тут на неделю позже и шедшей немного иначе... В отличие от прошлого мира, здесь, по всей видимости, приказ о приведении войск в боеготовность успел прийти в части и даже был отчасти исполнен — но это помогло мало. Точнее, почти неделю немцев удерживали на границе, но затем те рванули как бы не с удвоенным темпом, и уже к Смоленскому сражению все вернулось на круги своя. Или не совсем? Ведь все же война началась тут позже на неделю, а закончилась позже лишь на три дня. Четыре выигранных дня — много это или мало? Сложный вопрос... И не в этом ли и причина всех последующих различий? Сталин, например, чуть здоровее оказался или еще что-то иначе пошло?

— Кстати, — вдруг вспомнилось Михаилу. — А у нас тут пятидневка что ли?

— Ну так с этого года, — даже удивился батя. — Пять по восемь стали работать вместо шесть по семь.

— А я только сейчас вдруг вспомнил, — ответил Михаил. — У нас такое только с весны 67-о было...

Вот тебе и еще различие... Хотя, казалось бы, такая мелочь! Число часов в неделю-то не изменилось. И ведь таких вот мелких различий тут явно немало должно было набежать... Не мелких, впрочем, тоже. Вот, например, те же артели, про которые батя достаточно подробно рассказал Михаилу...

Как выяснилось, в этом мире в СССР, помимо государственных предприятий, существовала и «промысловая кооперация» — преимущественно занимающиеся производством продукции народного потребления кооперативно-коллективные организации, продукцию которых можно было купить в магазинах по цене лишь немногим, до 13 %, выше, чем у произведенной на госпредприятиях аналогичной продукции. И хоть доля артелей в общем промышленном производстве страны и составляла лишь чуть больше 5 %, но это ведь если говорить обо всем, что делается в СССР, включая танки, ракеты с ядерными боеголовками, турбогенераторы для электростанций и металлорежущие станки. В то время, как в производстве многих видов товаров народного потребления доля артелей достигала очень приличных значений... Другое дело — что далеко не все были готовы (да и не все имели возможность) платить больше за «кооперативную» продукцию. Так что очереди на некоторые виды товаров были и в этом мире, хоть и значительно меньшие, чем в родной реальности Михаила... Государство пока, увы, не могло обеспечить всех всем необходимым. Тем более, что в этом мире, как оказалось, люди и в целом были более «привередливыми» как к качеству товара, к чему в реальности Михаила зачастую относились по принцип «бери что есть, другого не будет», так и к его разнообразию. Носить всем однотипную одежду (особенно когда вопрос касался женщин!) и ставить одинаковую, зачастую весьма дурацкую, мебель? Да идите вы нафиг! Я вон сейчас пойду у артельщиков куплю!

Это, кстати, вызывало самые что ни на есть противоречивые мнения в руководстве страны — причем, споры явно стояли серьезные, раз порой доходило даже до «народных масс». Кто-то заявлял, что промысловая кооперация — это потакание «мещанству» и

«буржуазной роскоши», что противно духу строителей коммунизма. И всему, дескать, свое время. Другие, наоборот, говорили, что артели позволяют «сглаживать углы» в плановой экономике, обеспечивая население необходимыми товарами народного потребления и позволяя своевременно реагировать на требования текущего момента и выступали за создание «гибкой системы планирования», которая позволила бы корректировать планы исходя из текущих потребностей. Но этого было мало... Как оказалось, в этом мире существовал еще и предложенный академиками Китовым и Глушковым проект «Общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством», причем ее создание было официальной политикой партии — о чем и в газетах не раз уже писали, и по радио с телевиденьем сюжеты показывали. Жить в СССР этого мира и не зная о проекте ОГАСУ было просто невозможно! Ее воспринимали уже как дело ближайшего времени — максимум трех-четыре пятилеток. И уж если и сейчас темпы роста советской экономики превышали любые западные страны, то уж тогда «буржуям страным» останется только сдаваться! Правда, тут батя никаких особо подробностей рассказать не мог — он никогда этой темой специально не интересовался. Так, помнил, про что в газетах писали да на радио говорили...

Ну а под вечер домой вернулись от тетки мама с сестрой, и все разговоры о параллельных мирах и будущем прекратились. Говорить об этом всей семье батя пока не собирался, и Михаил спорить не стал. Тут ему, пожалуй, виднее...

А вот следующий день был воскресеньем, и Михаил решил заняться тем, что поподробнее изучить этот мир... Для начала — хотя бы родной город. И, как вскоре выяснилось, город таки достаточно сильно отличался от того, что он помнил по детству... Тут и архитектура несколько иная, и те же вывески артелей, и памятники Сталину — еще два из которых он обнаружил в городском парке и на набережной. Причем, в парке же нашлись и еще два памятника деятелям социализма — товарищам Берии и Пономаренко... Так что традиция ставить прижизненные памятники советским вождям в этом мире явно продолжалась. Хотя нет, в случае с Берией Михаил сильно сомневался, что он прижизненный — у власти тот был всего лишь год. А вот памятник товарищу Пономаренко был явно новенький — не иначе как поставили к десятилетию его нахождения у власти...

Ради интереса Михаил съездил и в Ленинский район города, где застал примерно ту же самую картину... На «Стрелке» вместо хрущевок-пятиэтажек новенькие «сталинки». Такой же этажности, но с «архитектурными излишествами», пусть и на минимальном уровне, с высокими потолками и четырехскатными крышами. Более старые и более богато отделанные «сталинки» по левой стороне Красноармейского шоссе. Разделенная будущим проспектом трамвайная линия, где один путь отстоял от другого на несколько сотен метров — поскольку второй путь уже изначально положили вдоль заводов, с минимумом пересечений с автомобильной дорогой, а изначально построенный еще до революции первый шел по другой стороне будущего вдоль домов. Впрочем, через несколько лет трамвай станут делать скоростным — и тогда второй путь тоже перенесут на другую сторону. Это уже у Михаила на памяти было... Несколько непривычные автомобили с табличками «ЗиС» вместо «ЗиЛ», «борьбы с культом личности» в этом мире не случилось, вот и автозавод никто не переименовывал. Цеха и корпуса заводов, гигантов советской электроники, на одном из которых предстоит работать и ему — уж в этом плане он думал полностью повторить сделанный в иной реальности выбор. Жалеть ему было не о чем, менять что-либо незачем. В прошлой жизни он в полной мере использовал представившиеся ему возможности и, если бы

не уроды-«перестройщики», так бы всю жизнь и проработал на одном месте.

Вспоминая прошлую жизнь, Михаилу порой становилось откровенно смешно... «Перестройка»... Сколько надежд на нее поначалу было! Считали, что вот теперь-то, наконец, решим накопившиеся за десятилетия проблемы страны, теперь жить станет лучше, не станет того же дефицита! Это уж позже начались шуточки про Горбачева — а поначалу-то ему и впрямь верили... Впрочем, продолжалось это недолго — очень скоро уже пошли первые анекдоты на счет носящейся между цехов пустой кары или «нет, сынок, это тебе меньше есть придется»... Развалил страну, сука — за то нобелевскую премию получил! И целую кучу орденов с премиями — не поскупились «буржуины» на варенье с печеньем... Хотя на деле заслужил он только Орден Иуды — только не серебряный, а урановый. С обязательным круглосуточным ношением!

А сколько людей потом верили Ельцину? И ведь бежали голосовать за него! Впрочем, сам Михаил к тому времени уже не верил никому — и на выборах 91-о года проголосовал за Макашова. Чисто потому, что тот не занимал никаких должностей в органах власти — партии, министерствах, Верховном Совете... «Реформы» последних пяти лет к тому времени уже доконали настолько, что никакого доверия к этим организациям и их членам уже не осталось. Ну а потом началось такое, что даже «застойные» времена вспоминались как страна мечты...

«Что ж, — гуляя по этому, «другому», городу, мысленно усмехался Михаил. — Вот и выпала тебе возможность прожить вторую жизнь... В другой стране — такой, о какой ты мечтал». Только, твою дивизию... Сможешь ли ты спокойно жить, помня про ту, иную историю? Ведь это только на первый взгляд кажется, что тут какая-то страна мечты... А что на самом деле? Наверняка же есть и какие-то свои, здешние проблемы! Наверняка тоже не все единогласно одобряют «политику партии и правительства!» Наверняка и тут есть какая-нибудь сволочь, которая мечтает развалить, уничтожить, сдать Западу страну и восстановить капитализм! И хоть простые советские люди о том явно ни сном, ни духом — но многие ли в его мире знали про преступные действия Мишки Меченого и его приспешников? Многие ли понимали, что те хотят развалить страну?

Так и здесь наверняка есть нечто подобное! И пусть даже начальные позиции заговорщиков куда слабее — но это лишь дает отсрочку во времени. А как дальше пойдут дела? Сможет ли советское правительство не допустить прихода к власти подобных уродов? Не скурвится ли и здесь коммунистическая партия? Не устроят ли им здешний аналог «перестройки»? И главное — непонятно, что же делать. Пойти сдать госбезопасности? А поверят ли они? Не примут ли за психа или, например, американского шпиона, засланного с целью подрыва чего-нибудь там? А если и поверят — что тогда? Не посадят ли куда-нибудь под пожизненный «домашний арест»? Не решат ли попросту избавиться от него чтобы не мешался под ногами со своими речами о развале СССР? А если, того пуще, он попадет как раз к заговорщикам, кто, благодаря его знаниям, развалит СССР еще быстрее? Нет уж перебьются! Мало того, что есть очень большой риск того, что все это окажется бесполезно, так еще и пожить хочется не в пущь и «элитной», но тюрьме, а в нормальном мире...

За мыслями о своем прошлом-будущем Михаил даже и не заметил, что ноги привели его на окраину района, что по этим временам было весьма рискованно. Тех, кто «с другого района», в эти времена не больно-то любили... Особенно если они были не, как он сейчас, одни, а с девчонкой. И тут уж все сильно зависело от конкретного места. Где-то действовали своеобразные «законы чести», а где-то были и «полные беспредельщики», кто мог сразу

набить морду любому «чужаку». Потому в «чужих» местах дальше центральных улиц старались по одному не ходить. Чревато, как говорится. Более-менее сойдет на нет это все лишь к концу 70-х — началу 80-х, но буквально через несколько лет появится снова — и уже даже в более жестокой и циничной форме. Но раз уж он заперся сюда, то следовало сразу проверить один вопрос...

Повернув на нужную улочку и пройдя несколько кварталов, Михаил вскоре оказался около такого знакомого ему домика — хотя в той реальности впервые он видел его уже в гораздо более старшем возрасте, так что сейчас он выглядел куда новее. Как-никак незадолго до войны построен! У кого бы еще только разузнать все?

— Девочка, — заметив на улице девчонку лет десяти с авоськой в руках, спросил Михаил. — А не знаешь, Дмитриевы в этом доме живут?

— Да, живут, — кивнула девчонка. — А вы откуда знаете их?

— Долгая история, — неопределенно ответил Михаил. — Знаю. А у них дочка, примерно твоя ровесница, есть же?

— Нету, — на этот раз даже удивилась девчонка. — Олежик у них есть, он со мной в классе учится!

— А ты когда родилась? — уже примерно догадываясь на счет ответа, спросил Михаил.

— В 54-м! — радостно ответила девчонка. — На день Ноябрьской Революции!

— Ну спасибо, — вздохнул Михаил.

До «нейтральных» мест, центральных улиц района, Михаил дошел быстрым шагом, никого из ровесников, к счастью (ибо результат встречи мог быть разный — он понятия не имел, какие тут нынче царили обычаи), не повстречав. Однако мысли его были где-то далеко-далеко... Это что же получалось? В этом мире вместо его Оли родился пацан? Выходит, да... Другого объяснения не было. И, кстати... Почему революция-то Ноябрьская?

Вернулся домой Михаил уже под вечер в откровенно паршивом настроении, даже говорить ни с кем не хотелось... Да, он сам ведь, по сути, не совсем он... Так что что удивительного в том, что вместо его жены, его Оли, тут оказался пацан в общем-то и не было. Обычная теория вероятности... Однако от осознания этой новости на душе было откровенно паршиво. И хоть Михаил и не был уверен, что с «копией жены» из этого мира у него бы что-то вышло, но какая-то смутная надежда теплилась. Теперь надеяться было не на что... Повторить прошлую жизнь уже точно не удастся. Ее тут просто не было. Не было никогда...

«Ну что, Мишка, — мысленно усмехнулся он. — Вот тебе и «страна мечты»! В которой тебе просто нет места!» Его что-то пробовали спрашивать родители с сестрой, но Михаил отвечал односложно и, в конце концов, от него отстали. Правда, выискав момент, Михаил все же спросил на счет Революции...

— Почему Ноябрьская? — даже удивился батя. — Так ведь седьмого ноября была!

— У нас ее называли Октябрьской... 25 октября.

— А зачем нам старый стиль? — не понял батя. — Мы же по новому с 18-о года живем!

Что ж... Выходит, после перехода на григорианский календарь здесь, чтобы не было таких «несоответствий», революцию тоже стали называть Ноябрьской — впрочем, на фоне других различий это проходило по статье «всякие мелочи»... Куда интереснее оказались многие другие различия, про которые Михаил еще вчера узнал. А они тут явно пошли уже давно, хотя «количество в качество» перешло совсем недавно... И если история 20-х — 30-х почти не различалась, во всяком случае на взгляд неспециалиста, то дальше различий

становилось все больше и больше... И для того, чтобы в них полной мере разобраться, явно надо было топать в библиотеку и искать там материалы — чем Михаил и решил заняться на следующий же день...

Понедельник начинался по уже привычному распорядку — правда, к некоторому удивлению Михаила, на улице стукнул десятиградусный мороз — за то не было ни туч, ни надоевшей за прошлый день мороси. Точно также по пути в школу встретил Петьку с Семкой, точно те же, что и в прошлый понедельник, были уроки... На физике писали четвертную контрольную, про которую им на прошлом уроке говорила Наталья Николаевна. И тут, как он подметил еще на прошлой неделе на контрольной по алгебре, тоже списывали явно меньше, чем в его мире!

Быстро написав свой вариант контрольной, Михаил затем написал и передал шпаргалки Тохе и Светке, которые в этой реальности тоже у него списывали физику. После чего пошел и отдал тетрадку — все равно делать было больше нечего. От урока оставалось еще минут десять, а он уже все закончил. Следующим уроком была алгебра, где математичка первым делом объявила итоги прошедшей контрольной.

— Ну что хочу сказать, — просматривая список оценок, сказала она. — Контрольную написали неплохо, хотя могли и лучше. Двоек нет, троек семь. Остальные — четыре и пять. Сейчас делаем работу над ошибками. Кому раздала тетради — открываем их, смотрим свои ошибки и исправляем. Будут вопросы — поднимаем руки. У кого ошибок нет — сидим тихо, не мешаем товарищам. Кто хочет получить дополнительную оценку — могут написать другой вариант работы.

— Ольга Антоновна, — подняла руку Танька Алексеенко. — А можно переписать?

— Нельзя! — отрезала математичка. — У тебя три. Садись и пиши работу над ошибками.

— Если у меня сейчас три будет, то и за четверть тоже, — ответила Танька. — Меня батя убьет если на платку слечу...

Ну да, что в этом мире бояться, как тут говорили, «слететь на платку» и обычно учатся лучше что ли — Михаил уже знал... Ведь не получишь средний балл в 4,3 — придется платить за учебу по двадцать рублей в год. И это еще по новому указу от 56-о года, до того и вовсе требовалось иметь не менее, чем две третьих оценок «пятерки», а остальные — не ниже «четверки». В то время как сейчас можно было и тройки иметь, хоть и немного — их придется «закрыть» лучшими оценками по другим предметам. Странная и, на взгляд Михаила, в чем-то даже дурацкая система — но здесь к ней относились совсем иначе... Дескать, лентяям и дуракам в старших классах делать нечего — пусть или в ремесленное училище топают, или на работу. Ну или в техникум, если смогут экзамены сдать и там более-менее нормально учиться...

— Ладно, — махнула рукой математичка. — Иди к директору. Разрешит — перепишешь.

— Спасибо! — радостно крикнула, выбегая из класса, Танька.

Вернулась назад она буквально через пару минут. Директор разрешил... Ага, ничего не ново. И, судя по всему, это тут хоть и не массовая, но вполне обычная практика. Не знать о ней попросту не могут, но смотрят явно сквозь пальцы.

— Тогда после уроков приходишь сюда, — ответила математичка. — Сейчас все равно не успеешь уже.

В прошлом мире во время работы над ошибками Михаил обычно, чисто от нечего

делать, писал второй вариант, но сейчас у него как-то не было никакого желания этим же заниматься. Ничего интересного там все равно не будет, школьные задачки нынче выглядели для него откровенно смешными. После дифференциальных-то уравнений в частных производных. Каких-нибудь уравнений Лапласа...

— Ты на что написал? — на перемене спросила у Михаила Ленка.

— На пять, естественно, — коротко ответил он.

Ленка явно хотела что-то еще спросить, но Михаил лишь отвернулся и постарался убраться подальше. Блин, пока он в школе на нее заглядывался — делала вид, что ей все пофиг! Лишь в апреле этого года она «милостиво согласилась» с ним гулять — отчего он тогда был на десятом небе от счастья. А сейчас, как стала ему безразлична — так сама вдруг начала за ним бегать... Вот только Ленка-то теперь ему и нафиг не нужна. Хватит с него прошлой жизни... И там накушался по уши.

На истории тоже писали контрольную по 30-м годам. Так что на последнюю четверть оставались лишь война и послевоенное время... Тут тоже особых проблем не было — хотя в прошлом мире не любил Михаил историю. Как и литературу, кстати, — два самых нелюбимых его предмета были. Потом опять немецкий, где его вызвали к доске — и тут повезло, что основы грамматики он уже успел более-менее освежить в памяти. Так что, получив четверку, сел обратно. А потом опять труды — и опять продолжение изучения фрезерных работ...

— Эх, каникулы скоро! — выходя со школы после уроков, довольно усмехнулся Петька.

— Ага, — согласился Семка. — Ты там тырчок свой приготовил уже?

— Не, — махнул рукой Петька. — Успеется еще... Тут вон снег еще лежит... В сарай все равно не влезешь.

— А ты свой не вытаскивал еще? — обратился уже к Михаилу Семка.

— Чего? — не понял он.

— Так мопед же!

«Твою ж дивизию!» — мысленно выругался Михаил. Как он мог забыть-то? Ведь и в той реальности батя ему в десятом классе мопед купил — уже поздней осенью, правда. Так что он на нем в 65-м уже и не ездил, так он и простоял до весны, когда все более-менее растаяло. Эх, а ведь самый настоящий мопед был, двухскоростной, предмет зависти пацанов! На нем он тогда и с Ленкой катался тоже, на речку гонял, к родственникам в деревню... На нем же и в студенческие годы катался всюю. Но это было тогда, в настоящем детстве... Сейчас же мопед этот казался ему чем-то мелким и неинтересным. Вот была бы машина... Но нет, ее у него не было ни в той, ни в этой реальности, хотя и водить научился.

— Нет еще, — ответил Михаил.

— Что, прикатишь в школу на нем?

— Посмотрим, — пожал плечами Михаил.

В прошлой реальности он и впрямь прикатил на мопеде в школу, где сначала собралась целая толпа поглазеть на него. Он-то у них в школе оказался одним из первых, у кого был «настоящий мопед», а не «тырчок»! Не самым первым, но почти... А потом какой-то так и не установленный (а потому и не получивший в морду) «шутник» снял с карбюратора шланг и открыл бензокран — и мопед пришлось, яростно матерясь, катить до дома. Ну ничего, если уж он решит и в этом мире на мопеде прикатить, то выследит урода — и тогда ему точно с фингалом ходить!

Эх, как все же он оторвался от этого времени... И порой Михаилу становилось грустно.

Даже вернувшись в детство, детство уже не вернуть. Конечно, какое-то влияние молодое тело оказывать будет неизбежно, но в основе-то все равно остается взрослое сознание! Ему уже мало интересно то, что интересно пацану. Ему уже не интересны ни стройки, ни залезть куда-нибудь на завод или соорудить какую-нибудь стреляюще-взрывающуюся штуковину... Ему уже не нужны те же мопеды или пацанские развлечения в стиле «подраться» или «поиграть в войнушку». Хотя не, «войнушка» — это для старшекласника уже «несолидно», но все остальное еще сохранялось. Футбол «улица на улицу»? Тоже уже не интересно... В кино сбегать? Тоже давно не интересно — последний раз там еще студентом был... На гитаре побренчать? Ни ему самому, ни его ближайшим товарищам это никогда не интересно было, хотя и были такие даже у них в классе... Разве что в тир сходить — вот тут и Михаил и сейчас не прочь был бы! Пожалуй, это оставалось одним из немногих еще интересных во взрослом возрасте «пацанских» развлечений. Кстати, Семка так и вовсе в техникуме потом снайпером стал считаться, в «Орленке» участвовал...

А в остальном... Нет, перерос он детство. Перерос... И никуда уж от этого не деться. Остается лишь принять как факт и продолжать жить дальше. Как бы уж теперь эта его новая жизнь не сложилась.

Дойдя до дома, Михаил уже привычно растопил печку с плитой, поставил разогреваться картофельный с фрикадельками суп, а сам тем временем пошел на улицу кормить скотину — где и застал возвращение сестры из техникума.

— Привет, Маш!

— Ну привет, коль не шутишь, — глядя на только что вылезшего из превращенного в сарай старого дома, ответила сестра.

Как обычно с авоськой с хлебом — «кирпичом» серого и батоном. Если до прошлого года за хлебом обычно ходил Михаил после школы, то с тех пор, как Машка пошла в техникум, этот распорядок поменялся. Иногда, кстати, Машка и вовсе несколько задерживалась, покупая что-нибудь нужное дома в центральных магазинах города. В этом мире все было точно также, как и в «настоящем» детстве Михаила...

— Сейчас пожрем — и я в библиотеку сбегаяю, — сказал Михаил, когда они зашли домой, разделись и умылись.

Честно говоря, не понимал никогда Михаил тех людей, кто с грязными лапами и мордами за стол лезет... У них в семье всегда была привычка к чистоте — так что никому и в голову не приходило лезть за стол с немытыми руками, ходить по комнате в уличной обуви или лезть на постель в верхней одежде. В детстве за такое мигом можно было получить подзатыльник от бати или пародийное «хрюканье» от мамы — что было как бы даже не обиднее. Ну а в более взрослом возрасте никому в их семье такое и в голову уже не приходило... Оно давно делалось автоматически.

— Фантастику что ли свою любимую хочешь глянуть? — усмехнулась сестра. — Как по мне — шли бы эти болтуны на завод, на станке ручки крутить...

В отличие от Михаила, Машка никогда фантастикой не интересовалась... Она, следом за родителями, считала этот жанр слишком легкомысленным и несерьезным. Надо не мечтать о чем-то там далеко, а работать, строить то самое светлое будущее! А болтовня всякая — она лишь отвлекает от дела строительства коммунизма...

— Нет, — отрицательно помотал головой Михаил. — По истории кое-что...

— Чего? — на этот раз от удивления у Машки чуть челюсть не отвисла. — Когда это ты стал историей интересоваться?

— Ну так у нас же комсомольское собрание скоро, — нашел способ отбрехаться Михаил. — Вот надо кое-что глянуть...

— А... — протянула Машка. — Тогда понятно.

Сразу после обеда Михаил собрался и пошел в библиотеку, где, поздоровавшись с библиотекаршей, с ходу погрузился в изучение исторической информации об этом мире — и начал с окончания войны — в отличие от его мира, День Победы здесь был 12 мая 1945 года, а 5 сентября был День Победы над Японией — хотя, как и в его мире, мирного договора с ней не было. Более того, в этом мире не было и Московской декларации — так что никаких дипломатических или торговых отношений с японцами не было, а СССР и Япония формально до сих пор считались находящимися в состоянии войны. Более того, в одной из газетных статей даже упоминалось о том, что «японские империалисты», заключив сепаратный мирный договор со странами нынешнего НАТО, до сих пор не смирились со своим поражением от Советского Союза и желают при поддержке американцев взять реванш и захватить Курильские острова. Там же было упомянуто и об участии «японских наемников» в последнем этапе Корейской войны. Которая, как вскоре выяснил Михаил, затянулась тут аж до 1956 года, но закончилась победой КНДР — хотя и были сильные сомнения в том, что там к тому моменту хоть что-то осталось...

За то на фоне этих событий «полыхнула» буквально вся Восточная Азия — Индонезия, Бирма, Таиланд, Филиппины оказались «охвачены пламенем борьбы с американским империализмом», что и заставило тех убраться из Кореи. Тем более, если изначально на стороне КНДР воевала, в основном, китайская пехота, то под конец войны из «китайских добровольцев» были подготовлены неплохо вооруженные и оснащенные тяжелой технике ударные части, которые во многом и решили исход войны. А вот американцы были вынуждены «раздергать» свои силы сразу на несколько стран, а на смену им отправить в Корею японцев. Кстати, в этом мире Япония оказалась страной НАТО!

Кроме того, в газетах писалось и про Вьетнамскую войну и революционное движение в других странах Азии, про «народно-освободительную борьбу народов Африки» — хотя относительно негров тут и отмечалась их «недостаточная классовая сознательность», «дремучие пережитки прошлого», крайне малое количество пролетариата и многое другое. Как и упоминал батя, попадалась и статистика о торговом балансе между СССР и этими странами, где особо подчеркивалось, что, дескать, трудящиеся всего мира готовы своим трудом внести свой посильный вклад в борьбу за победу дела Ленина-Сталина во всем мире, что невольно вызвало у Михаила усмешку... Ага, так всякие арабы с неграми и горят желанием героически трудиться во имя победы коммунизма... Уж Михаил-то это прекрасно помнил, в его реальности они как сели на шею СССР, так и считали, что им все должны, а вот расплачиваться как-то не больно желали. Но тут, как видно, халявы им не обломилось... Советский союз быстро объяснил, что за все надо платить. В одном из выпусков «Правды» Михаил наткнулся и на статью о неграх-студентах, приехавших из Народной социалистической республики Гвинея для учебы в советских ремесленных училищах и техникумах, про учреждение политехнического и педагогического институтов «дружбы народов», где будут учиться «лучшие представители пролетариата ставших на путь строительства социализма стран».

Впрочем, если про это он уже что-то слышал, то другие «сюрпризы» во внешней политике оказались куда неожиданнее... И в первую очередь это касалось Европы. В этом мире, судя по всему, не было никакого восстания в Венгрии или его задавили в зародыше, не

придавая огласке. За то в этом мире оказалось две Австрии — одна из которых была социалистической республикой. Здесь не было Югославии, развалившейся еще в середине 50-х вскоре после смерти «уничтоженного югославскими патриотами» Броза Тито осенью 1953 года и последовавшего за этим «краха фашистского ига клики Тито-Ранковича». На ее месте обнаружилось сразу несколько отдельных социалистических стран, членов ОВД и СЭВ — причем, судя по всему, развал страны не обошелся и без стрельбы — впрочем, к настоящему моменту все уже достаточно притихло. Более того, про бывшую Югославию в газетах вообще писалось как про заведомо нежизнеспособное образование, «уродливое детище империалистической войны».

Как ни странно, но куда труднее оказалось выяснить все относительно происходившего внутри страны — хотя кое-что все-таки было. Как выяснилось, в этом мире в 1953 году у Сталина тоже случился инсульт и почти два месяца он провел в больнице, вернувшись к работе лишь в самом конце апреля. В том же году было завершено «Мингрельское дело», по итогу которого целый ряд «закавказских товарищей» отправились в лагеря. Несколько странным было то, что следом за ними не пошел и товарищ Берия — хотя кто знает, что и как там на самом деле было... Михаил помнил о нем самые разные характеристики — и непонятно было, что в них правда, а что ложь. Впрочем, в то, что тот якобы был сексуальный маньяк, он не верил никогда. Что бабник был — очень даже может быть. Люди, увы, зачастую далеко не идеальны... Но насильник? Да ну нафиг! Уж у кого-кого, а у министра, будь у него на то желание, с бабами проблем никогда не будет... Всегда найдется немало тех, кто сами с радостным визгом к нему в постель прыгнут! Чай не урод какой и не сифилитик на последней стадии чтобы от него все в ужасе шарахались! Да и кто стал бы держать в «верхах» маньяка? Скрыть такое все равно б не удалось, а репутация — она дороже. Но вот информация о его связях с теми, кто шел по «мингрельскому делу» — как знать? Как-никак земляки, так что информация о том, что Берия был с ними связан, могла очень даже соответствовать истине... Но выкрутился, как оказалось!

Следующим, что сделал Сталин, стало назначение на должность Председателя Совета Министров СССР товарища Пономаренко в марте 1954 года, а летом того же года была принята новая программа партии, в основу которой была положена его же работа «Экономические проблемы социализма в СССР». Умер же товарищ Сталин вскоре после очередной годовщины революции — как писали в газетах, вечером 8 ноября у него случился уже четвертый инсульт, а в 4 часа 27 минут 10 ноября 1954 года «перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича Сталина». Попалась на глаза Михаила и подробная информация о запуске Обнинской АЭС и даже статья Сталина, где тот подчеркивал важность этого направления в развитии народного хозяйства СССР!

После смерти Сталина же в стране сложилась весьма странная ситуация... Председателем Совета министров СССР оставался товарищ Пономаренко, однако вскоре в дополнение к нему начинают упоминать и Берию — как Генерального секретаря ЦК КПСС и заместителя Председателя Совета Министров. Впрочем, понять, что же происходило в Москве за год правления Берии понять было сложно. В газетах все происходящее освещалось крайне скупо и поверхностно, куда большее внимание уделялось не внутренней политике, а внешней. Даже разоблачение «троцкистских прихвостней группы Хрущева-Микояна» проходило где-то на втором плане, упоминалось как что-то малозначимое. Ну выявили, ну

выписали «путевки» в лагерь... И это было странным — словно о чем-то уж очень не хотели говорить и оттого скрывали. Единственным за это время, что всерьез заинтересовало Михаила, была статья в правде о перспективах освоения целинных земель — где, впрочем, не было почти ничего общего с тем, что было в знакомом ему варианте истории. Никакого тебе героического «покорения Целины», никаких комсомольских строек... Обычный производственный вопрос — сколько, чего, в какие сроки, какие преимущества получают хозяйства, какие меры будут приниматься для обеспечения всей этой деятельности. Потом упоминалось о смерти товарища Берии — здесь все же во всех газетах была напечатана обширная статья, где всячески превозносились его заслуги перед партией и советским народом в целом, упоминалась даже его роль в создании атомного оружия, но почти ничего не говорилось о его делах последнего времени...

После смерти Берии власть окончательно перешла Пономаренко, который одновременно стал Председателем Совета Министров СССР и Генеральным секретарем ЦК КПСС и продолжал занимать обе эти должности и поныне. Именно на его время вышли и вопросы с Кубой, и окончание Корейской войны, и начало деколонизации Африки... Но куда интереснее Михаилу были внутривластные вопросы. А здесь и, как и в его мире, был первый спутник, и первый полет в космос. Причем, к удивлению Михаила, в этом мире было официально объявлено и о лунных планах СССР — хотя и в несколько размытых фразах на счет того, что «пилотируемый полет на Луну становится задачей ближайшего будущего». Здесь были и очередные снижения цен на потребительские товары — правда, сначала снижать их стали на все меньший процент, а с 1960 года и вовсе лишь на промтовары, а вот цены на продукты питания оказались зафиксированы на одном уровне. Нашел информацию и о жилищном строительстве — где приводились цифры об объемах жилищного строительства и числе новоселов, из которых выходило, что с каждым новым годом в СССР сдается на 7 % больше домов, а к 1970 году и вовсе обещали полностью закрыть жилищный вопрос. Попалась статья 1958 года о сдаче в постоянную эксплуатацию последнего участка Трансполярной магистрали и открытии движения грузовых и пассажирских поездов до Норильска, в другой статье писали об окончании строительства тоннеля на Сахалин... Были многие знакомые ему по прошлому своего мира стройки, но порой попадались и интересные различия. Например, гораздо раньше, чем в его мире, запустили Балаковскую ГЭС, которая в этом мире сохранила свое первоначальное название и, судя по более ранним срокам сдачи, строилась без перерывов. Здесь первые два гидроагрегата были запущены уже в сентябре прошлого года... Точно также в этом мире были и события на Кубе и случившийся на пару месяцев позже Карибский кризис, закончившийся аналогичными результатами.

Увы, но в один момент изучение истории этого мира пришлось прервать — заканчивался рабочий день библиотеки, и Михаила откровенно «попросили» из нее. Впрочем, и так объем информации был таков, что его еще долго придется «переваривать»! И хоть в целом прочитанное и не могло не радовать Михаила, но определенные подозрения все равно оставались. Не может быть все прямо уж идеально... Какие-нибудь свои проблемы здесь все равно будут! Пусть даже они и стоят не так остро, как в его мире, но где-то они есть! Просто про них наверняка традиционно замалчивают, или, по крайней мере, не кричат на каждом углу, а подробно изучать газеты у Михаила времени не было... Зачастую приходилось ограничиваться просмотром заголовков.

Сдав недочитанные газеты, Михаил засобирался домой, но уже на выходе из библиотеки

ему вдруг бросилась висевшая на стене яркая, цветная фотография, которой в его мире не могло быть в принципе... Дворец Советов! Явно уже достроенный и теперь исполняющий свою функцию. А ведь о его сдаче наверняка должны были писать где-то в газетах. Только, видимо, он еще не успел дойти до этого времени — не обратить внимание на статью о нем явно не удалось бы. Наверняка были бы там и фотографии, и громкие заголовки... Значит, это случилось где-то в последние пару-тройку лет, не больше.

Из библиотеки Михаил вышел без пяти семь вечера, а к его возвращению домой и вовсе был уже восьмой час — на улице давно стемнело, родители уже давно были дома и даже успели приготовить ужин, дожидались лишь его возвращения — есть отдельно у них в семье было как-то не принято. Так что практически сразу же он сел есть — на ужин были макароны с котлетами и подливкой, еще одно из «классических» блюд его детства. Мама поинтересовалась, что же такого интересного он нашел в библиотеке что засиделся там так долго, но Михаил ответил на это, что читал про международное положение СССР — дескать, будет выступать с докладом на комсомольском собрании.

После ужина Михаил сел повторять биологию — как-ни как завтра контрольная, а родители занялись каждый своими делами. Правда, выискав подходящий момент, когда мама с сестрой пошли в сарай по каким-то делам, Михаил все же поинтересовался у бати на счет того, что же у них с Югославией произошло.

— Так война ведь там была! — невероятно удивился вопросу батя.

— Большая? — пришла пора удивляться Михаилу.

— Ну так только наши почти три месяца воевали, — пожал плечами Василий Петрович. — Давили там титовских перерожденцев, кто после революции 53-о гражданскую войну устроил. Сначала туда чехи с албанцами вошли, а весной 55-о и Советской армии вмешаться пришлось. Американцы там тогда большую войну пытались развязать, своих инструкторов с наемниками посылали... Из-за той войны и Югославия-то развалилась. А у вас такого не было что шли?

— Нет! — совершенно обалдело ответил Михаил. — Тито с Западом-то пытался заигрывать, но там ему это сошло с рук. Как Сталин помер, так с Югославией восстановили отношения, хотя они и по-прежнему на двух табуретках сидеть пытались. Только в газетах, я смотрел, почти ничего не было?

— Не любят у нас про ту войну вспоминать, — вздохнул батя. — Не с империалистами же воевали... Со своими практически, со многими из которых до того вместе против фашизма бились. Большинство же людей там обмануты титовской пропагандой были... Даже тогда очень мало про нее писали, а сейчас уж и вовсе не вспоминают.

Вот тебе и еще одно далеко не самое лучшее различие двух миров... «Да, югославские куртки с ботинками в этом мире вряд ли увидишь», — вдруг подумал Михаил.

Следующий день начался как обычно... Встать, собраться, позавтракать и топтать в школу, где по пути, как обычно, встретился с Петькой и Семкой. И опять топтать в уже порядком обрыдевшую школу, куда идти у него не было ни малейшего желания... Повторно учиться уже не было никакого желания, одноклассники воспринимались обычными детьми, с которыми, увы, у него теперь было мало общих интересов. Тем более, что он знает и дальнейшие судьбы почти всех из них — кто чем будет заниматься, кто кем станет... Нет, были и те, про кого он не знал ничего, а одна девчонка в их классе и вовсе оказалась «левой», в его варианте истории ее у них не было. Но много ли это меняет?

Первым уроком писали обещанную им на прошлой неделе контрольную по биологии. Потом была литература, где русачка огласила оценки за сочинение по «Поднятой целине». В этот раз, как и в прошлой жизни, Михаил писал его на тему «вопросы коллективизации», но теперь получил две пятерки вместо пятерки за грамотность и четверки за содержание в прошлый раз. Хотя тогда он так и не понял, за что ему оценку занизили — объяснить это русачка отказалась. Кое-какие подозрения хоть и были, но, увы, без доказательств.

Потом приступили к изучению следующей книги Шолохова — «Судьбы человека». Вспоминали про войну, про борьбу с фашизмом, про концлагеря и сожженные села и города — и с каждым словом настроение у всех находящихся в классе становилось все более и более мрачным. Как ни крути, но хоть никто из присутствующих в классе сам войну и не застал, но уж слишком свежа еще была народная память о тех событиях... Такое не забывается поколениями. Так что уже к середине урока все пацаны сидели с хмурыми лицами, а многие девчонки как будто и вовсе готовы были расплакаться в любой момент. Потом русачка начала задавать вопросы о том, у кого какое мнение о войне...

— Фашисты — твари, давить их надо как гнид, — махнув рукой, решительно произнес Васька. — Чтобы никогда больше в мире фашистская гадина не смела башки поднять!

— А ты что думаешь, Попова? — поинтересовалась русачка у их старосты.

— А что тут думать? — встав из-за парты, произнесла Анька. — Фашисты — это вообще не люди! Звери! Настоящие звери! Будь проклят Гитлер и вся его банда!

— А ты, Старостина?

— Я? — нерешительно встав из-за стола, тихо произнесла Вика. — Я вообще понять не могу, зачем люди воюют! Война — это ж самое худшее, что только можно придумать... Самое подлое, самое жестокое и бесчеловечное! Самое страшное и...

А дальше повторилось то, что было и в прошлом мире Михаила... Выскочив из-за парты, девчонка выбежала из кабинета и захлопнула за собой дверь. Все случилось точно также, как и в его реальности, один в один — а ведь, казалось бы, эти события были давным-давно забыты... Михаил даже удивился тому, как память порой восстанавливает давно, казалось бы, забытое...

— Старостина, вернись! — крикнула ей вслед русачка, но Вика ее уже не слышала.

После этого в классе установилась мертвая тишина, которую некоторое время никто не решался нарушить. Русачке по-видимому было неудобно за сложившуюся ситуацию, а остальные тоже не знали, что в такой ситуации делать.

— Можно выйти? — выждав с полминуты, протянул руку Михаил.

— Тебе-то куда, Солнцев? — словно даже обрадовавшись тому, что кто-то прервал

тишину, спросила русачка.

— Так это, — пожал плечами Михаил, — как обычно...

— Ладно, иди, — вздохнула училка. — И если увидишь там Вику — позови обратно...

В прошлом варианте истории он и впрямь тогда побежал в туалет, да и произошло это минуты на две-три позже, а Вику поискать он и вовсе решил уже на обратном пути, изначально о том даже не задумываясь. Но сейчас такой потребности он не чувствовал — значит, обойдется...

— Что, посмеяться пришел? — огрызнулась Вика, когда Михаил застал ее в конце коридора второго этажа около окна.

В прошлой жизни он на эти слова даже обиделся, но сейчас такого не было.

— Нет, конечно, — ответил Михаил. — Просто спросить хотел...

Все заранее продуманные слова вдруг как-то сразу вылетели из головы при виде заплаканной девчонки. Честно говоря, что делать в такой ситуации — он так за всю жизнь и не научился. Ничего и никогда так не выбивало его из колеи как женские слезы... Хотелось сказать что-то успокаивающее, но что?

— Папа мой капитан артиллерии, — тихо произнесла Вика. — Всю войну прошел... Нс когда я у него про войну спрашивала — молчит. Говорит, что не хочет этого вспоминать... А мама моя перед войной в Белоруссию поехала к родственникам, а эвакуироваться не успела... Представляешь, Миш... Ей в 45-м двадцать было! А она поседела вся...

— Все хорошо будет, Вик, — постарался сказать что-то успокаивающее Михаил. — Война давно прошла... И никогда больше не повторится.

— Ненавижу войну... — после долгого молчанья произнесла Вика. — Американцы нам бомбой грозятся... Новой войной...

— Они не решатся, — на этот раз уже с абсолютной уверенностью ответил Михаил. — Никогда.

За давностью лет Михаил уже не помнил, что он говорил в прошлой раз... Вроде, что-то в том же духе, но тогда такой уверенности у него не было. То была лишь та вера в светлое будущее, в то, что все будет хорошо. Сейчас же эта уверенность была подкреплена всем опытом его дальнейшей жизни. Нет, не будет никакой новой мировой войны... Он это знал точно. И Вика это явно почувствовала.

— Думаешь? — во взгляде девчонки мелькнула удивление.

— Уверен, — ответил Михаил. — У нас ведь тоже есть бомба! А американцы — трусы. Им лишь бы бомбить тех, кто не может достать их в ответ...

— Помнишь Кубу? — после опять затянувшегося молчанья произнесла Вика. — Американцы тогда вновь грозились войной...

— Помню, конечно, — согласился Михаил.

Помнить он, конечно, помнил, но помнил свою версию истории... И официальную версию, и то, что потом узнал про ракеты. В этом мире, кстати, официальная позиция была несколько иной: по просьбе кубинского правительства СССР решил разместить свои военные базы для защиты острова от возможной империалистической агрессии со страны США. Что, конечно, вызвало панику у американцев, их планы задушить кубинскую революцию летели псу под хвост! Ну да, тут же «мирное сосуществование» с буржуями никто не объявлял, потому все логично и не так уж и далеко от правды... Ракеты? Так это же все частности! Ракетная база — она же тоже военная?

— Папа мой тогда уж вещи собирал... Думал, что вот-вот в армию обратно могут

призвать, а мама с бабушкой тайком плакали, — полупшепотом произнесла Вика. — И мне тоже страшно было...

— Ничего, Вик, — улыбнулся Михаил. — Никто на нас не нападет. Американцы кто угодно, но все же не полные дураки. Понимают, что в Третьей мировой, ядерной войне, победить невозможно. Они постараются развалить нас изнутри... Ну а наша, как советских людей и комсомольцев, задача — не дать им этого сделать.

— В смысле? — удивленно взглянув на Михаила, произнесла Вика.

— А в прямом, — ответил он. — Помнишь, что товарищ Сталин говорил про обострение классовой борьбы по мере движения вперед?

— Кто ж этого не знает? — пожала плечами девчонка.

— Ну вот я как раз про это. Никто не сможет нам помешать в строительстве коммунизма... кроме нас самих. А американцы будут помогать всевозможным фашистским недобиткам, разжигать межнациональную вражду, пытаться протолкнуть во главу партии и правительства таких людей, кто захочет быть не товарищами, а господами, будет стремиться восстановить капитализм... Захочет не работать, но иметь все, что только душе угодно. Помнишь, Вик, сколько «старых большевиков» стали ворами и предателями, позарились на варенье с печеньем от буржуинов? Будут поощрять деятельность всякой «контры» из зазнавшейся, считающей себя «мозгом нации» и презирующей рабочих с крестьянами, части интеллигенции. Вот этого нам и надо бояться...

— Вот ты о чем... — задумчиво произнесла Вика. — А ведь сколько я слышала эти слова товарища Сталина, а о таком даже и не думала... Считала, что он лишь о «бывших»...

— Беда в одном, — грустно усмехнулся Михаил. — «Бывшие» ведь тоже не из ниоткуда взялись. У большинства из них далекие предки из крестьян или мастеровых были...

— Согласна, — после долгого молчанья ответила Вика. — А я и не заметила, как ты повзрослел.словно старший брат говоришь...

— Все мы не молодеем, — усмехнулся Михаил. — А мы ж с тобой и не общались никогда особо. Вот и не заметила...

— Наверное... — кивнула в знак согласия девчонка.

Они так и стояли у окна, задумчиво глядя куда-то вдаль... О чем думала Вика — Михаил, разумеется, не знал, ну да вроде отвлек ее от мыслей о войне — и то хорошо. А вот ему в голову мысли лезли далеко не самые приятные... Вновь и вновь вспоминались «застой», «самый коммунистический вид спорта» в виде «гонок на катафалках», «перестройка», развал СССР, разгул дикого капитализма в России и крах экономики. Он помнил все — успехи и неудачи, победы и поражения, надежды на светлое будущее и крах советской мечты... И очень не хотелось, чтобы однажды это повторилось и в этом мире. От мыслей их отвлек лишь звонок на перемену...

— Ну пошли что ли, — усмехнулась Вика. — Разговоры теперь пойдут...

— Плюй на них. Собака лает — ветер уносит...

«А ведь и в том мире тоже начинались было на счет них разговоры», — вдруг вспомнил Михаил. И ведь как раз вскоре после этого и Ленка «милостиво согласилась» с ним встречаться... Уж не ревность ли выиграла? То она себя чуть ли не королевой считала, за кем он как собачонка бегает, а тут вдруг вроде как на другую внимания обратил! Хоть на самом деле и не было ничего... Нет уж, нафиг эту стерву! Даже вспоминать мерзко, а уж видеть ее — и подавно. Ну да не долго уж осталось, закончит школу — и все! Пусть в этом мире Ленка себе другого дурачка ищет, кто будет сквозь пальцы смотреть на то, что его жена

потаскуха...

Эх, как все неожиданно менялось, когда посмотришь на события детства более взрослым взглядом... Что Ленка, которая когда-то мнилась любовью всей жизни, а теперь воспринималась лишь как самовлюбленная, эгоистичная девка. Что Вика — на которую в детстве и внимания не обращал, а сейчас вдруг понял, что она была влюблена в него. Хотя и несколько удивляло, чем же он сумел обратить на себя внимание «комсомолки, спортсменки и первой красавицы», пусть и далеко не отличницы, их класса, но в таких вопросах далеко не всегда можно найти логику... Впрочем, это все равно не имело никакого значения. В прошлой жизни, не будь там Ленки, что-то у них, может быть, и могло бы выйти. В этом — точно нет.

Когда они дошли до класса, все еще только начинали собираться и расходиться — и отреагировали все точно также, как и в прошлом варианте истории. Явное удивление вкупе со слегка насмешливыми взглядами некоторых парней и девчонок — дескать, «вон оно как, значит?» Легко ж делать неправильные выводы из всяких мелочей...

— Вик, останься, — когда она, собрав вещи, отправилась было к выходу из класса, окликнула девчонку русачка.

О чем они там говорили, хоть в той, хоть в этой реальности, для Михаила так и осталось тайной — но Вика пришла на урок лишь под конец перемены и, с мрачным видом кинув на скамейку портфель, стала выкладывать на стол чертежные принадлежности. Следующий урок Михаил старательно косячил, изображая чертеж на уровне «старательного школьника», хотя нутро в очередной раз буквально вопило, что он бракодел, и его любой нормоконтролер завернул бы за столь небрежно оформленный чертеж. Рисовать такую похабщину ему было откровенно противно, сказывался многолетний опыт работы конструктором. Но для школы и это было очень хорошо — так что Михаил в очередной раз получил «пятак»...

Следующим предметом была, как называли предмет школьники, «допризывка», где спрашивали по изученным на двух прошлых уроках вопросам военной топографии, после чего учитель подвел итог по оценкам за четверть и, сообщив, что после каникул начнут изучать темы по гражданской обороне, закончил урок рассказом об еще одном случае времен гражданской — на этот раз это было из истории партизанской войны с колчаковцами... Как «белые» солдаты пили самогонку вместе с земляками-партизанами, а потом говорили командованию, что «никак не могут найти красных бандитов», рисуя на картах откровенную чушь и заявляя, что обшарили-де все окрестности, но никаких следов не нашли!

— А потом что было? — когда дедок-учитель замолчал, спросил у него Тоха.

— А потом красные пришли, — усмехнулся он в ответ. — И почитай весь тот полк так и перешел на их сторону! Они ж сами из крестьян из местных были. Сдались им Колчак с его кодлой...

— А что тогда за него воевали? — спросила Анька.

— Будешь тут воевать, когда тебя штыком под зад да в армию, — ответил дед. — А будешь против — так либо запорют нагайками до полусмерти и все равно воевать отправят, либо и вовсе дом пожгут да баб с девками изнасилуют толпой... В назиданье другим, так сказать.

После этих слов по классу прокатился возмущенный шепот, а девчонки даже побледнели, услышав такое разъяснение... Как ни крути, но одно дело читать про «зверства белых карателей» в учебнике по истории, а другое — услышать вот такое. Совсем другое

впечатление производит...

— Звери, — тихо прошептала сидевшая перед Михаилом Томка.

— Эх, ребят, — грустно усмехнулся учитель. — Повезло вам в мирное время жить. А я вон уже в вашем возрасте воевать ушел...

— А расскажите про войну, Степан Николаич? — спросил Димка Никифоров, будущий военный-артиллерист, уволившийся из армии вскоре после развала СССР, как помнил Михаил из своей реальности.

«А ведь у него же две войны за спиной!» — подумав про учителя, вспомнил вдруг про его биографию Михаил. Первой стала та самая Гражданская, истории из которой, в основном достаточно «комичные» и не слишком неприятные, он порой рассказывал в качестве иллюстраций к темам урока. А вторая — уже Великая Отечественная, хотя там ему все же относительно повезло. Оказался в автобате...

— Не хочу, — поморщившись, произнес учитель. — Не самые приятные воспоминания в жизни... Век бы всего этого не видеть.

Последним уроком была физика, где им огласили результаты контрольной и те, кому это было надо, написали работу над ошибками — после чего распустили по домам. Новую тему начинать времени уже не было. Быстро пообедать — и опять до вечера в библиотеку, где Михаил продолжил изучать историю параллельного мира — точнее говоря, уже более подробно читал про последние годы. И тут-то нашлось немало интересного...

В первую очередь, Михаила всерьез заинтересовало идущее в газетах широкое обсуждение «общегосударственной автоматизированной системы управления народным хозяйством», создание которой считалось «важнейшей задачей социалистического строительства». «ОГАСУ — будущее социалистической экономики!» — пестрели лозунги в газетах. Приводились цитаты академиков Китова и Глушкова, где те обосновывали необходимость и полезность «ОГАСУ», высказывания экономистов и лично товарища Пономаренко — из всего этого следовало, что в течение двух-трех пятилеток необходимо создать «материальную базу» для реализации данной программы, и максимум к 1980 году довести ее до окончательной реализации. Хотя, как упоминалось, первые шаги в этом направлении начаты уже сейчас...

Значительное внимание в газетах уделялось и космической программе... Писали про полеты «Рассветов», которых в этом мире оказалось семь. Про «Восходы» — которых здесь, как оказалось, состоялось не два, а уже четыре запуска — после первого и второго, летавших на месяц раньше, чем в его истории, последовали третий в июле и четвертый в декабре 65-ого года. Однако про них в газетах уже писалось, что вскоре на смену «Восходу» придут новые, более современные ракеты-носители и новые пилотируемые корабли. Упоминалось и про лунные планы — рисовали картинку советских лунных баз, писали про масштабные исследовательские планы и перспективы освоения космоса. Кое-чего было и про Венеру с Марсом...

Разумеется, много писали про успехи народного хозяйства СССР, писали цифры построенных заводов и фабрик, электростанций и МТС, километры железных и автомобильных дорог с твердым покрытием, число сданных в эксплуатацию мостов и тоннелей, миллионы тонн собранного с полей урожая, выплавки стали, количество произведенных станков, автомашин и прочей техники самого разного назначения. Писали, кстати, и про производство бытовой техники и «рост качества бытового обслуживания», из чего делался прямо-таки сталинский вывод о том, что «жить стало лучше, жить стало

веселее»... «Что ж, посмотрим, насколько оно и впрямь лучше, чем было», — подумал Михаил, мысленно сравнивая два Советских Союза.

Домой Михаил вернулся опять затемно, когда все были дома. Ужинали в этот раз тушеной картошкой с курицей, и Михаил с наслаждением вспоминал давно позабытые вкусы детства. Как ни крути, но каждый человек готовит несколько по-разному — и в итоге одни и те же, казалось бы, блюда получаются несколько разными. Впрочем, его Оля-то готовить умела неплохо... В отличие от, не к ночи будет упомянута, Ленки — впрочем, тогда они жили в одном доме с его родителями. Лишь когда мама была в отпуске и уезжала куда-нибудь к родственникам, то готовила его жена. И тогда ужин обычно представлял из себя либо яичницу, либо жареную картошку, а завтрак — «макарошки» или ту же яичницу. Обед же по выходным и вовсе готовил он сам... И ведь относился к этому как ко вполне нормальному явлению! Твою дивизию! Да как его в той жизни угораздило в такую влюбиться? Самовлюбленная, ленивая девка... Красивая? Ну да, есть такое... Но как он ее нутро-то сразу не распознал? Уж лучше б тогда с той же Викой или Томкой, которая в том мире-то и вовсе ему в любви признавалась, попытался бы жизнь связать... А не с той, кто потом чуть не убила в нем веру в женскую порядочность. «Да как ты не видишь! Она же врет тебе! Обманывает!» — вдруг вспомнились ему сказанные когда-то той самой Томкой слова. Примерно о том же его предупреждал Тоха, сестра советовала не связываться с «этой вообразулей», но ему все до одного места было...

— О чем задумался? — отвлек Михаила от воспоминаний голос Машки.

— О любви, — неожиданно для самого себя брякнул он в ответ.

— Чего? — чуть не поперхнувшись чаем, произнесла сестра.

Оглядевшись, Михаил понял, что за столом остались только они вдвоем — Машка пила чай с конфетами, а родители уже ушли.

— Да про поговорку... «Любовь зла — полюбишь и козла». Точнее, козу, — хмыкнул Михаил.

— А, это ты про Ленку...

— Ага, — согласился Михаил. — Бегал за ней как собачонка чуть ли не с восьмого класса, а потом вдруг словно с другой стороны увидел... И сразу всякое желание ее видеть отпало.

— Это ты правильно, — усмехнулась Машка. — Давно бы так...

А Михаилу вдруг вспомнилось, как он, вернувшись со сборов, застукал свою жену, свою «единственную и неповторимую, любовь всей жизни» с другим, а потом и вовсе узнал, что она уже давненько налево ходит... Заявление о разводе он подал на следующий же день, а «женушке» дал два часа на сбор вещей и отправил домой к родителям. К тому времени-то они жили в доме его родителей — которые ему тоже не раз намекали о своих подозрениях относительно Ленки. Но он на них не обращал внимания, считая услышанными от соседей сплетнями. Доказательств-то не было, свечку никто не держал! Вспомнилось, как к нему прибегала мать его бывшей «женушки» и вопила, что он-де позорит ее дочь, как сама Ленка орала, что он ей внимания не уделяет и вообще не любит, что ему «удобно» с ней жить и много чего еще... Вспоминать те времена было до сих пор мерзко, но вновь ходить в один с ней класс и не вспоминать не получалось.

Потом что-то вдруг вспомнилась Томка... Одна из самых неприметных девчонок класса, на кого никто никогда не обращал особого внимания. И которая тоже была влюблена в него, о чем прямо сказала в предпоследний учебный день. «Да люблю я тебя! Понял? Не

могу я смотреть, как эта тобой играется!» — вдруг вспомнились ее слова. О дальнейшей ее судьбе, кстати, Михаил не знал почти ничего. Как в школе она была неприметной «мышкой», четыре года просидела перед их партой и за это время перебросилась лишь несколькими короткими фразами, да и вообще все время больше молчала, так и потом ей осталась. На встречи выпускников не ходила, на глаза не попадалась больше ни разу... Слышал, правда, что дочь у нее есть, что работает где-то на «Серпе и Молоте» в заводской конторе, но на том и все.

Последний учебный день четверти пролетел как-то стремительно... Литература, алгебра, история, немецкий язык. Затем физкультура, где в этот раз «доигрывали» в волейбол — в этот раз сошлись одна «девчачья» и одна «пацанская» команды во главе с Викой и Лехой. Игра за финальное место поначалу шла почти поровну, однако все поменялось с выходом на подачу Вики, забившей сразу четыре гола, три из которых прямо с подачи, потом, оказавшись в центре поля, добавила еще парочку — и в итоге со счетом 15:11 девчонки выиграли соревнования. Не помогло даже то, что два гола пацаны забили уже под контрольный мяч.

— Ну что, уговор помним? — весело крикнула Вика после победы.

Настроение у девчонки явно было на высоте, поиграть-то она всегда любила, а уж когда победа... Внезапно Михаилу вдруг вспомнился их «матч двадцатипятилетия», который они неожиданно для всех решили устроить на встрече выпускников в 1991 году... И хоть большинство и сыграло тогда откровенно позорно, да и одежда большинства к этому как-то не располагала, за то всем было весело. Словно в детство на миг вернулись! И в тот раз тоже победила команда Вики — хотя более-менее нормально играло тогда буквально пять человек из всего их большого класса... Тогда же они дали слово, что теперь будут проводить такой матч на каждую встречу — однако в 1996 году ни у кого уже не было настроения. Семка вспомнил было про то обещание, но от него лишь отмахнулись...

— Пацан сказал — пацан сделал, — ответил Леха. — Щас после уроков заберете...

После урока пацаны из занявшей второе место команды и впрямь раздали победительницам по ириске — никто, собственно говоря, был не в обиде. Класс у них всегда дружный был... Сегодня они проиграли — завтра, глядишь, выиграют. Обычное дело!

После уроков в этот раз всех собирали на классный час, который проводила историчка — их классная руководительница. Традиционно поздравив всех с окончанием четверти, она приступила к оглашению оценок, перечисляя список предметов и говоря, кто и что за них получил. В отличие от той жизни, четверок у Михаила оказалось две — по истории и немецкому, а вот литературу он как-то сумел вытянуть на «отлично». А вот в среднем по классу успеваемость оказалась явно гораздо лучше! Тот же Тоха оказался пусть и не отличником, но близко к этому, у той же Вики тоже оказалось больше половины пятерок, даже у Таньки была всего одна тройка...

— Средний бал в 4,3 не преодолело пять учеников, — закрыв журнал, подвела итог историчка. — Ну вы сами знаете, кто именно. Все те же самые, что и в прошлой четверти, ничего не изменилось.

— Знаем, — кивнул головой их вечный троечник, непонятно зачем вообще пошедший в старшие классы, Никита Федоренко.

После школы он, как помнил Михаил, так никуда поступить и не сможет и отправится на службу в Советскую армию, а по возвращению оттуда пойдет на завод и станет работать слесарем-сборщиком, став в этом деле весьма неплохим специалистом. Женится на Таньке,

которая будет работать в парикмахерской, нарожают троих детей. А в начале 90-х он лишится работы, начнет выпивать, поначалу станет жить случайными заработками, а в конечном итоге станет таксистом. Пару раз Михаил даже видел его стоящим недалеко от городского вокзала... А Танька так всю жизнь и будет работать в парикмахерской. Старшая их дочь станет проституткой — и мать проклянет ее, велев никогда больше не появляться на пороге их дома, сын после школы пойдет на стройку, а младшая дочь к моменту «переноса» Михаила в другую реальность будет студенткой — на повара учиться будет.

— И помним, что впереди у нас самая важная четверть! — продолжала тем временем историчка. — Скоро вам всем сдавать выпускные экзамены, а потому сразу после каникул начнем усиленно к ним готовиться. По каждому предмету у вас будут консультации, по два часа в день — и только попробуйте их прогуливать! Спрашивать буду как за уроки. Со временем консультаций определимся позже, исходя из расписания второй смены. Кроме того, у нас весна — так что опять будут и комсомольские поручения. Так что прошу уделить и этому особое внимание!

— Понимаем, Ирина Анатольевна, — кивнула в знак согласия Анька.

— Ну вот и хорошо, — кивнула историчка. — Надеюсь, меня все услышали. Особенно товарищи троечники! А теперь классный час закончен. Комсомольцы остаются на собрание, а все остальные могут идти по домам...

О комсомольских собраниях, особенно о школьных, в памяти у Михаила осталось очень немного... И, в основном, это было по категории «дурацких» случаев — вроде того, как его как раз в десятом классе попросили о том, чтобы договорился с батей и им с завода металлолома привезли. На заводе его, дескать, дофига — а мы тогда точно победителями будем! Или собрание на счет драки Лехи Рогова с одним пацаном из девятого на перемене. Тоже, мать его, «комсомольцем» был! А то негоже ведь если кто-то в классе не будет в комсомоле состоять! Так что даже за откровенные косяки зачастую отделялись выговором с занесением в учетную карточку, а уж чтобы кого-то выперли... Слышал он, конечно, про такие случаи, но в школьные годы это было большой редкостью. А вот уже в более взрослом возрасте такое бывало гораздо чаще. Даже у Михаила были на памяти такие случаи... Впрочем, он честно «отсидел» в комсомоле до 28 лет, до самого предельного возраста. Почему «отсидел»? А потому, что, как и большинство других комсомольцев, тупо отсиживал собрания пока докладчики что-то невнятно бубнили на счет международной обстановки, неизбежности победы коммунизма, борьбы всяких негров против угнетателей, «самом передовом строе» и много чем другом. Высказывали лозунги, в которые зачастую давно не верили и сами докладчики, призывали бороться за дело Ленина... Обычная «обязаловка», отказаться от которой мешало лишь то, что выход из комсомола всегда становился поводом для общественного осуждения — на таких начинали коситься не только коллеги по работе, но зачастую даже и самые близкие люди, друзья и родственники.

А вот вступать в партию в прошлой жизни Михаил так и не стал — хоть начальник их КБ его и настойчиво уговаривал. Но нет уж! И дальше ходить на собрания, где большинство откровенно дремали, отвлекаясь лишь на поднятие рук при голосовании, или и вовсе читали книжки. И ведь все эти комсорги, парторги прекрасно понимали, что людям все эти выступления, вся та «вода», что выливают на них, откровенно неинтересны! Что люди просто «отсиживают» собрания, в лучшем случае забывая все сказанное сразу после выхода с него. Однако в большинстве своем не делали ничего для того, чтобы изменить это! Вот и договорились до того, что многие люди стали куда охотнее стали слушать не собственных

партсекретарей и членов советского правительства, а западную пропаганду. Зачастую в разы более лживую и лицемерную, но преподнесенную в совсем иной форме, без всем надоевших занудства и обязательщины...

Впрочем, вспоминались Михаилу и рассказы бати про партсобрания в сталинское время — когда, вроде как, ничего такого еще не было. Обсуждали, спорили — порой даже вплоть до откровенной ругани! Когда люди искренне верили в то, что говорили, а потому не было и занудного бубнежа по бумажке... Что ж, оставалось сравнить, что будет здесь.

К некоторому удивлению Михаила, комсоргом в этом мире у них оказалась не Анька, а, неожиданно, Витька. Нифига себе! Это, выходит, один из его ближайших товарищей, кто частенько присоединялся к ним по пути в школу или обратно, такой же «пролетарский», комсорг?

Долго болтать Витька, ожидаемо, не стал — не было у него такой привычки. Все комсомольцы были на месте, никто собрание не пропускал. Так что после короткого вступительного слова о том, что их, как продолжателей дела Ленина-Сталина, задача состоит в том, чтобы всячески помогать партии и советскому правительству в строительстве коммунизма, он переступил непосредственно к делу. И в первую очередь утвердили повестку дня и регламент. Вопросов сегодня предстояло обсудить ровно два. Подготовку к будущим экзаменам и мероприятия в честь дня рождения товарища Ленина. После чего и начались обсуждения.

На счет первого вопроса, конечно, упомянули в первую очередь про предстоящие выпускные экзамены — а потому, дескать, их первоочередная задача — сдать их достойно, не опозорив звания советского комсомольца. Все же ведь знают, что говорил про учебу еще товарищ Ленин? А, значит, надо подумать, что и как надо для этого сделать!

— Товарищи! — первой захотела высказаться Катька Волкова. — Я тут вот над чем подумала. Мы ведь экзамены скоро сдаем, аттестат зрелости получаем. А у нас в классе по-прежнему полно отстающих ребят. Я считаю, что мы должны помочь им!

— Интересно, как? — спросил на это Васька. — У каждого своя голова на плечах...

— Так я и не прошу тебе свою голову кому-то приставлять! — фыркнула Катька. — Тем более, толку-то с твоей головы? Но помочь товарищам мы ведь можем?

Внезапно Михаил вспомнил, что ведь почти то же самое было и в его мире! В то же самое время, на том же самом собрании по итогам четверти.

— Правильно! — поддержала ее Вика. — Надо продумать, как мы можем помочь товарищам!

— Я тоже согласен с Катей, — присоединился к ним Леха. — Надо нам, как на заводах делают, выбрать наставников. К кому каждый мог бы за помощью обратиться. Дать тем, кто хорошо учится, поручение помогать в учебе отстающим товарищам.

— Правильно! — поддержала идею Катька.

Вопрос немедленно вынесли на голосование, решение было принято единогласно. После чего начали выбирать наставников по разным предметам. Но если в прошлом мире оно обошло Михаила стороной, да и вся работа «наставников» в итоге так и свелась к чистой формальности и, по сути, не принесла никакого толку, то в этом все пошло несколько иначе.

— А ты, Миш, что молчишь? — вдруг вспомнила про него Танька. — Ты ж у нас физику лучше всех знаешь, в университет поступать готовишься? Или не хочешь помогать товарищам?

— Почему же? — пожал плечами Михаил. — Я не против!

Ну да, он-то не против... Вот только будет ли в этом мире от этой идеи какой толк или все так и останется на уровне слов, осуждения неуспевающих и карикатур в стенгазете? Хочется верить, что все же будет...

Однако, помимо учебы, надо не забывать и про общественные задачи! Сейчас уже начинается весна, а в следующей четверти еще и день рождения товарища Ленина! Так что следующим, ясно делом, обсудили подготовку к празднику. И тут идеи были вполне классические и, можно сказать, устоявшиеся. Первым делом к этой дате поручено произвести сбор металлолома и макулатуры. Так что если кто знает, где есть чего ненужного — пусть уже сейчас берет на примету!

При упоминании последнего Михаил вдруг вспомнил случившийся в прошлой истории как раз этой же весной скандал с металлоломом... Когда один из девятиклассников припер в качестве металлолома запчасти с одной из автобаз, а через пару дней ее работники приехали к ним в школу в поисках запчастей. Скандал был дикий! «Шибко умному» десятикласснику впаяли «строгий выговор с занесением» и заставили на своем же горбу переть запчасти обратно, а кто-то от досады за поражение провел с ним дополнительную «разъяснительную работу». Так что на следующий день этот деятель ходил с фингалом.

Кроме того, провести коммунистический субботник, с высадкой деревьев, и выступление школьной самодеятельности. Все идеи были приняты единогласно — после чего выбрали ответственных за каждое из направлений.

Наконец, упомянули и про День Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, который вот уже второй год как будет выходным днем. Как и, про что Михаил уже успел узнать из газет и малость удивиться, 5 сентября — День Победы над Японией! В связи с этим Витка сказал несколько слов на счет успехов социалистического строительства в СССР и международного положения. Что, дескать, силы империалистов не дремлют и только и ждут любой нашей ошибки чтобы раздавить, уничтожить страну победившего социализма, истребить саму память о ней, как это пытались сделать немецкие фашисты в 1941 году. Однако мы будем и дальше бороться за победу дела Ленина-Сталина, как то делали наши отцы и деды в годы Гражданской,строек пятилеток и Великой Отечественной войны! И однажды капиталистический мир рухнет под тяжестью своих преступлений! Впрочем, обсуждать мероприятия в честь Дня международной солидарности трудящихся и Дня Победы пока не стали — до них еще далеко, так что время достаточно. А потому на этом собрание и закрыли — неожиданно быстро для Михаила, заниматься пустым трепом в этом мире, видимо, было не принято. И все комсомольцы их класса стали расходиться по домам. Впереди были последние в их жизни каникулы, а за ними — последняя учебная четверть...

Каникулы — разве может быть для кого из школьников более радостное слово? Вот и Михаил сейчас радовался как самый что ни на есть пацан. Свобода, мать ее! Жалко лишь, что пока только временно. Уж поскорей бы совсем школу закончить и в университет поступить! Хотя, пожалуй, там будет также скучно... Да, что-то, конечно, придется освежить в памяти — однако во многом уже сейчас его знания гораздо больше, чем даже у нынешних профессоров и академиков. Нет, не оттого, что он такой уж гений... Просто профессора с академиками до этого еще не дошли. Для них это будущее, а для него — уже давно прошлое. А это уже немало...

Однако, увы, пока лишь неделя свободы — а потом вновь топтать в школу... Но за эту неделю можно будет поподробнее разобраться с жизнью в этом мире. И почему-то в первый же день Михаилу вдруг захотелось разобраться с упомянутым Петькой мопедом... В его мире это была обычная двухскоростная «Рига-3». Нечто среднее между немецким «Симсоном» и чехословацкой «Явой». Копия рамы от первого и копия двигателя от второго — разве что с увеличенным оребрением цилиндра. Чуть ли не самый простой двигатель, что только можно придумать! Тем не менее, на этом мопеде он в прошлой жизни и по городу в школьные и студенческие годы рассекал, и на рыбалку или просто на речку ездил, в том числе с Ленкой, и к родственникам в деревню. Только сейчас все это уже казалось откровенно несерьезным... Что это за езда такая, когда на крутой подъем не въехать даже на первой передаче и приходится слезать с мопеда и бежать рядом чтобы тот осилил подъем?

Заходя в сарай, Михаил подсознательно ожидал увидеть все то же самое... Однако, скинув брезент с мопеда, он аж застыл в изумлении. Да, это была тоже Рига-3 (*P.s. А вот у автора была уже «четверка», у одного товарища — «единичка», а вот «тройки» видеть доводилось лишь издалека) — практически такая же рама, такая же окраска из цвета морской волны рамы и бело-бежевых крыльев и бака, такие же фары, сиденья и многое другое. Вот только двигатель был совсем не тот! Более того — тут даже не было педалей и ручки переключения скорости! Вместо них был вполне себе «мотоциклетный» механизм ножного переключения передач и кик-стартер. «К-50»... Так назывался это неведомый двигатель. Ковровского производства что ли? Где, вроде, в его мире двигатели к «Верховинам» делали? Помнится, был у их там такой «Ш-51К», тоже с русскими буквами на крышках и с внешней «бобиной» вместо магнето... На «Верховину-3» ставился, у одного из соседей такой был... Но в остальном-то он был точной копией шауляйского с его «Риги-3»! Но вот такого двигателя Михаил не видал никогда! Хоть и не сказать, что сильно приглядывался к мопедам — уже к концу учебы в университете они его окончательно перестали интересовать.

— Это что ж за чудо-юдо такое? — удивленно произнес вслух Михаил.

Что ж, как на улице посохнет — можно будет попробовать прокатиться и сравнить технику этого мира с тем, что было у него в детстве... Но для начала, раз уж тут такие различия, изучить руководство по эксплуатации.

Однако основное время на каникулах Михаил решил посвятить изучению особенностей истории этого мира... А их, как оказалось, было достаточно... Да, многие тенденции исторического процесса сохранялись, оттого многое шло примерно тем же путем, но небольшие различия появились уже весьма давно, а со временем они все нарастали и

нарастали... К настоящему времени это во многом был уже совсем другой мир, имеющий очень много различий с его родным вариантом истории. В чем-то лучше, а в чем-то, пожалуй, и хуже... Более жесткий, более суровый и бескомпромиссный. Здесь многое было иначе... Иначе строились отношения с другими странами, иные порядки царили непосредственно внутри страны. Да, тут тоже был отменен указ о трудовых резервах, причем произошло это практически в те же сроки. Также был смягчен ряд законов, в том числе в плане трудовой дисциплины, где уголовные наказания сменили административными. Хотя спрос за нарушения трудовой дисциплины оставался по-прежнему серьезным, но теперь он проявлялся в лишении премий или увольнении по статье, а, например, за систематический брак или поломку оборудования по причине халатности запросто могли и из зарплаты вычесть цену запоротых деталей или сломанного оборудования и инструмента. Так что армянских станков, которые заводы с радостью выменивали на какое-нибудь старье из колхоза или с автобазы из расчета два за один, тут, вероятнее всего, не будет... Как и каких-нибудь знаменитых своим «высоким» качеством «Колхид»...

Как уже успел предупредить батя, в этом мире было и куда более жесткое отношение и к, так сказать, антисоветским высказываниям. Пусть и за, как он сказал, дурь, за какую-нибудь дурацкую политическую шутку или песенку уже и не сажали, но вылететь из партии, комсомола или пионерской организации можно было запросто! Исключали с треском, сообщали на работу, где к такому работнику начинали относиться весьма настороженно, что сильно затрудняло карьерный рост... А уж с руководящих должностей могли и вовсе выгнать! Раз лишился доверия партии или комсомола — значит, не достоин и руководителем быть! То же самое, впрочем, относилось и к «запятнавшим» свою репутацию беспартийным...

В этом мире практически не было амнистий после смерти Сталина, а уж чтобы выпустить на волю всякую фашистскую сволочь — о том не было и речи! А двадцатипятилетний срок заключения в ИТЛ, к которому их приговаривали, для большинства был равнозначен смертному приговору — ведь многие из них и так уж не особо молодые были, а тут еще и 25 лет принудительных работ в тяжелых условиях труда, куда не больно-то хотели идти обычные люди.

Ради интереса Михаил несколько раз проехался по городу, обращая внимания на различия между тем, что довелось увидеть здесь, и полузабытыми воспоминаниями из своего детства. И с каждым разом подмечал все больше и больше таких различий. Порой мелких, малозначительных. Порой — весьма существенных... Но в целом город был достаточно похож на тот, что он помнил из своего детства.

А по вечерам, вернувшись домой, Михаил принимался думать о том, что и как он мог бы сделать для того, чтобы в этом мире не повторилась памятная ему история с развалом СССР и крахом социализма... Как ни крути, но он еще хорошо помнил и «Перестройку», и ГКЧП, и развал страны на отдельные республики, расцвет бандитизма в России и крах экономики. И чувство полной безнадежности, бессмысленности жизни, что окружало его в последние годы. Каково это — смотреть на побирающихся ученых и инженеров, оставшихся без работы и спивающихся от отсутствия смысла в жизни высококлассных специалистов. На то, как молодые девушки, наслушавшись вражеской пропаганды и мечтая о «красивой жизни», идут «на панель» и через несколько лет, как станут никому не нужны, кончают жизнь, отравившись паленой водкой. Или и того раньше задушенными на свалке... Как молодые парни, мечтая о быстрой и легкой наживе, становятся бандитами — и кончают

жизнь в какой-нибудь перестрелке во время бандитских разборок. Как многие люди живут откровенно впроголодь — и хоть сам он со случаями голодных смертей и не сталкивался, но слышал и про такое. И слушать из каждого утюга наглую ложь о том, как хорошо будет жить при капитализме и какими злобными негодьями были коммунисты в целом и товарищи Ленин и Сталин в особенности... Жить в обществе, где всем правят ложь, обман и жажда наживы любой ценой. Что может быть хуже для советского человека?

Нет уж... Раз он тут оказался, то теперь уж сделает все для того, чтобы это не повторилось! Только, твою дивизию... Что и как надо сделать? Прежде в особых подробностях не интересуясь политикой, Михаил так вот сразу не мог сказать, кто во всем виноват. Да и кто знает, где правда, а где ложь? А уж за последние годы последней вылили целые моря — и попробуй найди среди них крохи тщательно скрываемой правды... Во всем виноват Мишка Меченый? Но в одиночку невозможно уничтожить страну! Невозможно дискредитировать саму идею до того, что люди уже не будут в нее верить, и когда Советский Союз будут уничтожать — лишь очень немногие выступят в его защиту. Значит, Мишка был лишь частью целой системы, направленной на уничтожение СССР и социалистической системы в целом... Андропов? Судя по всему, да... Как ни крути, но именно он во многом тащил за собой и Горбача... Но даже так Андропов — лишь верхушка заговора. Фигура, несомненно, важная, но все же не играющая решающей роли. Не будь его — был бы кто-нибудь другой. Хрущев? Да, его действия во многом способствовали дискредитации советской идеи и подрыву доверия народа к партии и правительству, внесли раскол в общество и нарушили нормальное функционирование экономики... Последствия этих решений страна так никогда и не смогла расхлебать, вплоть до самого конца своего существования. Именно они во многом стали причиной того, что случилось позднее. Однако вряд ли именно он стоял за созданием всего заговора... Не похоже. Скорее он оказался недалеким, малограмотным, но очень амбициозным человеком, недостатками которого воспользовались истинные заговорщики чтобы протащить нужные им реформы. Он просто не смог в полной мере понять последствия этих решений. Действуя, как он считал, из лучших побуждений, Хрущев толкнул страну к развалу... Разве что со Сталиным тут был вопрос его личных обид на Вождя и амбиций, ну а истинные заговорщики всячески поддержали эти начинания.

Вот только как найти настоящих заговорщиков? Как проверить, есть ли аналогичный заговор и в этом мире? Плюнуть на все и попытаться сделать политическую карьеру? Увы, но в свои способности как политика Михаил не верил совершенно... Добраться за имеющееся время до тех должностей, где он будет что-то решать, — задача практически нереальная. Да, ему терять особо-то нечего — как жить дальше, будучи взрослым мужиком в детском теле, непонятно. Но и бороться «за лучший мир, за святую свободу» надо с умом... Заранее все выяснив, продумав, составив план действий. И каждый шаг предпринимать максимально осторожно, осмотрительно. Чтобы затаившиеся враги СССР не смогли превентивно избавиться от него самого...

Прода

Впрочем, думать о политике потом время придет... А для начала хорошо бы окончательно разобраться в местной реальности. А в том, что он тут как Штирлиц в буденовке посреди Берлина, Михаил даже не сомневался. Он элементарно не знает многих мелочей, которые не может не знать ни один человек в этой реальности! Бытовых,

культурных, общественно-политических... Например, под одним и тем же названием мог выйти сильно отличающиеся сюжетом или даже и вовсе совершенно иные фильмы, книги, а за те лозунги, что в его прошлом были чуть ли не одобрены на самом верху, тут запросто можно было бы и из комсомола вылететь. В такой ситуации то, что его еще не разоблачили, объяснялось лишь одним. Он попросту никому пока не интересен! Никто не приглядывается к его поведению, не задается вопросами на этот счет...

От чтения очередной газеты Михаила неожиданно отвлек стук в калитку. А поскольку сестра была еще в техникуме, а родители на заводе, то это однозначно мог быть лишь кто-то чужой. И догадка появилась почти сразу — пришел Петька.

— Здоров, Мих! — протягивая руку, радостно поздоровался одноклассник. -

— Здоров!

— В кино сгонять не хошь? — буквально сходу ошарашил Михаила товарищ.

— А что за картина будет? — поинтересовался Михаил.

Не то, чтобы ему и впрямь куда-то хотелось идти... Последний раз в кино он был еще в далеком 1981-м году... И с тех пор больше туда как-то не тянуло. Зачем оно надо когда дома есть телевизор? Но в детстве они с пацанами бегали в кино дофига и чуть побольше! А уж какие всегда были очереди в кассу, как исхитрялись чтобы пролезть вне очереди... Иногда даже удавалось. Например, если вдруг наткнешься на кого-то хотя бы смутно знакомого в очереди и купишь через него. Так вот однажды, уже на первом курсе они пришли в кино за билетами, а там громадная очередь! Однако один из его однокурсников внезапно вспомнил, что вон ту девушку, стоявшую четвертой от кассы, он видел в университете. Старшекурсница какая-то с их же физического факультета... Ну и с ходу обратился к ней с просьбой приобрести билеты, обещав угостить мороженым. Народ, разумеется, начал немедленно возмущаться, но им-то, студентам, море по колено! И, самое интересное, выгорело ведь! Старшекурсница хоть и малость посмеялась, но билеты им всем купила. Мороженое, кстати, они в итоге слопали напополам.

Но это будет потом... А пока у них еще школа, так что в кино обычно бегали после урока, стремясь попасть на более дешевые дневные сеансы, по 25 копеек вместо сорока на вечерний. Хотя, надо полагать, в этом мире цена будет в десять раз больше. И хоть Михаил с радостью никуда бы не пошел, но хотя бы изобразить заинтересованность следовало. А то оно уж больно странно получится!

— Да про угонщиков что-то, — ответил Петька.

— Ну давай сгоняем, — мысленно махнув рукой, согласился Михаил. — «Темп» или «Родина»?

Ну да — других вариантов, по сути, и не было. Летний кинотеатр на Крекинге далеко, да и не работает еще, «Космос» откроется то ли в этом, то ли и вовсе в следующем году, а в центр мотаться у них как-то не было привычки.

— В Агафонии... — несколько помрачнев, ответил Петька.

«Значит, в «Родину»», — мысленно усмехнулся Михаил.

— И кто еще будет? — поинтересовался Михаил.

— Да, почитай, все наши! — ответил Петька. — Я, Семка, Тоха, Васька, Диман, Леха Вован... Из девчонок Катька, Ленка, Танька... Вика твоя, наверное.

— Это хорошо, что пацанов полно будет, — согласился Михаил, откровенно проигнорировав последнюю подколку.

Вопрос и впрямь не праздный... Одному в те места лучше не ходить, особенно по

вечерам. Они с «агафоновскими» давненько не ладили, но с такой толпой те связываться не рискнут, а вот с одиночками могут попытаться. Хоть в этом мире, как он уже успел узнать, хулиганства в целом и было несколько поменьше, чем в его прошлом — во многом, наверное, потому, что многие «реабилитированные» в его мире уроды здесь сгинули в лагерях или до сих пор сидят на нарах, но пока его все же хватало... Однако надо ж, в конце концов, посмотреть, чем местный кинематограф отличается от знакомого ему. Да и от коллектива отрываться тоже негоже... Так почему бы и не съездить?

До места добирались сначала на «девятке», а затем немного пешком. Купить на всех билеты вызвался Тоха — и пошел вперед, пока все остальные остались на улице. Впрочем, особых проблем не ожидалось — день как-никак. Кто на работе, кто на учебе — так что желающих было не так уж и много. Ну относительно, конечно...

— Ого, кого вижу, — внезапно ехидно окликнули их. — Какими судьбами у нас-то?

Оглянувшись, Михаил с удивлением увидел Федьку Тарасова с двумя дружками — одним из которых был Леха Рогов, два «братца-акробатца»... А вот третьего он видел впервые — так что про него сказать не мог ничего.

— А что, в ремеслухе уже уроки кончились? — не остался в долгу Семка. — Или и тут прогуливаем?

— А тебе-то что? — обойдя вокруг них, остановился напротив Вики Леха Рогов. — О да, наша красотуля тоже тут. Не боишься по нашему райончику гулять? А то, знаешь, хулиганы обидеть могут...

— Про себя говоришь? — огрызнулась девчонка.

— Да ты что? Мы ж — правильные пацаны — верно говорю? — обращаясь к «своим», изобразил удивление Леха. — А мы б с пацанами защитить могли...

— А мы не из пугливых, — за всех ответил Михаил.

— Иди куда шел, защитничек! — поддержал его Петька.

— Смелые, значит, — фыркнул на этот раз Федька. — Ну, глядишь, встретимся еще в темном переулочке...

Как и ожидалось, втроем против минимум восьмерых «агафоновские» не полезли, а изобразив на рожах глубокое презрение, удалились. Примерно как и в его реальности пару раз бывало, при примерно тех же обстоятельствах. Правда, там в компании с Федькой было не трое, а четверо. И вместо незнакомого Михаила пацана были «агафоновские» Колька Тарасов Татарников. Но вели они себя тогда примерно также.

— Урод! — глядя вслед уходящим хулиганам, сплюнула и выругалась Вика.

— «Не родись красивой», — усмехнулась в ответ Катька.

Однако в это время из кинотеатра выбежал с билетами Тоха, и они пошли занимать места. Взять билеты так, чтобы сесть всем вместе, ожидаемо не получилось, так что пришлось садиться двумя группами, но это никого совершенно не расстроило.

Фильм оказался, к некоторому удивлению Михаила, «Берегись автомобиля». Только сюжет оказался весьма заметно отличающийся от хорошо знакомого ему... Вместо чудаковатого страхового агента, бывшего водителя, здесь действующим лицом оказался работник автобазы, с тем же именем Юрий Деточкин, с обостренным чувством социальной справедливости. Который просто не может пройти мимо того, что в стране до сих пор полно жуликов, которых все никак не поймают и не посадят.

Он собирает материалы на них и отправляет в милицию, но их откровенно игнорируют, считая ложными доносами! И тогда, дабы обратить внимание правоохранительных органов,

он первый раз угоняет машину и оставляет ее у отделения милиции в соседнем городе — но уже через несколько дней ее возвращают жулику-владельцу! И тогда он решает угонять и продавать машины, а деньги отдавать детским домам — и немедленно приступает к выполнению этого плана.

Дальше фильм идет, в целом, по известному сценарию, но уже ближе к концу вновь начинаются изменения... Когда в сюжете появляется капитан госбезопасности Васильев. Многочисленные угоны автомобилей у «ответственных работников» обращают на себя внимание органов госбезопасности, и те начинают разбираться в происходящем. И очень скоро обнаруживают странное совпадение: все, у кого были угнаны автомобили, оказываются жуликами. Вот только куда смотрит милиция? Ища угонщика, те даже не обратили ни малейшего внимания на личности «потерпевших»! Вскоре узнают и про «ложный донос», который даже не удосужились проверить, и про угнанный и брошенный у отдела милиции в соседнем городе автомобиль...

Концовка оказалась заметно отличающейся от известной Михаилу... Суд над Деточкиным тоже состоялся — но, в виду отсутствия корыстного мотива и помощи органам госбезопасности в разоблачении мошенников, он отделяется общественными работами и в самом конце показывают, как он метет улицу, где его и встречает Люба. Более того, если в фильме из прошлой реальности из всех жуликов, по всей видимости, был привлечен к ответственности лишь один спекулянт, то здесь оказывается арестовано сразу несколько человек! А, заодно, появляются и серьезные вопросы к деятельности городского отдела ОБХСС, где долгое время не замечали происходящего. «Почему обычный советский человек видит взяточников и спекулянтов, а милиция их не замечает? — комментируя на суде происходящее, произносит капитан Васильев. — Что это? Служебная некомпетентность или сговор с жуликами? И с этим вопросом мы еще разберемся!»

Домой, как оно зачастую и бывало, из кино возвращались все в полном восторге, обсуждая просмотренный фильм — как оказалось, все его видели впервые. И вывод почти у всех был однозначный — с жуликами бороться надо, конечно. Человек-то Деточкин нормальный, но ведь и впрямь... Почему он в ту же госбезопасность не обратился? Мог ведь? Мог! Так что вполне правильно, что его улицы мести заставили... Петька между делом вдруг вспомнил слова товарища Сталина про внутренних врагов и бдительность, в чем его все поддержали.

Внезапно Михаилу вспомнилось и отношение людей к фильму «Берегись автомобиля» из его реальности. А ведь там чуть ли не большинство людей было на стороне Деточкина — особенно в 70-е — 80-е, ближе к концу Союза! Это ли не показатель того, как достала людей та фигня, что творилась в стране? И хоть сейчас Михаилу очень хотелось верить, что в «сталинистском» СССР такого быть не может, но где гарантия того, что он так и останется таким?

До «родных мест» добрались без проблем — причем, в этот раз даже не на трамвае, а пешком. После чего начали постепенно расходиться по домам. Последним распрощался Михаил с Петькой, который пошел еще дальше. А дома его уже ждала сестра и разогретый суп в кастрюле...

Остаток каникул в повседневных делах пролетел как-то незаметно в повседневных делах и изучении материалов об этой реальности... И вот он и снова топает в школу. И неожиданно для себя вдруг понял, что постепенно втягивается в этот ритм жизни, привыкает. И хоть ходить на уроки было по-прежнему неинтересно, ничего нового он тут

уже не узнает, но и такого раздражения и отторжения оно уже не возникало. Свыкся...

Самым неприятным, впрочем, стало то, что теперь у них всю начиналась подготовка к экзаменам. И теперь каждый день у них было по консультации, а то и по две, по тому или иному предмету, время которых определили исходя из расписания второй смены. Каждая такая консультация занимала по полтора часа, которые были посвящены разбору экзаменационных билетов и воспоминанием пройденного материала. А для кого-то — и его более подробного, чуть ли не «на пальцах», разъяснения. Особенно скучно было сидеть на физике с математикой, которые Михаил знал на куда большем, чем школьный, уровень. Так что теперь он не мог дождаться, когда же наконец-то экзамены! Хотя в прошлой жизни они оставили у него откровенно жуткие воспоминания. Когда он буквально каждый день подолгу не мог уснуть, боясь, что что-то не получится... Но сейчас-то таких проблем точно не ожидалось... Даже немецкий язык более-менее вспоминался — так что Михаил был уверен, что сдаст его не хуже, чем на ту же четверку из прошлой реальности. А там уж университет — который он, может быть, даже попытается сдать экстерном пару курсов... Впрочем, это уж позже видно будет.

Однако за всей этой подготовкой к экзаменам у него практически не оставалось свободного времени на изучение этой реальности. Особенно с учетом полученного комсомольского задания. В этой реальности, как оказалось, к его исполнению подошли гораздо серьезнее. Более того, оно было и полностью поддержано учителями. Так что теперь любой из одноклассников в любой момент мог подойти к нему с вопросами по физике, а он должен был ответить на них и, насколько получится, объяснить. Впрочем, такой опыт у него уже был — когда своему старшему сыну физику объяснял, поскольку в его школе физика оказалась совершенно бестолковой и сама свой предмет толком не понимала. За то как-то на родительском собрании с апломбом выступала на счет того, что «большинство детей не хочет учиться» и оттого, дескать, в классе плохая успеваемость. Ну-ну... А кто захочет учиться когда ему монотонным тоном отбубнят предмет и забудут? И в итоге выполнять роль учителя по физике приходилось ему с Олей. Как хорошо все же порой быть физиком! Как там у них в студенческой песенке-то было? «Тот, кто физиком стал, тот страдать перестал — на физфаке не жизнь, а малина. Только в физике соль, остальное все — ноль. А филолог, историк — дубина!»

(P.s. Так называемый «Гимн физиков». Текст не сложно найти в интернете — но он несколько отличается от знакомого автору по студенческим годам. Подозреваю, что каждый университет несколько «дорабатывал» его по своему усмотрению. Впрочем, помимо него, было у нас и еще несколько веселых песенок. Сейчас, судя по рассказам сыновей, такого уже нету, а жалко. Мы раньше как-то веселее учились, но времена меняются...)

Как ни странно, но постепенно вновь появились и темы для общения с одноклассниками, да и в целом Михаил уже начинал воспринимать себя как часть этого мира, а не чужеродным элементом. Даже словно помолодел! Не в физическом плане, конечно — оно-то и так случилось, и уже давно. Скорее ощущать себя стал как-то иначе... Не пацаном-десятиклассником, конечно, но и не почти пятидесятилетним мужиком, как было вначале. Чем-то средним. По всей видимости, сказывался то ли перенос в детский мозг, то ли изменение гормонального фона, то ли вся обстановка в целом... А, скорее, и вовсе все вместе взятое. И это ему даже нравилось... Меньше вопросов может возникнуть.

Несколько раз заговаривал с батей о различиях двух миров — и с каждым разом находил их все больше и больше. Так однажды, вспоминая студенческие годы, он вдруг вспомнил про

поездки «на картошку». Впрочем, вопреки сложившемуся выражению, они убирали морковь... Но эти такие привычные воспоминания вдруг повергли батю в откровенное недоумение.

— А зачем? — удивленно произнес он, выслушав рассказ.

— Ну так не справлялись вроде как в колхозах, — пожал плечами Михаил. — Хотя я вон сам видел, как студенты приезжали в поля, а колхозники собирались и ехали в город на рынок, свое продавать...

Ответная фраза бати оказалась совершенно непечатной, но очень четко характеризовала его отношение к такому положению дел...

— У нас, увы, в колхозах бесхозяйственности дофига было, — дослушав слова бати, произнес Михаил. — Технику ломают, а или запчастей нет, или специалистов. Бросят — и стоит она, ржавеет! Нафига ремонтировать — новую же дадут! Целый «железные поля» во многих колхозах стояли, особенно где своей рембазы не было толком... Мы с тех тракторов с комбайнами еще в 90-е потом кое-какие детали скручивали, что могло пригодиться для ремонта...

— Но ведь это ж миллионы народных средств! — возмутился такой бесхозяйственности батя.

— Именно что, — согласился Михаил. — Но так оно было... Уж почему-то больно многие были уверены, что страна у нас богатая, можно не считать ресурсы. «Железные поля» в колхозах — да как нефиг делать! Целыми заводами гнать 90 % брака — нормально! Сливать в канаву не уместившийся в бочках бензин — да запросто! Дикарям, только с дерева спустившимся, в кредит технику давать и заводы строить, а потом все прощать — да чуть ли не с радостью!

Да, оказалось, что в этом мире «на картошку» ехать не придется. Хотя от этого стало почему-то даже скучно... Как ни крути, они там провели время весело. Особенно если вспомнить первый день, когда чуть ли не первым же делом подрались с деревенскими, а потом вместе с ними глушили самогонку. И на следующий день, естественно, проспали начало работ. А некоторые были так «хороши», что и вовсе не вышли... Здесь этого явно не случится. Что ж, переживем. А вот что такой порочной практики в этом мире нет — это явно к лучшему.

(P.s. Если не считать времен войны, когда тех же пионеров посылали на полевые работы, то, насколько мне удалось выяснить, такая практика началась с 1957 или 1958 года. Впрочем, за точность сведений не поручусь).

— Бардак, — выслушав последние слова Михаила, поморщился батя.

— Он самый... И оно во многом так было, — согласился он.

А вот в середине апреля, как наконец-то достаточно просохли дороги, Михаил наконец-то выкатил из сарая мопед, решив опробовать его в езде. Как он уже знал, здесь стоял трехскоростной двигатель Ковровского завода мощностью в 3,4 лошадиных силы, лицензионная копия ГДРовского с мопеда «Симсон Звезда». И разница с копией «чеха» оказалась очень заметной! Мопед даже куда больше походил на «взрослый» мотоцикл... Нормальная тяга, когда на крутом подъеме не надо слезать и бежать рядом, пока слабенький моторчик затаскивает в горку сам себя. Три передачи вместо двух, что позволяло куда лучше выбирать режим езды. Еще одна недоступная мечта из прежней жизни... Так что, покатавшись полдня, Михаил пришел к выводу, что немцы делали технику гораздо лучше чехов. Что вызывало очередные вопросы на счет причин такого выбора в его прошлой

реальности. Или и впрямь права легенда о том, что СССР просто перекупил подготовленные к списанию оборудование и оснастку у чехов и развернул производство?

(P.s. Автор вот тоже не в курсе на счет правдивости этой легенды. Да и, честно говоря, не больно-то интересовался вопросом. Хотя если посмотреть на сроки окончания производства двигателя «Стадиона» и начало выпуска Ш-50, то, вроде, сходится).

А через пару дней поутру Михаил приехал на мопеде в школу, где, как и в прошлой реальности, его приезд вызвал всеобщий интерес. Аж с половины школы пацаны сбежались, а уж старшеклассники и вовсе все!

— Смотри, Андрюх, — говорил кто-то из девятиклассников. — «Симсон», реально!

— Да где тут «Симсон»? — удивленно спрашивал тот в ответ. — «Рига» же!

— Да ты на движок глянь! — продолжал первый. — Зуб даю — «Симсон»! Сам в журнале читал!

— Вот это техника! — восхищенно глядя на мопед, говорил уже Семка. — Дашь скатнуться?

— После уроков, — ответил на это Михаил.

— Да, это не тырчок, — тоже разглядывая мопед, прокомментировал Петька.

— Теперь все девчонки твои, — усмехнувшись, прокомментировал Тоха.

— В очередь будут строиться! — поддержал его Семка.

Ну да, с Ленкой он в той реальности на мопеде и впрямь немало катался... Несмотря на то, что он был гораздо слабее и вообще не рассчитан на езду вдвоем! Но в этой реальности этого уж точно не будет. Но в это время зазвенел звонок, и все бегом понеслись на второй этаж в кабинет физики... теперь Михаилу осталось самое главное! Разоблачить урода, кто в той реальности ему бензин слил. Это произойдет во время четвертого урока или непосредственно перед ним. Значит, надо выследить урода... Если малость на труды опоздает — ничего страшного не будет. Тем более, с большой перемены, когда всегда можно сказать, что в столовке просидел.

Так что, прикинувшись, что пошел в мастерскую, Михаил сделал круг вокруг здания школы и засел в засаде около куста у забора. Вот уж прозвенел звонок, а вскоре появился и сам злоумышленник, которым неожиданно оказался... Свинцов Олег из их класса! Вечный «тихоня» и вообще темная лошадка, кто все годы их учебы держался как-то в стороне... А еще — будущий «аула капитала» в 90-е, лихо поучаствовавший в разграблении народного достояния, но в итоге что-то с кем-то не поделивший и в 1996 году отправившийся на нары. Воровато оглянувшись по сторонам, тот подошел к мопеду и начал что-то копать с ним, отчего на лице у Михаила мелькнула ехидная усмешка. Попался, уродец!

— А что это мы тут делаем? — выйдя из школы, Михаил заметил, что Олег как раз, закончив с декоративными щитками, снял бензошланг и открыл кран.

При виде Михаила урода словно током стукнула, но следы своей деятельности скрыть он уже не мог. Олег как-то резко отпрянул в сторону, глазенки забегали... Подойдя к мопеду, Михаил закрыл бензокран, а затем развернулся к однокласснику:

— Ну что, после уроков у железки? — ехидно взглянув, произнес Михаил. — Вижу, пора мне тут кое с кем разъяснительную работу провести...

Отвернувшись, Михаил двинулся в сторону мастерской, ожидая от Олега какого-нибудь подвоха вроде попытки напасть со спины прямо сейчас. Что ж, случись так — он будет готов и к такому. Однако за все время пути до мастерской так ничего не случилось.

— Ты чего так поздно? — удивленно взглянув на Михаила, спросил Петька.

— Да так, надо будет кое с кем разъяснительную работу провести. Чтобы своим на гадил...

«А ведь в этом мире не было той знаменитой фразы про разъяснительную работу!» — вдруг вспомнил Михаил. Как, например, не было и гагаринского «Поехали». Не было, наверное, и еще многих-многих других ставших в его мире крылатыми выражений, отчего Михаилу было даже несколько обидно. И, в то же время, наверняка есть и много других фраз, которых не было в его реальности... Однако смысл этой фразы все пацаны поняли. Сам Олег, кстати, появился лишь спустя минут пятнадцать — и сразу получил замечание от трудовика, а все пацаны, после того, как Михаил рассказал о произошедшем, держались подчеркнуто в стороне от него. Два урока пролетело как-то незаметно, а сразу после них сразу несколько товарищей Михаила двинулись в сторону железки — поглядеть на предстоящий «махач» и проконтролировать, чтобы «все по-пацански» было.

— Вы куда? — видя, что они идут явно не в сторону дома, да еще и не взяв мопеда, догнали их на полпути Вика с Катькой.

— Погулять решили, — уклончиво ответил Петька.

— Погулять? — прищурившись, произнесла Катька. — Драться, да?

— А если и так, то чо? — ответил Тоха.

— Миш, ты ж комсомолец! — на этот раз выступила вперед Вика. — Хулиганам решил уподобиться?

Глаза девчонки буквально горели гневом, словно происходящее было для нее личной обидой. Не сильно уступала ей и Катька.

— А вы? — поддержала она подругу. — Петь, Тош! Вы-то что?

— А что еще с крысятиной делать? — пожал плечами Петька. — В жопу целовать?

— Кать, Вик! Оставьте нас! — сказал как отрезал Тоха. — Это наши дела!

— Действительно, идите домой, девчонки, — присоединился к словам товарищей Михаил.

— Нет уж! — решительно тряхнув головой, произнесла Вика. — Никуда я не пойду!

Выглядела она уже несколько поспокойнее, хотя продолжала смотреть на них со все тем же осуждением...

— Ну так хоть не мешай...

— Было б чему мешать! — фыркнула девчонка.

Их извечная площадка для драк располагалась достаточно далеко от школы — так что риск наткнуться тут на кого-то из учителей или вообще взрослых была минимальная. «Приземлившись» на притащенный сюда древесный ствол, пацаны принялись ждать «оппонента» Михаила, а Тоха с Васькой даже достали из карманов сигареты и закурили. Не желая нюхать дым, девчонки так и остались стоять в сторонке. Вот только время шло, а Олега было по-прежнему не видать.

— Да где там этот урод? — минут через двадцать, швырнув в кусты очередной окурок, спросил Тоха.

— Никак сдриснул, — произнес в ответ Петька.

— Ждем еще пять минут и валим по домам! — решительно махнув рукой, произнес Семка.

Однако ни через пять, ни даже через десять минут так никто и не появился. Отчего пацаны злились все больше и больше.

— Айда по домам, пацаны! — произнес через некоторое время Тоха. — Зассал

пацанчик!

— Ссыкло позорное, — выругался Петька. — Сделал гадость и в кусты!

— А что случилось-то хоть? — спросила на этот раз Вика.

— Бензин у меня из мопеда вылить хотел, — объяснил Михаил. — Стащил шланг и кран открыл. С поллитра успел вылить, гаденыш!

— Вот видишь, — произнес Семка. — И как нам с таким быть?

— Бойкот ему! — внезапно предложила Катька.

От услышанного предложения пацаны даже переглянулись — бойкот в классе считался самым худшим, чего только можно получить! Но коль кто-то не хочет разобраться по-пацански и трусливо бегают...

— А я за! — поддержал идею Петька. — Голосуем, кто за? Единогласно! Кто Свинцу слово скажет — тот чмошник!

На том все и закончилось, и все начали расходиться по домам. И в обратный путь их также провожали Вика с Катькой. И вновь «трудовые будни», за которыми как-то незаметно дело дошло и до дня рождения товарища Ленина с непременно субботником и сбором макулатуры и металлолома. И если макулатуре пока не уделялось такого внимания, как оно началось в 70-е годы его реальности, когда школьники буквально ходили по домам и выпрашивали чтобы люди сохраняли газеты с журналами, обещая взамен вскопать огород, поколоть дрова или что-нибудь, в меру своих сил и способностей, подремонтировать, то к металлолому это явно не относилось. Причем, такой фигни, когда кто-то привозил кучу металла с завода, тут не было. Нет, видимо, тут на предприятиях кучи «неучтенного» металла чтобы вот такие фокусы устраивать. А, может быть, не разрешалось, поскольку делало соревнование несправедливым. Тут уж Михаил спрашивать не стал — оно тут наверняка будет из серии «всем известного». Так что тащили или из дома, или то, что удалось... А вот история с притащившим запчасти автобазы девятиклассником и последовавшим за этим скандалом повторилась и в этом мире! А вот последствия оказались для него куда серьезнее — здесь ему не просто «строгача» вlepили, а сразу выгнали из комсомола. Но в остальном все прошло практически также, как и в его реальности. Первого места тут тоже не заняли ни по металлолому, ни по макулатуре. Точно также было выступление школьной самодеятельности и линейка в честь дня рождения Вождя Мирового пролетариата, хотя попутно упоминалось и про «верных продолжателей дела Ленина» — товарищей Сталина и Пономаренко, почему-то начисто забыв про Берию. Точно также провели субботник, где старшеклассники сажали деревья, а остальные школьники сгребали и сжигали прошлогодние листья и сухую траву. Ничего особенного, текучка практически...

Глава 8

Первомайская демонстрация — куда же без нее? И, разумеется, для всех комсомольцев — а, значит, и для Михаила — явка обязательна. К остальным такого требования формально не было, но на «отказников» начали бы немедленно коситься не только учителя, но и одноклассники. А потому таких не было! Ибо «День международной солидарности трудящихся» — один из главных советских праздников, наравне с днем Великой... Ноябрьской, в этом мире, Социалистической революции. Это потом уж ельцинские пропагандоны переименовали его в «День весны и труда» и, оставив первое мая выходным днем, постарались затереть истинный смысл праздника, превратив лишь в еще один повод для выпивки. Интересно, многие ли спустя тридцать-сорок лет с того времени будут помнить предысторию праздника? Почему-то Михаил в этом очень сильно сомневался...

Сейчас же отношение к празднику было совсем иным! На проходившем перед праздником комсомольском собрании вспоминали первомайскую забастовку в Чикаго и последовавшие за ней события, большевистские маевки и борьбу рабочего класса за свои права, говорили про события 1917 года... И все были искренне убеждены, что скоро настанет конец капитализма! Что окончательная победа социализма во всем мире уже недалека... И оттого Михаилу становилось откровенно грустно. Куда буквально через десять-пятнадцать лет все это делось в его мире? Ведь и там, несмотря на куда более топорную пропаганду, в эти годы люди верили в светлое коммунистическое будущее. Однако «партийные вожди», то ли по дурости, то ли из откровенного предательства, сделали все для того, чтобы задушить, растоптать эту веру... Внушить людям мысль о том, что у нас в стране все плохо, а будет и того хуже, и единственный выход из тупика — все «перестроить»! Сначала в пользу так называемого «социализма с человеческим лицом» (вот только рожа бандита-уголовника, на котором клеймо ставить негде — она ведь тоже вполне себе человеческая), а потом и в сторону капитализма... Нет! Властолюбивым ублюдкам, ради собственных амбиций развалившим страну, сломавшим судьбы миллионов людей, лишившим их веры в будущее, нет и не может быть прощения! И уж он постарается сделать так, чтобы в этом мире они получили по заслугам... К счастью, о возможности такого будущего пока никто не догадывался и искренне верил в неизбежную победу дела Ленина-Сталина...

Так что на демонстрацию пришли все без исключения — даже те, кто в комсомоле не состоял. Несмотря на то, что поутру было еще весьма прохладно, все были в хорошем настроении — сколько себя помнил Михаил, первомайские демонстрации вообще проходили достаточно весело, с каким-то чувством душевного подъема. Целое море красных флагов, транспаранты, портреты советский вождей, где, в отличие от прошлого мира, присутствовал и товарищ Сталин, снующие туда-сюда, располагая школьников в одном только им понятном порядке, учителя, яблоневые ветки и живые и самодельные, склеенные младшеклассниками, цветы, воздушные шары... Все такое давно позабытое, и в то же время словно давно забытое... Как ни крути, последний раз на демонстрацию Михаил ходил еще в университете. Потом, на заводе, это уже становилось больше делом постоянного партийно-комсомольского актива и начальства...

Колонна школы, как обычно, вливалась в общую колонну носившего в этом мире имя товарища Сталина района, куда входили представители всех учебных заведений и трудовых

коллективов... И все вместе двигаются в сторону центра города, к площади Революции. По пути, как обычно, болтали, смеялись, пели песни... Многие студенты, как знал Михаил по опыту прошлой жизни, сейчас уже начинали «заправляться» спиртосодержащими жидкостями — конечно, не до состояния нестояния, а лишь «для сугреву». А вот после демонстрации очень многие будут не прочь малость «стукнуть по конусам»... Впрочем, в студенческие годы таким же способом зачастую отмечали и успешную сдачу экзаменов. Аж ностальгия вдруг при воспоминаниях полезли...

Студентов, кстати, на демонстрации было очень немало... В том числе и весьма симпатичных девчонок-студенток, на кого порой волей-неволей обращал внимания Михаил. Такие молодые, веселые, нарядные, что так и хотелось подойти и с кем-нибудь познакомиться... «И что ты им дашь? — обрывал подобные мысли Михаила ехидный внутренний голос. — Участь жены революционера, которого в любой момент могут убрать те, кто готовит развал СССР? «И вечный бой, покой нам только снится»? Так что ли?» Нет уж, со своей личной жизнью он определился раз и навсегда. Пока он не сделал так, чтобы хотя бы в этой реальности сохранились СССР и социализм, ни о чем таком не может быть и речи! Правда, потом, скорее всего, будет уже поздно, но приносить проблемы другим людям Михаил не хотел совершенно...

Расходились с демонстрации уже каждый сам по себе — плакаты и флаги, у кого они были, складывали в присланный «шефами» грузовик и шли по домам. И вот уж Михаил вновь шел в своей «пролетарской» компании домой — по пути выпили в автомате по стаканчику давно забытой газировки с сиропом, стоившей в этом мире, где не было хрущевской деноминации, соответственно тридцать копеек, погуляли по детскому парку... Погода к этому времени несколько потеплела, светло солнышко — так что бежать домой никто не стремился.

— Как думаете, ребят, — глядя на проезжающую мимо машину со сложенными флагами и транспарантами, вдруг спросила Танька. — К 2000 году построим коммунизм во всем мире?

— Да, ясен пень, построим! — решительно произнес Петька.

— Конечно! — поддержал его Тоха. — Задавим империалистов и коммунизм настанет!

— Американцы — хитрые сволочи, — заметил Михаил. — Они свой пролетариат здорово обманывать научились...

Эх, а ведь когда-то он и сам думал, что вот-вот коммунизм настанет... И, возможно, в тот раз даже сам говорил что-нибудь на счет этого — хотя сейчас вспомнить те события уже и не получалось. Однако сейчас, с опытом прожитых лет, эти рассуждения казались какими-то наивно-детскими, оторванными от реальности. Это была та самая мечта о светлом будущем, которую ловко растоптали, обесценили и уничтожили партийные перевертыши... Однако сказать всю правду Михаил все равно не мог — да и не хотел, по большому счету. Он сам бы с радостью забыл все то, свидетелем чего ему довелось стать, и жил себе спокойно и счастливо. Вот только сможешь ли спокойно жить, знаю про все это жутковатое будущее? Пожалуй, никак не выйдет — если только не успел продать свою совесть...

— Да и хрен бы с ними! — решительно ответил Тоха. — Будущее за коммунизмом — это всем известно! Придет время — будет и в Америке своя пролетарская революция!

— Быть-то будет, конечно, — внезапно достаточно разумно ответил Витька, их комсорг. — Но вот только когда? Сейчас Штаты со всего мира соки тянут, превращаются в мирового паразита. Жируют с того, что другие люди мрут с голоду да от болезней, гибнут в

развязанных ими войнах... Так что с ними справиться непросто будет. Но к 2000-ому году, уверен, справимся и с ними. Если не коммунизм, так уж социализм точно построим.

— А я верю, что не долго буржуям осталось! — ответила Танька. — Вот увидите!

И никто во всем мире еще не мог бы и подумать, насколько эти слова были близки к истине... Так что Михаил лишь мысленно усмехнулся услышанному. Добравшись до дома, Михаил вновь приступил к привычным делам, совершенно не догадываясь о том, что уже ближайшее будущее страны и всего этого мира окажется таким, какое он не мог себе представить даже в страшном сне. И события ближайших лет во многом обесценят и перечеркнут мечты и надежды большинства советских людей...

Перед Днем Победы, отмечавшемся в этом мире 12 мая, у них вновь состоялось комсомольское собрание, где обсуждали план предстоящих мероприятий, решали, кого из ветеранов позвать на предстоящий классный час — и в итоге сошлись на дяде Тохи. В прошлом мире он был уволен из армии по хрущевской демобилизации, в этом — уволился по возрасту. Отец-то Тохи в годы войны был еще пацаном и, как и две старшие сестры, работал в колхозе вместо взрослых, родителей-ветеранов еще нескольких комсомольцев из их класса уже приглашали, а повторения не хотелось. Было, правда, еще несколько — по сути, почти у каждого в семье был кто-то из фронтовиков, но далеко не все из них хотели вспоминать те годы и что-то рассказывать. Как, например, и дядя Михаила, от которого он за всю жизнь не слышал ни одного рассказа про войну! А ведь он всю войну прошел в составе войск НКВД... Или отец той же Вики — офицер-артиллерист, тоже очень не любивший вспоминать те годы... А сколько у каждого из их класса погибших родственников? Затем говорили и об историческом значении победы над фашистской Германией и роли советского народа, вспоминали про товарища Сталина и видных советских военачальников...

А 11 мая вместо последнего урока состоялся классный час, где уже их классная руководительница, тоже как раз историчка, после короткой вступительной речи о событиях прошедшей войны, роли партии, советского правительства и товарища Сталина и, опять же, исторической роли победы над фашистской Германией дала слово Федору Николаевичу — тому самому дяде Тохи. И видеть дядю Федю не древним стариком, а мужиком чуть больше пятидесяти лет, для Михаила было откровенно непривычно. Впрочем, такое же чувство поначалу возникало и по отношению ко всем прочим его родственникам или знакомым из прежней жизни...

К дяде Феде немедленно посыпались самые разные вопросы от одноклассников Михаила... Расскажите, как война началась, а где воевали, что видели и многое другое... И если на одни из них дядя Федя отвечал весьма охотно, то по другим вопросам старался ответить максимально коротко, явно не желая вспоминать в подробностях те или иные события. И Михаилу это было вполне понятно — хотя многие из одноклассников были явно несколько расстроены такими краткими ответами на их вопросы. Однако предпоследний вопрос стал для Михаила откровенной неожиданностью.

— Федор Николаевич, а вы в Югославии тоже ведь воевали? — спросил вдруг Леха.

— Воевал, — согласился дядя Федя. — Только... неправильная что ли та война была. Со своими ведь практически воевали, пусть и с заблуждавшимися... Но и иначе нельзя было.

«Нельзя? Или все-таки можно?» — невольно вдруг подумал над услышанными словами Михаил. С одной стороны, в его реальности ничего подобного не было — правда, и социалистической Югославия была очень условно, постоянно заигрывая с Западом и, по

сути, подрывая единство социалистического блока. И в прошлом Михаилу это очень не нравилось — во всяком случае, с тех пор, как он про все это узнал. Но война... Разве нельзя было как-то обойтись без подобной крайности? Ведь наверняка что-то можно было бы придумать! Или нельзя? Ведь геополитика в этом мире весьма заметно отличающаяся? Увы, этого Михаил сказать не мог. Знал лишь факты о том, что после ликвидации Тито все быстро полетело в тартарары, в стране стремительно разгорелась гражданская война, которую пришлось давить уже силами стран ОВД. Хотя, может быть, это всего лишь на два с половиной десятилетия раньше случились известные ему события развала Югославии?

Последний же вопрос, заданный, неожиданно, Томкой, оказался вдруг про американцев... Дескать, что будет, если те решат начать войну.

— Что будет, — вдохнул дядя Федя. — Пойдем воевать, значит... У нас сильная армия, хорошее оружие. Так что если без атома — любого врага раздавим!

Что-то подобное, как вдруг вспомнил Михаил, в прошлой реальности дядя Федя однажды говорил им, тогда уже студентам... Попутно, правда, кляня «разогнавшего всю армию» Хрущева. Вот только... Воевать с СССР без атомного оружия было бы и впрямь самоубийством, а с применением его — тем же самоубийством, но совмещенным с уничтожением большей части человеческой цивилизации и откатом выживших как бы не в каменный век. А потому сколько бы планов по нападению не рисовали американцы, но на деле они выбрали стратегию на развал СССР изнутри. И на этом пути Союзу не помогли ни атомные бомбы, ни танковые армии...

А потом, после Дня Победы, началась и «финишная прямая» учебы, заканчивавшаяся последними контрольными работами, последними четвертными и годовыми оценками и последним звонком...

Последний месяц учебы оказался откровенно сумасшедшим... Не успели пройти праздники, как на кону уже конец учебы! И, как логично, все на нервах... Очередные, последние, контрольные, усиленная подготовка к экзаменам на консультациях, постоянные напоминания о которых Михаила откровенно задолбали. Ну сказали — и ладно! Как будто они и так не знают? Как будто они и так не знают! Но нет — не проходило и дня, чтобы кто-то из учителей не напомнил про то, что они должны как можно лучше подготовиться к экзаменам, не опозорить честь школы и себя лично, как советского комсомольца. Как обычно, многие в последний момент начинали осознавать, что чего-то не понимают, что резко увеличило число вопросов к выбранным комсомольской организации «наставникам», в числе которых был и Михаил. В итоге времени не хватало ни на что, кроме учебы...

Впрочем, Михаил не унывал — скоро оно все закончится... А пока и впрямь надо как можно лучше окончить школу! Тем более, что в этой реальности у него были все шансы закончить школу гораздо лучше... В прошлом у него за десятый класс было четыре четверки — по истории, литературе, немецкому языку и черчению. К сожалению, немецкий за прошедшее время изрядно позабылся, но на ту же четверку все же вытянуть удавалось. История... В последней четверти у Михаила выходила пятерка, но итоговая — все равно четыре... В отличие от нее, по литературе все же удалось вытянуть обе четверти на «отлично» и с этой же оценкой закончить и год. Ну а черчение... После стольких лет работы конструктором получить по нему четверку было бы просто грех!

Последние дни перед Последним звонком и вовсе прошли в какой-то постоянной беготне и спешке... Последние контрольные, последние уроки, буквально замучившие вопросами одноклассники, последние выставления оценок и итоги года и всей школьной

жизни в целом! Относительно спокойно было лишь на уроках... Получив еще в начале четверти достаточно оценок, теперь Михаил был практически не интересен никому из учителей. Сейчас они всю спрашивали тех, у кого оценок было мало или они были спорными — и надо было срочно наверстать это упущение... Но вот, наконец, и последний учебный день и классный час после уроков.

— Ну что хочу сказать, — глядя на лежащий перед ней на столе журнал, произнесла училка. — Хочу вас поздравить с окончанием десятого класса... Поработали в этой четверти неплохо. Неплохо, хотя некоторые из вас могли бы и лучше! Фамилии называть не стану — они и сами знают. Верно ведь?

С этими словами она отодвинула немного в сторону журнал и, нацепив очки, с суровым видом оглядела класс, порой немного задерживая на некоторых из учеников.

— Ленились ведь? — продолжила училка. — Ленились! Но в целом все же неплохо... Сегодня у нас последний учебный день, завтра последний звонок. Чтобы на линейку все пришли нормально, опрятно, как полагается советским школьникам! Ну а теперь к оценкам...

Пододвинув журнал поближе, историчка начала диктовать оценки по разным предметам за четверть и за год, а Михаил с одноклассниками проставляли их в дневниках. Потом, дружно выстроившись в очередь, ждали, пока училка распишется за них под столбцом. Но вот, наконец, и почти все закончено.

— Год вы закончили, но школу еще нет, — когда все расселись по партам, продолжила училка. — так что не забываем, что консультаций никто не отменял! Впереди еще экзамены, которые вы должны сдать на хорошую отметку! Так что завтра у вас выходной, а дальше чтобы как штык были!

— Понимаем, Ирина Анатольевна! — за всех ответила Анька. — Не подведем!

На том все и закончилось... Хотя нет, в этот день ведь тоже была консультация — по физике! Так что, добравшись до дома и быстро перекусив, Михаил вскоре отправился обратно. Хоть ничего нового он из этих уроков не вынесет — и, похоже, это понимала и сама физичка, — но раз надо, то надо. Можно, конечно, было попытаться с консультацией по физике, но лезть на рожон как-то не хотелось.

Так что на разбор очередного билета Михаил смотрел с откровенной скукой... ответы на имевшиеся вопросы он написал буквально минут за десять — на то, что надо было считать. Теоретические же вопросы... Там и писать было нечего, он и без «шпаргалки» все это знает. А потому просто сидел и от скуки глядел на Наталью Николаевну... С одной стороны, смотреть на еще молодую и симпатичную девушку-учителя было просто приятно. Не на столешницу же глядеть? А с другой — думал, может ли как-то сделать, чтобы их Алла Викторовна никогда не стала директором?

Нет, с одной стороны тут Василий Афанасич еще вполне себе бодрый и здоровый мужик, а не старенький больной дедок, каким он привык помнить его по последним годам учебы в прошлом мире. Так что, глядишь, и проживет гораздо дольше... Но ведь, как ни крути, старость не радость. Он может уйти на пенсию, может чем-то заболеть и умереть, могут тоже сказаться какие-нибудь последствия войны... Как ни крути, тут он тоже воевал — причем, прошел всю войну, тоже имел пару ранений и пусть и более легкую, но контузию. Про это Михаил уже успел вполне разузнать. И хоть ему и хотелось верить в лучше, но вдруг... И где гарантия, что и в этом мире директоров не станет эта же самовлюбленная и лицемерная баба? Вот только никаких реалистичных способов избежать

такого Михаил пока так и не видел... Подставить ее, чтобы выкинули с работы? Но как? Нет, знал бы он способ — сделал бы. Самовлюбленным, старающимся всех загнать под каблук людям в системе образования не место! Достаточно взглянуть, что она из собственных детей вырастила... А уж школа в ее годы и вовсе превратилась в филиал казармы — из-за чего многие родители предпочитали отдавать детей в какую-нибудь другую. Стукачество, придирки по любому поводу, вызовы в школу родителей по самым пустяковым причинам, порой даже откровенная травля учеников со стороны одноклассников и даже учителей стали при ней совершенной нормой жизни. Кадры Алла Викторовна подобрала себе под стать — постепенно выжив или выпроводив на пенсию тех, с кем не сходилась во взглядах. Попутно же существенно ухудшилось и качество образования... И за то, во что превратилась его школа, Михаилу было откровенно обидно. Хорошо, что он этого все же тогда не застал. Чего не сказать о детях нескольких знакомых и родственников, от кого он всю эту историю и знал. Да таким, как эта будущая директорша, максимум полы драить или с метлой по улице гулять! Но никакой возможности он не видел...

К счастью, вскоре консультация все же закончилась — и, отвлекшись от мыслей, Михаил отправился домой. Вместе с ними как обычно шли Петька с Семкой, Тоха и увязавшаяся с ними же Танька. В отличие от них, девчонка шла куда-то к подруге, живущей через пару кварталов после дома Михаила. Как раз в паре домов от Петьки.

— Миш, а ты боишься экзаменов? — на полпути вдруг спросила у него девчонка.

— Экзаменов? — отвлекшись от своих мыслей о будущем, Михаил обратил внимание, что они прошли уже половину дороги от школы. — Неа... Чего их бояться?

Нет, в прошлой реальности он и впрямь боялся плохо сдать... Но сейчас предстоящие экзамены казались каким-то совсем уж мелким и незначительным событием в жизни. Уже сколько он всяких, зачастую гораздо более сложных, экзаменов посдавал! И ничего же... Что такое та же школьная математика по сравнению с математическим анализом или аналитической геометрией в университете? А обычная физика по сравнению с высшей, с той же теоретической механикой или термодинамикой? Да мелочь сушая...

— Ну так аттестат зрелость получать, — пожала плечами Танька.

— Да как два... нефиг делать! — смутившись, что чуть не ляпнул при девчонке про «два пальца обоссать», произнес Михаил. А вот пацаны явно поняли, что он хотел сказать и заухмылялись. — Ничего страшного...

— А мне вот боязно, — призналась Танька.

Естественно, после этого все пацаны принялись убеждать ее, что ничего страшного там нет и получится все «просто зашибись». И вообще их больше пугают предстоящим экзаменом, хотя на деле не так страшен черт, как его малюют. Учителя просто запугивают их! Хотя сами при этом, как видел Михаил, боялись. Но кто в таком при девчонке признается? За этим разговором и прошли остаток пути...

А на следующий день был последний звонок... Среда, теплое солнечное утро... Пацаны в костюмах и девчонки в школьной форме с передниками. Тщательно оглядывающая всех классная руководительница — чтобы на всех все сидело идеально, чтобы ничем не опозориться перед другими. Старательно поправляющие прически одноклассницы и постройка парами в коридоре. Короткий путь по коридору и лестнице на первый этаж и через вестибюль на улицу, где уже были построены все остальные классы. Все официально и торжественно, все в состоянии воодушевления! Стоящий на вытасченной на улицу парте электропроигрыватель, играющий через хрипловатые колонки пионерско-комсомольские

песни, включая не очень-то подходящие под тему линейки «Комсомольцы-добровольцы». Объявлении об открытии линейки и поздравление от директора... Стихи от первоклашек, выступления завуча и их классной руководительницы, подарки цветов учителям и вручения отличившимся похвальных грамот за отличные успехи и примерное поведение с непременно портретами товарищей Ленина и Сталина и ярким, красочным советским гербом. Потом очередное напоминание о предстоящих экзаменах — и, наконец, почти ритуальные слова директора.

— Право дать последний учебный звонок предоставляется ученице 10 класса Светловой Анне.

И вот уж, выйдя к крыльцу школы, Анька берет из рук директора крошечный бронзовый колокольчик и звонит в него, негромким мелодичным звоном... «А ведь такому варианту последнего звонка остается совсем недолго!» — с чего-то вдруг приходит мысль в голову Михаила. Уже совсем скоро появилась знакомая ему по выпускным его детей традиция сажать на плечо первоклассницу, которая будет «звонить» в нифига не звенящий, а скорее неприятно стучащий, громадный жестяной колокольчик. И хоть против самой такой традиции Михаил не имел ничего прочего, но каждый раз его удивляло одно. Почему нельзя дать нормальный бронзовый колокольчик? Однако пока этого не было... Возникший в послевоенные годы праздник последнего звонка пока еще не только не имел четко устоявшейся, стандартной церемонии, но даже и не имел всеобщего распространения по стране. Не было даже четкой, единой для всех, его даты!

— Торжественную линейку, посвященную последнему учебному звонку, объявляю закрытой! — вырвал Михаила из воспоминаний голод директора.

И они начали постепенно расходиться — вот только, как ни странно, радость от окончания школы сочеталась в душе Михаила с какой-то легкой грустью от неожиданного окончания его второго детства... Пусть и не совсем настоящего.

Последнюю неделю перед экзаменами учителя гоняли всех в хвост и в гриву, консультации увеличились по продолжительности до двух с половиной часов и проводились даже в воскресенье, когда у них поставили химию. Все одноклассники Михаила на нервах, боясь, что плохо сдадут экзамены — и только он один спокоен как удав. Для него это все пройдено уже в прошлой жизни. А уж сколько потом экзаменов было... Тем более, что за прошедшие два месяца он уже и немецкий успел вспомнить и теперь уверен, что на четверку сдать сможет без проблем. Тем более, что в университете его им объясняли куда понятнее — по сути, только там он в прошлой жизни в достаточной мере его понял. Увы, но школьные упрощения порой больше путают, чем облегчают понимание... И, вспоминая язык, он вспоминал и про то, что им говорили университетские преподаватели. А уж по остальным предметам у Михаила и вовсе не было никаких сомнений...

— Блин, тебе и впрямь все пофиг? — когда они уходили с последней консультации, по математике, вдруг спросила Вика.

— В смысле?

В первый миг Михаил и впрямь не понял, о чем речь. За годы университета он уже привык не бояться экзаменов и потому сейчас откровенно не морочил голову на этот счет и не замечал отношения одноклассников к предстоящим событиям.

— Да про экзамены я! — пояснила девчонка.

— А что их бояться? — пожал плечами Михаил. — Экзамены как экзамены...

— А если плохо сдашь? — явно удивленная таким ответом, произнесла девчонка.

— Ну пойду на службу в Советскую армию, — пожал плечами Михаил.

В такую возможность он, впрочем, не верил. В прошлой жизни все нормально сдал и поступил, а уж теперь — и подавно... Так что будет опять на военной кафедре изучать СНАРЫ, потом два месяца сборов в «бандеровском краю», где даже в 70-е им говорили по одному из части не выходить, особенно в деревни, хотя официально никакого национализма в тех краях давно не существовало — и вперед, на завод. Так сказать, поднимать оборонную мощь страны — большую часть которой успешно разворуют или порежут на металл пару десятилетий спустя в рамках соглашений о сокращении вооружений и «оптимизации» армии. И, как апофеоз идиотизма, сумеют проиграть войну даже не с НАТО, а всего лишь с Чечней...

Невольно вспомнились рассуждения начала 90-х, когда на полном серьезе говорили о том, что «ваша оборонка никому не нужна», «нерентабельности» предприятий ОПК и том, что мы теперь вообще лучшие друзья Запада и воевать больше не с кем. Когда страну начали распродавать оптом и в розницу — и края не видно было этому беспределу. Ничего не нужно! Купим все на Западе!

— Ты же инженером стать хотел? — усмехнулась Вика.

— Ну вот приду из армии — и без экзаменов поступлю! — усмехнулся Михаил.

Ну как без экзаменов? С одним профилирующим — физикой... Сдал нормально — считай, проступил. Оценки по остальным экзаменам уже и не учитывались. Чуть раньше, как помнил Михаил, такая же ситуация была и с «производственниками», но для них последним годом по такой системе стал, вроде бы, 1965-й. Система показала себя уж больно неудачной. Многие «производственники» и «армейцы» нормально не сдали даже один профилирующий

предмет — в итоге, лимит для «школьников» расширяли и поступали многие из тех, кто, по идее, пройти не должен был. А многие все же поступившие вылетали из университета с первой же сессии... То ли за два года в армии или на заводе слишком многое забывалось, то ли пропадало само желание учиться, но практика показывала именно такие результаты.

— А потом вылетишь? — хмыкнула Вика.

— Ну это все же вряд ли... — ответил Михаил.

— Мне бы твою уверенность, — буркнула девчонка, и на том их разговор закончился.

А на следующий день «понеслось»... Первым экзаменом, как и в той реальности, было сочинение, считавшееся одновременно за русский язык и «литературу письменно». И вот уж снова школа, одетые в парадную форму пацаны и девчонки, букеты цветов, коридор перед классом литературы, где все, переговариваясь друг с другом, ждут прихода училки. Класс литературы, сидящая на «Камчатке» завуч и «выдергивание» билета с темой сочинения. Потом училка рассаживает всех так, чтобы по возможности все пацаны сидели с девчонками — и, желательно, так, чтобы друзей-товарищей поблизости оказалось как можно меньше. И соседкой Михаила оказалась Ирка — еще одна из «мышек» класса, с кем он за все годы учебы перекинулся хорошо если полусотней слов.

Сочинение Михаил написал, как и в прошлый раз, далеко не первым. Сначала все долго и тщательно продумывал, делал кое-какие записи на черновике. Потом писал уже сам текст и долго тщательно проверял его на ошибки... В прошлой жизни по этому сочинению у него было «четыре» за грамотность и «пять» за содержание. В этот хотелось получить две пятерки... Но вот уже все проверено-перепроверено... И, сдав сочинение, Михаил выходит из класса...

— Ну как написал? — окликнул его вышедший парой минут раньше Тоха.

— Да нормально, вроде, — пожал плечами Михаил.

А потом понеслось... Вторым экзаменом была математика, потом физика, химия, литература устно, история и немецкий язык, перед каждым из них — непременно «заключительная» консультация. Устные предметы сдавались или нескольким учителям по данному предмету, или учителю и завучу или директору. Брели билет, готовились и выходили отвечать... Однако все это было как-то словно чем-то мимоходным и не запоминающимся... Запомнилось, разве что, как физичка после того, как он вышел без подготовки, даже не стала до конца дослушивать ответ и поставила «отлично».

— Странно было б, если б ты не знал, — произнесла Наталья Николаевна. — Удачи тебе в университете...

— Спасибо! — кивнул Михаил.

Если в прошлый раз во время экзаменов он даже спать нормально не мог и, казалось, валилось с ног, то на этот раз все прошло словно понарошку, не всерьез... Ну просто не удавалось воспринимать всерьез то, что учили когда-то в школе! Уж больно это все элементарщина по сравнению с университетским уровнем...

Но вот и последний экзамен — и после него они все, «пролетарские», собираются вместе. Школьный двор, где договорились собраться после экзамена... И все уже чувствуют себя взрослыми, не какими-то пацанами и девчонками. Весело делятся впечатлениями о прошедших экзаменах — и уже никто словно и не помнит, что еще совсем недавно боялся их.

— Ну рассказал я ей — а вижу, морщится что-то Васильевна. — говорил Семка. — Думаю уж, хана мне! Тройбан вкатит... А тут она меня вдруг про свойства серной кислоты!

Ну я и разошелся...

— Ага, — хмыкнул Петька. — Ты ж ее свойства на личном опыте изучал...

— А то! — изобразив важный вид, произнес Семка. — С тобой же вместе химичили! Ну и получил я все же четвертак...

— Да херня эти экзамены! — презрительно махнув рукой, говорил Тоха. — Больше пугали...

— Ага, — соглашаясь с ним, авторитетно заявил Петька.

— А ведь закончили мы школу! — вдруг произнес Леха.

— Ага, — с какой-то грустной усмешкой согласилась с ним Вика. — Совсем закончили...

— Ничего! Не ссым, пацаны! Нам еще дохера работать — буржуям сраным во всем мире п...ей навешивать! — изобразив героически-целеустремленное лицо, произнес Леха, и все, включая Михаила, чуть не покатались со смеху.

— Ну ты выдал! — чуть отсмеявшись, произнесла Катька.

— Скажет партия навешивать — значит, навешаем! — ухмыльнулся Семка. — Как дед мой белякам навешивал!

И хоть такой настрой Михаилу в целом нравился, также было и в его мире, но... Вспоминалось и другое. Как вот точно также всю ругали капиталистов, а потом шли покупать их же технику, шмотки...

— Пацаны! — вдруг вынес свое предложение Леха. — А айда по пивку тяпнем? Братан мой в артельку стоняет...

— А, давай! — обрадовался Петька.

Следом его подержали большая часть всей их компании! А вот Михаил вдруг вспомнил, чем в прошлой жизни закончилось это «мероприятие». Пиво тогда им купил тот же лехин брат — вот только отнюдь не в артели, и поначалу все шло так, как и задумывалось. Купили, правда, какую-то кислятину — впрочем, на тот момент Михаил в пиве не понимал еще ничего, но от осознания собственной крутизны всем было на это откровенно наплевать.

Но вскоре они посчитали, что уже стали «реальными мужиками», а не какими-то сопливыми пацанами, и решили пропустить «чего покрепче». Чем стала какая-то купленная у одной из бабок-соседок бормотуха, про которую та говорила, что она «прямо как «Столичная»», за что потом, как все же попробовал самую знаменитую советскую водку, Михаилу хотелось откровенно набить ей морду — ибо нефиг обманывать. И вот когда под вечер они малость поднабрались и осмелели, то с чего-то захотели пойти в кино, хотя, как уже потом осознал Михаил, их бы туда все равно не пустили. На полдороги, по закону подлости, они встретили находящихся в как бы не еще более «зеленом» состоянии «агафоновских», после чего после короткой перебранки состоялся небольшой «махач», закончившийся фингалами у Лехи, Васьки и Димана с их стороны и троих или четверых противников. После чего они уже как победители принялись распозлзаться по домам...

Вспомнилось Михаилу и то, сколько мата он тогда услышал от бати на счет всех их походов — в той речи, что он услышал по приходу домой, цензурными были разве что предлоги — и то даже в этом были большие сомнения, если посмотреть, в каком они были применены контексте. Правда, к некоторому удивлению, уже на следующий день про это напрочь забыли и больше никогда не вспоминали.

Нет, повторять всего этого не хотелось совершенно... Перерос он такие «развлечения». Разве что в драке помочь — но там от трезвого толку будет больше. Так что просто будет

мотаться где-нибудь неподалеку пока не увидит топающих в кино товарищей. Пока же, изобразив глубокое сожаление, пришлось от такого «заманчивого» предложения отбрехаться, сославшись на срочные домашние дела — и это ему удалось изобразить достаточно убедительно. Так что вскоре почти все пацаны с целеустремленным видом направились в сторону лехино дома, а Михаил остался стоять в компании практически одних девчонок...

— А ты что с пацанами не пошел? — когда они почти дошли до места, вдруг спросила Вика.

Почти всю дорогу они прошли в тишине — и постепенно их компания расходилась по домам, кто куда. И когда Михаил уже собирался распрощаться и с Викой, которая в этом месте обычно сворачивала на своей проезд, вдруг спросила девчонка.

— Дела у меня, — уклончиво ответил Михаил.

— Дела? — хмыкнула девчонка. — Думаешь, у других их нет? Да не меньше твоего, небось...

— Откуда я знаю? — пожал плечами Михаил

— Ну-ну, — усмехнулась Вика. — Не захотел ведь...

Отвечать ничего Михаил не стал. Врать дальше было противно, говорить правду не хотелось. Тем более, что все равно любое придуманное им объяснение было бы максимум полуправдой...

— Скоро выпускной, — словно желание отсрочить миг прощания, произнесла девчонка. — Что нас ждет впереди?

— «А в классе строчки классиков заветные другим ученикам теперь рассказывать. Должны мы теорему жизни вечную судьбой своей самим себе доказывать», — грустно усмехнувшись, вдруг вспомнил Михаил слова из старой песенки.

Странно, но именно эти слова почему-то вызывали в последние годы у Михаила наибольшую грусть о случившемся. «Доказали, мать ее!» — мысленно закончил он. Чего доказали? Доказали, что были дураками, позволившими развалить и растащить свою родину? Дали уничтожить то, что с большим трудом строили, создавали отцы и деды? Встали на коленки перед Западом, позволили превратить сверхдержаву в страну третьего мира? И чего добились? Никто и никогда не считается со слабыми, не уважает их. И Михаилу даже было откровенно странно, как Горбачев с Ельциным и их холуями этого не понимают. Даже перестроив страну на капитализм, гораздо выгоднее быть хозяином, а не холопом у чужих господ! Самим решать, что делать, а не слушать указки со стороны. Но увы... Нет мозгов — считай, калека. Погубят эти твари страну — без всяких шансов...

— Это откуда? — вырвал Михаила из раздумий вопрос Вики.

— Песенка такая, — пожал плечами Михаил.

— Не слышала никогда, — удивленно пожала плечами девчонка. — Ты придумал? А что ж молчал?

И только тут до Михаила вдруг дошло, как близко к провалу оказался Штирлиц... Тьфу! Какой Штирлиц? Ни Штирлица, ни «детства последнего звонка» еще не придумано! Это все будет где-то в середине следующего лета!

— Какой я, — усмехнувшись, ответил Михаил. — Из меня сочинитель как из го... грязи пуля. А уж музыкант и подавно. Как и певец, впрочем. У брата моего товарищ один придумал... Тимохой звать.

— А спой всю! — решительно потребовала девчонка.

Конечно, слухом и вокальными способностями его природа ни в той, ни в этой реальности не одарила. Музыкальные способности тоже были на нулевом уровне — так что под музыку он бы спел так, что профессиональные певцы попадали бы в обморок. А уж брэнчать на каких-нибудь на каких-нибудь музыкальных инструментах Михаил и вовсе даже не пытался никогда. Но девчонка все равно была в полном восторге!

— Вот люди! — когда Михаил закончил «как бы пение», фыркнула Вика. — Придумают хорошую песню — и ни слова никому! Завтра же пойдем к Томке, она нам музыку подберет. На выпускном споем, я сама Афанасича попрошу!

И тут Михаил понял, что попал — и теперь от него не отцепятся! Вот уж верно говорят: язык твой — враг твой! Хотя все же попробовал отбрыкнуться...

— Зачем, Вик? Если б Тимоха захотел — он бы сам ее в народ пустил...

— Советские люди имеют право слушать хорошие песни, — на полном серьезе ответила Вика. — Не захочет он, чтобы его называли — пусть все считают, что слова народные...

На том и расстались... Придя домой, Михаил привычно перекусил и, сказав сестре, что поехал в город, через пару часов пошел гулять по району, ожидая появления нетрезвой компании товарищей. Однако прошло вот уже несколько часов, а их все не было видно. Но когда Михаил уже начал нервничать, что где-то пропустил их или что те решили пойти не в «Родину», а в «Темп» и думал пойти к дому Лехи, навстречу ему вдруг попался Семка... Немного подвыпивший, но совершенно не похожий на то, в каком состоянии были они в той, его прошлой жизни, во время своего «похода в кино».

— Здорова, Михан! — обрадовался Семка. — Ты к нам что ли идешь?

— Ага, — согласился с такой версией Михаил. — Думал вон тоже пивка с вами тяпнуть...

— А мы уж все, — с явным сожалением произнес Семен. — Расходимся вон...

Как оказалось в ходе последующего разговора, в этом мире их «мероприятие» пошло совсем иным чередом — так что, в принципе, можно было бы и сходить с пацанами. Ничего такого не случилось бы... Сначала они и впрямь «тяпнули» пива производства какой-то местной артели — причем, Семка всячески нахваливал его. Дескать, государственное-то нормально, конечно, но вот это уж — прямо высший класс! Потом Васька предложил «хлопнуть» чего покрепче, чем в этом мире стала не соседская «бормотуха», а самая обычная водка «саратовка». Стоила она, конечно, куда подороже — но и нажираться до поросычьего визга пацаны ведь не собирались... Так что, пропустив по паре-тройке стопок и закусив салатом, который для них быстренько сообразил Петька, пацаны вскоре стали разбредаться по домам. Чья-то пришедшая по пьяному делу в голову идея о походе в состоянии «алкогольного опьянения» в кино в этой реальности так и не родилась...

А на следующий день Михаила буквально замучили девчонки... Школа в это время уже практически не работала — экзамены закончились, многие учителя ушли в отпуска. Оставалась практически лишь летняя практика — школьники из младших классов под надзором учителей копались в школьном саду, прорезая деревья и поливая грядки с овощами. Однако Вика спросила у директора взять ключи от актового зала, куда они все и направились. И теперь Томка, порой бросая любопытные взгляды на Михаила, пыталась подобрать на фортепиано мелодию к словам, ориентируясь на то, что кое-как «насвистел» парень. А ведь он и понятия не имел, что та в «музыкалке» училась... Причем, судя по всему, даже неплохо. Порой Михаил, вспоминая знакомую по прошлой реальности мелодию, кое-как пытался пояснить, что и как должно быть иначе. И тогда Томка, слегка морщась такому

непонятному объяснению, пыталась изобразить что-то иное — пока не получалось что-то достаточно похожее. А Михаилу, откровенно говоря, было несколько неуютно находиться в компании с девчонкой, которая в прошлой жизни незадолго до окончания учебы признавалась ему в любви... И пусть в этом мире этого не было, да и почему-то почти весь класс уже однозначно считал его «другом» Вики, но это воспоминание откровенно смущало... Тем более, что та тоже была тут, рядом.

Но вот пару часов спустя у них начало получаться что-то более-менее вразумительное — и тогда Вика попробовала по листочку спеть саму песню. И нет... На «Пламя» оно конечно, не походило. Да и по настроению как-то иначе получалось. Звонкий, задорный голос Вики как-то мало вязался с несколько грустным стилем исполнения песни. Скорее он казался каким-то призывным, зовущим вперед... Словно говорящим, что школа-то закончена, но впереди еще столько всего важного и интересного. Вся жизнь впереди! И пусть школа останется добрым воспоминанием детства, но надо идти вперед — бороться и добиваться. И слышать песню в таком варианте было для Михаила откровенно странно, и он все никак не мог понять, почему оно так выходит. Потому, что одно и то же вызывает совершенно разные эмоции у людей разных возрастов? Что для взрослого человека — воспоминание об навсегда ушедшем детстве, то для молодой девчонки — начало нового этапа в жизни, полного надежды и мечты о хорошем и светлом? Мысли о будущем, а не воспоминания прошлого?

Такое расхождение, разница в настроении выглядели для Михаила откровенно странно и непривычно. А еще выглядело словно этакая ехидная усмешка на счет того, что ничего нельзя повторить! Малейшее отличие — и все пойдет уже совершенно иначе. Он не хотел ничего менять, запускать в народы какие-то песни из своего будущего. Но так уж получилось — и теперь уж все равно ничего не изменишь... Да и, глядя на полные восторга глаза девчонок, он уже не смог бы им сказать, что все неправильно и давайте забросим всю эту идею.

— Завтра соберем девчонок! — когда они закончили, произнесла Вика. — Отрепетируем и Афанасичу покажем! Уверена, ему понравится!

Потом Томка осталась в школе, принявшись записывать на тетрадном листке подобранные под песню ноты, а Михаил с Викторией пошли домой. И девчонка, казалось, была просто абсолютно счастлива... Даже спрашивала, нет ли у «Тимохи» каких еще своих песен, но тут Михаил несколько огорчил ее, сказав, что больше ничего такого не знает. Он, конечно, мог бы надиктовать слова и «насвистеть» мелодии еще как бы не одного десятка неизвестных в этом мире позднесоветских песен, но не никакого желания этим заниматься. За одну-то «украденную» песню стыдно было! Хоть оно и произошло практически случайно... Он просто забыл, что ее еще не написали.

— Миш, а кем ты в детстве хотел быть? — на полдороги к дому вдруг спросила Вика.

— Я? — вспоминая детство, произнес Михаил. — Фрезеровщиком.

— Фрезеровщиком? — удивленно переспросила Вика. — А почему не летчиком, моряком, военным?

— Не знаю, — пожав плечами, честно ответил Михаил. — Не всем же героическими профессиями заниматься... Кто-то должен и детали к самолетам и машинам делать.

— А потом передумал? — с интересом спросила девчонка.

— А потом захотелось большего. Решил инженером захотел стать. Ведь все эти машины и самолеты тоже кто-то должен рассчитать, спроектировать, разработать технологию их

создания...

— А я учителем хотела быть, — улыбнулась Вика. — По математике...

— Но тоже передумала...

— Угу... Поняла, что не мое это, — согласилась девчонка. — Решила тоже инженером стать...

Что она сможет стать инженером, и неплохим — это Михаил прекрасно помнил... Так что оставалось лишь пожелать ей счастья. В его памяти Вика навсегда осталась добрым и светлым человеком. И хотелось верить, что в этом мире ей не придется повидать беспредела 90-х и краха Советского Союза.

На том они расстались... А впереди было еще несколько дней на безделье и тот самый долгожданный, но при том и какой-то грустный выпускной. Который он по причуде каких-то «высших сил» сможет повторить...

Выпускной день встречал ярким солнцем и жарой... Пацаны в костюмах, девчонки в платьях или школьной форме с передниками, с различными хитрыми прическами. Все нарядные, красивые. Особенно девчонки стараются выглядеть как можно красивее... А словно выглядят гораздо старше — уже не девчонки, практически взрослые молодые девушки. Со многими пришли родители. И, глядя на все это, Михаил откровенно удивлялся. Странно, но прошлого выпускного он практически не помнил. Он же тогда был в Ленку влюблен — аж около дома ее встречал и весь вечер только на нее и глядел. И почти весь выпускной прошел для него как-то незаметно... Но сейчас до Ленки ему не было никакого дела — и он начинал подмечать многое из того, до чего тогда не было дела.

Первым делом, впрочем, как и в той реальности сделали «выпускную» фотографию класса на школьном крыльце, а уж потом началось и все другое... Сначала — торжественная часть. Украшенный актовый зал, школьники и их родители в «парадной» одежде... Выступления директора и учителей, вручение «аттестатов зрелости», как до сих пор в этом мире назывался документ об окончании школы. Потом буквально совсем крошечный концерт, где выступили и девчонки их класса с песней, что вызвало у всех практически восторг. Впрочем, услышать песню, которую никто и никогда не слышал прежде... Ну еще бы! Даже слышались негромкие шепотки среди родителей — кто-то, как услышал Михаил, даже вдруг вспомнил свой выпускной 1941 года. За, в этом мире, неделю до начала войны... А потом, поздравив всех с окончанием школы, директор завершил официальную часть.

— Семка в туалете портвешку притырил, — когда они выходили из актового зала, тихо шепнул Михаилу Петька.

Странно, но про это он не помнил из той истории совершенно... Хотя одноклассники потом рассказывали. А еще он помнил, что в той истории Федька Тарасов каким-то образом умудрился надраться так, что потом блевал в уличном туалете на заднем дворе школы. Хотя никто и не мог сказать, сколько, чего и, самое главное, как он пронес на выпускной...

— Понял, — тихонько кивнул Михаил.

После официальной части — танцы в спортзале под различные комсомольско-молодежные песни, от которых Михаил предпочитал держаться в стороне, а некоторые пацаны и вовсе успели сбегать до заветного туалета и немножко «принять для храбрости». В один момент то же самое сделал и Михаил — дойдя до туалета, без труда нашел припрятанную бутылку, но пить почему-то не было никакого желания. Так все и оставил на своем месте. Тем более, привычки пить у него пока что не было — хоть и было уже, но особо употреблять до того не приходилось. Это уж потом, в студенческие годы, они с однокурсниками отмечали успешно сданные экзамены «конусами»... Но сейчас, пожалуй, он бы и этого делать не стал — ничего крепче шампанского Михаил не пил уже больше лет пятнадцати в своем мире.

А потом неизменный школьный вальс... Все тот же хорошо знакомый «Когда уйдем со школьного двора»... В прошлый раз Михаил танцевал его с Ленкой — и ни о чем другом не могло быть и речи. Но теперь Ленка ему и нафиг не нужна была — и, похоже, окончательно убедившись в том, она оставила его в покое. За то вместо нее его вдруг пригласила Вика — и после нескольких секунд колебаний он все же согласился. Не захотелось расстраивать хорошую девчонку...

Особым специалистом-танцором Михаил не был никогда, на дискотеки не ходил, не интересовался. То ли стеснялся, то ли просто неинтересно было — на этот вопрос он не смог бы ответить до сих пор. Но если в прошлой реальности Ленка подшучивала над его «неуклюжестью», то Вике было словно все равно. Она лишь смотрела на него влюбленными глазами и ничего не говорила, да и самому ему ничего говорить не хотелось, а на лицо как-то непроизвольно лезла дурацкая улыбка. И Михаилу из-за этого становилось несколько не по себе... Неужели привязался, дурак старый? Старался ж ото всех девчонок в стороне держаться!

А после танцев — стол в классе, где собрались все одноклассники. Салаты, фрукты, разлитые бокалы шампанского. Все довольные, веселые... Все чаще отлучаются «в туалет» пацаны, хотя особо все же никто не напивается. Учителя и одноклассники постоянно вспоминают различные истории из школьного прошлого, многие из которых для Михаила были давным-давно забыты, и весело смеются. Вспомнили, кстати, и того, как он сам на физике начал рассказывать университетский курс — но большинство воспоминаний касались все же других. Потом в какой-то момент в классе зажгли лампы — на улице начало темнеть...

Но вот и одиннадцать вечера... И, выйдя из-за стола, они отправились гулять по полутемным улицам города, родного Сталинского района, продолжая предаваться воспоминаниям... И весьма неоднозначное настроение — вроде, и жалко, что больше не будут учиться вместе. Но ведь впереди еще столько всего!

— Вот интересно, — обращаясь ко всем, говорит Танька, — какими мы будем через пять лет?

А Михаилу вдруг вспомнилась встреча выпускников в 1996 году. Вечер обманутых мечтаний и несбывшихся надежд, безнадежности и безысходности... Вечер тех, кто остался у разбитого корыта, стал чужим в своей же стране. Где даже шутки были с какими-то горькими усмешками... Самый невеселый из всех вечеров встречи его класса.

— Доживем — увидим! — усмехнулась в ответ Катька.

Потом начали говорить о том, кто на кого учиться будет — и тут версии были самые разные! Кто-то шел в Политех и собирался стать инженером, кто-то — в университет, кто-то — в педагогический или даже, как Ирка или Славка Тимофеев, в медицинский... Но большинство все же, как и в той реальности, выбирали технические профессии — и Михаил прекрасно помнил, что из их класса вышло немало инженеров и даже один ученый-химик, будущий профессор. А вот Васька Петренко в его реальности пошел по «партийной линии» и на момент развала СССР занимал какую-то должность в обкоме, а потом лихо перестроился в «акулы бизнеса», став «владельцем заводов, газет, пароходов». Хотя нет. Умирающие заводы его не больно-то интересовали — в отличие от работы «купи-продай», на чем он и неплохо поднялся в 90-е... Или вон два Лехи... Никифоров станет милиционером и дослужится до полковника и уйдет из «органов» в 90-е, а Расторгуев пойдет в военное училище. И в этом мире у них оказались такие же планы... А вот что в военные собрался пойти и Диман — это оказалось неожиданно. В прошлой-то реальности он пошел в Политех, а потом работал где-то в горэлектросети инженером-электриком.

— Хотела б я сказать, что пойду в актрисы, да кто ж меня возьмет? — неожиданно с усмешкой произнесла Василиса. — Так что пойду в педагогический.

— И на кого? — заинтересовался Тоха.

— А на историка, — улыбнулась девчонка.

— А я тоже в пед! — поддержала одноклассницу Анька. — Только на физику...

Странно, но про Василису Михаил не помнил почти ничего. Хотя да, выучиться, будет где-то в школе работать — но при этом переедет практически в другой конец города и как-то незаметно «затеряется», появляясь лишь на встречах выпускников. А ведь Васька-Василиса — она тоже из их компании, из «пролетарских». Когда-то все вместе гуляли, дружили, даже вместе отбивались от «агафоновских»... Тоже, в принципе, неплохая девчонка. Балбеска и мечтательница, но милая, добрая и искренняя. Однако к десятому классу она уже как-то отделилась от основной их компании...

Мечты, мечты... И хоть этого момента Михаил как-то не особо запомнил из своего прошлого выпускного, но когда-то и сам он вот также мечтал стать инженером, работать с электроникой, что тогда считалось ново и современно. Создавать что-то новое, двигать вперед науку и технику Страны Советов, которую тогда никому бы не пришло в голову уничижительно назвать «совком».

Но вот уже ночь приближается к концу — и по одному из проездов они идут на Кумыску, поднимаются в гору... И постепенно разбредаются в разные стороны. Где-то тут неподалеку сейчас должны быть и выпускники других школ района, а то и не только с него, но их поблизости все же не видно. Кто-то украдкой целуется за кустами, кто-то как Михаил смотрит с высоты на огоньки еще спящего города, а кто-то продолжает весело болтать друг с другом. Ночная прохлада почему-то наталкивает на воспоминания о детстве... Еще того, первого, самого настоящего. Где гулял, с кем дружил, как «развлекались» со всякими самострелами и «хлопушками», играли в «войнушку», «догонялки» и «казаков-разбойников», как лазали «позырить» на станкостроительный завод и чуть не попались сторожам. Как все вместе ходили в кино и дрались с «агафоновскими», как летом гоняли на пляж или на рыбалку. Как батя орал матом когда он в очередной раз чего-нибудь «учудит», грозясь «отправить в ПТУ к таким же хулиганам»... и много чего другого, что прошло и не повторится уже никогда. Как там пела Кристалинская? «Не повторяется такое никогда?» Пусть песня и не про то, но эти слова подходят и к детству. Хотя про детство у нее и другая песня была. «И все сбылось — и не сбылось. Венком сомнений и надежд переплелось»... И ведь так и есть! Так и будет! Хорошие все же в советское время песни пели! Не та дичь, что всю поперла в 90-е... И пусть СССР и не был идеальной страной, и Михаил и сам это прекрасно понимал, помня много чего откровенно неправильного и плохого, но это время было как-то проще и добрее, ближе к простым людям. Коррупция, говорите? Да по сравнению с ворами «новой России» 90-х любой советский казнокрад — жалкий неудачник!

— Скоро рассвет, — как-то незаметно подойдя к Михаилу, произнесла Вика. — Последний рассвет, когда мы все вместе...

— Рассвет новой жизни, — задумчиво ответил он.

Странная ирония судьбы... Тот рассвет они ведь тоже провели вместе. Хоть Михаил уже и не мог вспомнить, что и как тогда было, но как раз незадолго до рассвета они с Ленкой почему-то чуть ли не в пух и прах рассорились — и перед рассветом она демонстративно держалась в стороне. А он был слишком обижен чтобы о чем-то ее упрашивать и просить прощение за то, в чем и не чувствовал себя виноватым. Для умного человека оно, пожалуй, могло бы стать и первым сигналом о том, что ничего путного у них не получится. Но он был влюбленным дураком и намеков судьбы не понял... Однако рассвет он тоже встретил с Викой — хоть и совершенно не помнил, о чем они тогда говорили.

— Новой жизни, — с какой-то мечтательной улыбкой произнесла девчонка. — Как

думаешь, какое оно будет... будущее?

— Не знаю, — вздохнул Михаил. — Наше будущее не предопределено. Мы будем строить его сами...

Михаил в очередной раз попробовал вспомнить, каким был тот, его первый выпускной, но получалось как-то плохо... Оно прошло словно как-то в полусне и практически не отложилось у него в памяти. Или он сам вытравил эти воспоминания вместе со всем тем, что напоминало ему про ту дурацкую первую любовь и первую жену? О которых он поклялся себе забыть и никогда не вспоминать... И вернуть те воспоминания уже не особо получалось.

К этому времени почти весь класс уже разделился на несколько групп, каждая из которых заняла наиболее приглянувшееся им место, а где-то сзади находились и следящие за всем происходящим учителя. Каждый был при своих мыслях — и оставалось лишь догадываться о том, кто о чем думает. Даже разговоры кругом практически стихли... В молчанье Михаил с Викторией дошли до склона холма и уселись на траву — может быть, даже в том же самом месте, что и в другой реальности. Впрочем, тут оставалось лишь догадываться... Последний раз их класс собирается вместе. И каждому хочется получше запомнить этот миг...

— Ты в университет пойдешь? — вдруг спросила Вика.

— Да, — коротко кивнул он.

— Я тоже, — совершенно неожиданно произнесла девчонка.

— Почему?

— Я так решила...

— Там сложнее, — заметил Михаил. — И поступить тоже...

— Я не боюсь сложностей, — улыбнулась девчонка.

— Вместе, значит, будем учиться...

— Наверное, — согласилась Вика.

И опять они сидят в молчанье, глядя на ночной город... Но вот на горизонте появляется и начинает постепенно разгораться красная полоска. И встав на ноги и взявшись за руки, они смотрят как где-то из-за горизонта выглядывает солнце, а чуть в стороне то же самое делают и все остальные одноклассники.

— Вот и рассвет. Знаешь... — тихо произнесла Вика. — Вот, вроде, и радостно. И почему-то грустно... И я не понимаю, почему так...

— Прощаемся с детством, — вздохнул Михаил.

Время, когда за них думали мамы с папами, которые могли решить вдруг возникшие проблемы, прошло. И теперь и впрямь впереди взрослая жизнь, где им самим принимать решения и самим же отвечать за их последствия. Мир, где уже не получится решить все проблемы по принципу «собрались и накостыляли обидчику». Взрослый мир — мечта любого школьника, которая зачастую оказывается куда более суровой, несправедливой и даже жестокой. И кто знает, что их ждет впереди? Думали ли такие же мальчишки и девчонки сорок первого года, что скоро все их мечты и надежды раздавит пята гитлеровских солдат, а многие из них так и не вернутся с войны за свободу своей Родины? И пусть пока, вроде, больших войн и не предвидится... Но кто знает, какие еще испытания готовит им будущее?

Глядя на освещенный рассветными лучами город, Михаил вновь думал о том варианте будущего, что он помнил. И так хотелось, чтобы в этом мире было все иначе! А еще почему-то вдруг вспомнилось то, как в прошлой жизни его «любимая-ненаглядная» его тогда пилила на счет того, что он встречал рассвет не с ней, а «с ней». Напрочь забыв о том, что было перед этим и кто стал причиной того, что они рассорились. Как жаль, что не насовсем! Но в этот раз его праздник не был испорчен ни блюющим в туалете Федькой, которого из школы чуть ли не унесли родители, ни той ссорой с Ленкой. И Михаил был этому откровенно рад...

Честно говоря, он вообще не очень понимал, как в их прошлом Федька Тарасов с его дружкой Лехой Роговым вообще оказались в старших классах. Почему те же родители не отправили их в ПТУ учиться? Впрочем, толку из них все равно не вышло. Два будущих вора и бандита... Ну а с Ленкой... Эту ошибку он бы и тем более не стал повторять.

Так что этот выпускной прошел как-то совсем иначе. Спокойнее что ли... И при этом явно куда больше отложится в памяти. Однако вместе с тем было и стыдно перед Викой... Оно-то, вроде, и приятно встретить рассвет вместе с милой, хорошей девушкой, но... Это в прошлом мире он ни о чем не задумывался и понятия не имел про ее чувства к нему. Сейчас же казалось, словно он обманывает девчонку, дает ей ложные надежды. И, возможно, сам того не желая, уже изменил ее жизнь в весьма неопределенную сторону, за что было стыдно вдвойне. Поступит ли она в университет вместо Политеха? Кем будет работать в будущем и чего сможет добиться? Как сложится у нее личная жизнь? Все это теперь становилось загадкой, сходило с известной ему колеи...

— Красиво, — глядя на восходящее солнце, произнесла девчонка.

Михаил украдкой огляделся по сторонам... Чуть в стороне стоят Танька с Некитом, еще отдельно Катька с Тохой. Может быть где-то подальше, за деревьями, был и еще кто-то из парочек. И почти все с какими-то мечтательно-задумчивыми выражениями лиц... Как знал Михаил, уже к этому времени у них в классе более-менее сложились пять будущих пар — вместе с тем, что было у них с Ленкой в этом мире. В этом мире, скорее всего, их будет четверо. Хотя, как он знал по прошлому опыту, лишь Танька с Некитом смогут пронести свои чувства через свою последующую жизнь... Все остальные развелись в течении этих десяти лет после окончания школы.

А где-то немного в стороне расположилась одной группой основная часть их класса. В прошлый раз Михаил отделился от них из-за той самой ссоры с Ленкой и решил прогуляться один. В этом... Наверное, все дело было в восприятии. Он так и не смог до конца проникнуться «духом школы», воспринимая все как-то иначе, более взросло... И потому чувствовал себя несколько чужим на общем празднике. Но вот тот же итог — он встречает рассвет с той же самой девчонкой. Странная ирония судьбы...

— Пойдем, — потянув его за руку, произнесла Вика.

И они пошли — но не к одноклассникам, а куда-то вглубь леса, уходя все дальше и дальше от остальных. Пока, наконец, не вышли к крошечному лесному озерцу... Истоком которого был родник. Дикий», не оборудованный, к которому вела лишь небольшая тропинка совсем не с той стороны, откуда пришли они.

— Бывал здесь когда-нибудь?

— Бывал здесь когда-нибудь? — улыбаясь, спросила Вика.

— Был, — согласился Михаил. — Давным-давно...

И впрямь ведь... Давным-давно. Тридцать два года назад... На выпускном в прошлой жизни.

— Мое любимое место, — произнесла девчонка.

— Красиво, — согласился Михаил. — Только зачем мы сюда пришли?

— Зачем? — хитро прищурилась девчонка — и вдруг, наклонившись к воде, обрызгала его водой!

— Ах ты так?

Удивившись, как он сумел забыть про такую хитрость от Вики, Михаил все же не растерялся и ответил тем же! Или все же в прошлой реальности такого не было? Как ни странно, но ситуация его раззадорила — и еще несколько минут они весело плескались, пытаясь при этом не попасть под «ответный удар», пока оно не надоело. Хотя настроение неплохо так подняло...

— Я сюда прихожу когда хочу о чем-то подумать, — минут через десять, умывшись водой из родника, произнесла Вика. — Хорошее такое место...

— И что, родители отпускали? — удивился Михаил. — Далеко же...

— А я не спрашивала! — улыбнулась девчонка. — Тем более, они все равно весь день на работе...

— А если бы искать вдруг начали?

— Сказала бы, что у подруги была, — пожала плечами девчонка. — Сам-то маме с папой рассказывал что ли, как на завод лазали?

— Нет, конечно, — усмехнулся Михаил.

Ну да... У каждого свои секреты. Мысленно он даже представил себе, что было бы, если бы он сказал про такое... Нет, в том, что услышал бы о себе очень много «хорошего», можно было даже не сомневаться! Как и подзатыльник, а то и несколько, он бы почти гарантированно получил! Но, в дополнение ко всему, его батя всегда считал, что вся дурь — она от безделья. Ну а раз так — надо придумать для сына какую-нибудь такую работу, чтобы ни на что другое не осталось ни времени, ни сил. Что-нибудь из серии «чтоб задолбался». А вот как порботает хорошенько — так и поумнеет! И пусть работа эта будет и не к спеху, а то и вовсе не больно-то нужна, но кому это интересно? Главная-то цель не эта, а воспитательная...

— Ну вот и я не рассказывала, — усмехнулась Вика. — А ты теперь знаешь...

— А холодная-то какая, — тоже умываясь из родника, произнес Михаил.

— Ну а ты чего хочешь? — рассмеялась девчонка.

Однако пора было идти назад, пока их не стали искать... И, в последний раз с сожалением взглянув на родник и озерце, Михаил углубился в лес, отправляясь в обратный путь. В той жизни он не бывал здесь больше ни разу и даже практически забыл про это место... Что будет в этом мире? Как знать... Но вот вскоре они были среди одноклассников, которые уже почти все были вместе.

— Ну вот и все тут, — когда вскоре они собрались все вместе, произнес Тоха. — Ну что, ребят? Простимся со школой?

И, в последний раз взглянув на утренний город, они двинулись в обратный путь... Сначала до школы, а уже оттуда, распрощавшись с учителями, стали расходиться по домам. Последний раз побывали в родном классе и прошли по школьным коридорам. Последний раз посмотрели на посаженные ими деревья на заднем дворе и взглянули на уличный туалет, где многие тайком курили на переменах. И, наконец, распрощались друг с другом на школьном крыльце и пошли по домам...

И вот они снова идут своей «пролетарской» компанией в родные места... Тоже в

последний раз — хотя, конечно, многие из них еще не раз увидятся, но именно таких проходов из школы больше не будет никогда. И по дороге вспоминают, что вот в том месте дрались с «агафоновскими», а вон там Васька брякнулся с дерева и сломал руку... Захотел показать себя офигенным лазутчиком, забравшись туда, где ветки были уже тонкие и не выдержали его веса... А вот тут произошло еще какое-нибудь памятное событие.

Но вот и пришла пора прощаться — но все никак не хочется. И они стоят и продолжают болтать, вспоминая что-то из школьной жизни...

— А айда в кино сегодня? — вдруг предлагает Семка.

— А что показывать будут? — спросила Катька.

— А я сгоняю и гляну!

— А давай! — поддержал его сначала Петька, а затем и все остальные.

И после этого с явно улучшившимся настроением все начинают разбредаться по домам. И теперь самое главное — отоспаться за прошедшую ночь! А то к вечеру они все будут как огурчики... Зеленые и в пупырышках!

— Что, все-таки ты с Викой? — когда они дошли до дома Михаила, а девчонка давно свернула на свою улицу, вдруг спросил Петька.

— С чего взял-то? — вновь удивляясь подобным выводам, спросил Михаил.

— Ну ты ж с ней гулял, — пожал плечами Петька. — Куда ходили-то хоть?

— Да какая разница, куда? — почему-то не желая все рассказывать, отмахнулся Михаил. — гуляли просто!

— Ну-ну... гуляли, — усмехнулся Петька, но больше ничего говорить не стал.

На том они и распрощались, и Михаил, завалившись в дом, быстренько разделся, умылся и завалился спать... Даже есть почему-то не хотелось.

Июнь плавно сменился июлем... И Михаил решил съездить в Москву, посмотреть «альтернативную» столицу Советского Союза. Особых проблем это не составляло — так что в один из дней, взяв билет на поезд, он отправился в дорогу. У родителей тоже особых вопросов не было — батя и так все знал, а мамка решила, что он хочет разузнать на счет московских институтов — хотя и считала это не имеющим особого смысла. Что, у нас в городе университет плохой что ли? Тем более, что там сейчас как раз этих... радиофизиков учат. А электроника — это нынче самое перспективное направление!

— Была бы помоложе — тоже, может быть, на инженера пошла бы учиться, — говорила мама. — Эх, если б не война...

— Если б не война — многое бы по-другому было, — согласился Михаил. — Сама страна другой была бы, наверное, во многом!

— А вот нас бы точно не было... — грустно усмехнулась сестра.

И от таких слов Михаила вдруг чуть не перекоробило... А ведь и впрямь! Они — можно сказать, дети войны... Без которой их бы не было. И, выходит, именно уничтожившая миллионы советских людей война и свела их родителей... будь все иначе — их мамка никогда бы не стала работать в ОТК на авиазаводе, а, закончив школу, пошла бы куда-нибудь учиться. Закончила техникум или даже институт, стала бы инженером или каким-нибудь технологом... И никогда б не встретила с батей Михаила. Он бы женился совсем на другой женщине, у него были бы совершенно иная семья и иные дети... Мама... Она бы тоже вышла замуж за другого, вырастила других детей... А вот самого Михаила, его братьев и сестер, точно не было бы. Как и не было бы многих одноклассников. Той же Вики так уж точно... Странная ирония судьбы!

— Ну я съезжу, посмотрю... А там уж решать буду, — ответил Михаил.

И первая железнодорожная поездка в новом мире не принесла никаких особых сюрпризов... Поезда дальнего следования уже работали на тепловозной тяге. От вокзала его тащил вполне привычного вида тепловоз ТЭП60, хорошо знакомый по прошлому варианту истории. Однако многие местные линии по-прежнему обслуживались паровозами, нередко попадавшимися на всем пути до Москвы. Многие депо так и вовсе еще не переоборудовали под подвижной состав «нового поколения», потому ожидать чего-то другого было бы странно. В прошлой истории, насколько он помнил, последние паровозы исчезли с железной дороги как бы не в конце 70-х годов, хотя уже с начала десятилетия использовались лишь для местных перевозок по малоиспользуемым веткам. Однако сейчас их еще можно было встретить практически повсеместно...

Так что все было вполне привычно... Новенькие вагончики скорого поезда, стандартный туалет и санитарные зоны, граненные стаканы в подстаканниках, любимая верхняя полка в четырехместном купе и вагон-ресторан, где можно поужинать... А, заодно, послушать, о чем говорят люди — тем более, что тут полно командированных... Сам пару раз, бывало, так в командировку ездил. А послушать было о чем... Вот, к удивлению Михаила, какой-то мужчина лет сорока говорит с соседом о том, что в этом году при их заводе собираются открыть «пионерский цех», где смогут поработать желающие из школьников, пионеров и комсомольцев, попробовать свои силы в производстве. Ну, естественно, из тех, кто покажет себя достаточно серьезным и ответственным для этого...

Что откровенно удивило Михаила — в его реальности что-то подобное, вроде, было лишь в Москве, и то очень ограниченно. Другие говорили о развитии производства электроники, машиностроения, химической промышленности... Какой-то инженер с завода зуборезных станков рассказывал про приезд к ним делегации из ГДР — договаривались о сотрудничестве... Еще целая куча самых разных разговоров, из которых нет-нет да выцепишь что-то интересное.

А на следующий день он был в Москве — которая, по сравнению с родным городом, выглядела, конечно, огромной, шумной и избыточно суетной... Сразу с поезда словно подхватывало каким-то людским потоком, весьма заметным даже в дневное время. И вот он уже в метро, едет по станциям сталинской постройки, где в этом мире никто не убирал портреты и высказывания Вождя... На Сокольнической линии — другой Лужнецкий метромост, металлический вместо железобетонного. Так что того позорища с мостом, построенным с нарушением технологии и начавшем разваливаться буквально сразу после сдачи в эксплуатацию, полностью придя в негодность за двадцать пять лет, в этом мире не будет...

Были в этом мире достроены и все «сталинские высотки», включая сданный только в прошлом году, к двадцатилетию Победы над фашистской Германией Дворец Советов. И вид главного здания Советского Союза был откровенно впечатляющим, словно отображая в себе всю мощь и величие первого в мире государства диктатуры пролетариата...

— Вы приезжий, товарищ? — вдруг окликнул его чей-то голос.

— А? — опустив голову, отозвался Михаил. — А почему так решили?

— Да потому, как на Дворец Советов смотрите, — слегка насмешливо глядя на него, ответила незнакомая девушка лет двадцати. — Сразу ж видно — первый раз тут. Откуда, если не секрет?

— Издалека, отсюда не вижу, — усмехнулся парень. — А вообще из Саратова...

— Решили поглядеть на столицу нашей Родины? — мило улыбнулась незнакомка.

«Симпатичная девчонка», — отметил про себя Михаил. Достаточно высокая и стройная, милое личико с глазами цвета неба и пушистыми ресницами, чуть вздернутый носик, длинные, цвета спелой пшеницы, волосы, угадывающаяся под платящем небольшая, но аккуратной формы грудь. Девчонка, можно сказать, в самом его вкусе — чем-то даже напоминает внешностью его вторую жену. «Ладно, хорош тебе тут слюнки распускать! — мысленно усмехнулся парень. — Ну решишь ты к ней клинья подбить... А что потом? «И жили они долго и счастливо?» Да ты ж ее и не знаешь даже! Нет уж, не надо такого счастья...»

— Да вот думаю, у вас тут учиться поступать или в наш родной университет... — уклончиво ответил он.

— А на кого?

— На физика...

— К нам пойдешь, значит? — усмехнулась девчонка.

— А ты откуда?

— Физфак МГУ, на третий курс перевелась. И да, меня Катей зовут...

— А меня Мишей... Очень приятно!

— Взаимно, — улыбнулась девчонка.

Катя оказалась москвичкой во втором поколении... Ее родители приехали сюда в тридцатые годы, работали на подшипниковом заводе. В годы войны были в эвакуации в

Саратове, но позднее вернулись и продолжают работать все на том же месте. Хотя все это Катя знала, конечно, только по рассказам родителей. Сама-то она родилась уже в 1947 году. Училась в школе, участвовала в школьной самодеятельности, ходила в кружки во Дворце пионеров и вообще вела весьма активный образ жизни... Чем сам Михаил и его товарищи не больно-то отличались, предпочитая проводить время за своими уличными развлечениями — и оттого вдруг даже стало несколько стыдно. Про что вот он смог бы рассказать той же Кате? Как помаленьку хулиганили да лазали через забор на станкостроительный завод?

Впрочем, Катя оказалась в целом человеком очень общительным, способным поддерживать разговор буквально на любую тему, и оттого рядом с ней было как-то легко и просто. Но самое главное — Михаил не чувствовал в ней «московской» спеси и пренебрежения по отношению к «понаехавшим». Неужели в этой реальности Москву не превратили в «элитное» место, с привилегиями для «своих» и толпой желающих поехать на заработки в столицу, сделали выбор в пользу более-менее равномерного развития всех областей Союза? Может быть, здесь даже не придумают шуточек про «Московскую ССР» и «столицу на другой планете», не будет взаимной неприязни «московских» и жителей остальных областей?

Нет, в прошлой жизни Михаил бывал в Москве очень немного, а с местными жителями и вовсе почти не общался. Потому его сравнение было далеко от объективности... Но ведь слышал и рассказы других людей! А самое главное — помнил, как в начале 80-х к ним на завод приехала делегация «командировочных» из Москвы. С каким пренебрежением, словно на жалких неудачников, смотрели те на инженеров их завода! Как же хотелось верить, что в этом мире не будет такой «дифференциации» по месту жительства...

То ли он чем-то приглянулся Кате, то ли той просто было скучно на каникулах, но девчонка сама предложила показать ему столицу — и Михаил согласился. Проехались до Красной площади, где зашли в Мавзолей Ленина-Сталина, заехали в ГУМ и ЦУМ, немного прогулялись по историческому центру столицы. А на следующий день девчонка даже предложила вместе доехать до университета, а также побывать на ВДНХ. На чем они и расстались.

Переночевав в гостинице, на следующий день Михаил доехал-таки до МГУ — и хотя идти сюда он и не собирался, но посмотреть на все было интересно... Даже то же главное здание, которое в реальности он видел лишь на картинках. Побывал в приемной комиссии, где для виду навел справки на счет поступления. А потом они с Катей, как и планировалось, доехали до ВДНХ. Здесь Михаил бывал в своей реальности тоже не бывал — хотя и всю жизнь хотелось посмотреть, но ради этого ехать в Москву, тратить время отпуска, не было никакого желания. Уж если куда и ехать, то в этом плане он предпочитал Абхазию... Море, солнце, тепло и все прочее в таком духе... Правда, и там не много довелось побывать — уж больно редко у них с женой отпуска на одно время выпадали. Так что поехать вдвоем не получалось, а одному — что же там делать? Этак ведь даже поговорить не с кем будет...

Однако по рассказам других людей и фотографиям кое-что про ВДНХ Михаил все ж таки знал... и тут было на удивление красиво. Построенные в «сталинском» стиле павильоны, знаменитые фонтан Дружбы народов и «Рабочий и колхозница»... И, глядя на них, Михаил и не догадывался, что, по сути, ВДНХ этого мира была куда красивее той, что он мог бы увидеть в прошлой жизни. Здесь сохранилось многое из того, что, в рамках «борьбы с архитектурными излишествами», в его мире было уничтожено, заменено или перестроено, лишившись своего прежнего облика, ликвидировали гербы республик,

мозаики, горельефы и многие другие декоративные элементы... Посмотрели, что было представлено на выставке, прогулялись по аллеям, немного в кафешке, поели мороженого. И затем засобирались в обратный путь... Тем более, что задерживаться в Москве Михаил не собирался — билет на вечерний поезд у него уже лежал в кармане.

— Ну что надумал? — когда они прощались у метро, спросила Катя.

— Не знаю, — ответил он. — Подумаю... Хотя, наверное, дома останусь.

— Почему? — распахнув голубые, цвета неба, глазища, спросила девчонка.

— Чужим я тут себя чувствую, — почти честно, лишь не став уточнять, что оно относится ко всему этому миру, ответил Михаил. — Дома как-то уютнее все же...

Глядя на этот мир, Михаилу и впрямь казалось, что его присутствие тут как-то совершенно не к месту... Взрослый мужик в теле пацана. Человек, разуверившийся в будущем, посреди верящих во все доброе и светлое, стремящихся как можно скорее построить то самое светлое будущее, которое безжалостно отняли у его родной страны. Кого порой откровенно смешит, а то и вовсе пугает, эта наивная вера в то, что будущее прекрасно и благополучно. Среди тех людей, большинство которых даже не задумывается о том, что главный враг не где-то там, за океаном, а здесь, рядом с нами. Даже несмотря на то, что тут до сих пор считается истиной теория об усилении классовой борьбы по мере движения к коммунизму. И этот враг окажется опаснее и могущественнее, чем стратегические бомбардировщики главного геополитического противника и бороздящие океаны подводные ракетноносцы...

— Может, надумаешь все же? — с явным сожалением в голосе спросила Катя.

— Подумаю, — согласился Михаил, прекрасно понимая, что не станет даже и раздумывать на подобную тему.

— Если что — пиши, — неожиданно произнесла девчонка. — С тобой... интересно. Даже не верится, что только вчера школу закончил!

— Хорошо, — кивнул Михаил. — И прощай.

— До свидания, — улыбнувшись напоследок, произнесла Катя. — Надеюсь, еще увидимся...

Два дня в Москве пролетели на удивление незаметно... Тут и море впечатлений от увиденного, и общение с в целом ему приглянувшейся девчонкой, да и просто достаточно сжатый график поездки, когда сидеть и скучать было особенно некогда. Так что, забрав вещи из гостиницы, Михаил отправился на вокзал — и днем следующего дня был в своем родном городе... И вот уж вновь знакомые кварталы «Пролетарки», знакомый дом и вновь ставшая привычной повседневная работа. Несколько раз к нему забегали школьные товарищи. Пару раз, к удивлению, заходила и Вика — просила разъяснить некоторые вопросы по физике, и отказать ей в этом он не смог. Как потому, что чувствовал свою вину в изменении ее судьбы, так и по чисто человеческим чувствам. Отказ от помощи — это выглядело бы, мягко говоря, просто непорядочно. Не по-советски... и за этим как-то и прошел почти весь июль... Несколько раз, правда, ездил с пацанами на речку или на рыбалку, когда погода стояла получше. И помаленьку готовился к предстоящей в августе сдаче вступительных экзаменов в университет... И никто еще не мог и предсказать, какой резкий поворот скоро совершит их жизнь.

В середине июля по телевизору неожиданно объявили о мощном, в семь баллов, землетрясении на западе США, но ни Михаил, ни кто-либо иной поначалу и не обратили на то особого внимания. Ну тряхануло так тряхануло... Да, было немало погибших и раненных,

обширные разрушения — но ведь это вполне себе типичная картина при подобных катастрофах. Даже Михаил не придавал этому событию никакого значения — запоминать даты всех катастроф он никогда не стремился.

Однако затем в Америке началась целая череда землетрясений с нарастающей мощностью. И хоть никто из окружающих и не придавал тому особого значения, но вот Михаила это изрядно обеспокоило. О таком он точно должен был помнить! Но никаких воспоминаний не было... Неужели в этом мире пошло что-то иначе аж с тектоническими процессами. Но как такое могло быть? Каждый день в новостях сообщалось о новых толчках, разрушениях, о погибших, раненых и оставшихся без крыши над головой. Сообщались просто фантастические, запредельные цифры экономического ущерба. Американцы при поддержке армии и национальной гвардии принялись за эвакуацию населения западного побережья страны

— Слышал новость? — когда они с пацанами и девчонками отдыхали на пляже, вдруг спросил Семка. — Американцы обратились к нам с просьбой о помощи...

— В смысле? — удивился Михаил.

— Да говорят, что там у них п*ц такой, что сами не справляются. Эвакуация там, спасение людей, организация лагерей для беженцев...

— И товарищ Пономаренко согласился? — удивился Диман.

— Ага, — подтвердил Семка. — Сегодня утром по новостям передавали...

— Интересно, что американцы пообещали нашим? — с искренним интересом спросил Леха.

— Вот уж этого не знаю! — усмехнулся Семка. — Но уверен, что что-то нужное!

— Жалко их, — произнесла Катька. — Люди ж тоже, у них и пролетариата своего полно... Только решимости не хватает чтобы козлов-буржуев уничтожить! Эти сволочи-то в сторонке отсилятся, а простые люди гибнут.

— А, может быть, они теперь у себя и устроят пролетарскую революцию? — спросил Петька. — Как увидят, что их буржуям на них наплевать...

А вот Михаилу слушать это было откровенно смешно... Зная историю прошлого мира, он был абсолютно уверен, что никакой революции в США не случится. Сейчас только затихнут землетрясения, все постепенно устаканится, отстроят разрушенное — и будет все как прежде. Разве что громадный экономический ущерб несколько ослабит США. А еще... Там же, на западе США, ядерные объекты! Это что же, теперь там, вполне возможно, уже состоялся свой «Чернобыль» с выбросом огромного количества радиоактивной дряни? И теперь ее всю разносит по планете? И от этого становилось ка-то жутковато...

Однако больше ничего особенного не сообщалось — хотя вскоре и впрямь стало ясно, что в СССР готовят спасательную экспедицию в разрушенные землетрясениями западные штаты США, где будут работать совместно с американскими экстренными службами. Говорилось о миллионах пострадавших, десятках, а то и сотнях, тысяч погибших. И Михаилу и впрямь становилось интересно — что же все-таки американцы предложили Советскому Союзу за помощь? Какое-нибудь дефицитное оборудование? Технологии? Или что-то еще в таком же духе?

Однако в остальном все шло тихо-мирно... В начале августа Михаил пошел сдавать вступительные экзамены в университет. Первым экзаменом была математика письменно... Которую Михаил не боялся совершенно — хотя многие поступающие буквально тряслись. Как та же Вика...

— Тебе что, и впрямь все о лампочки? — удивлялась девчонка.

— Я просто знаю, что сдам, — отвечал он. — И ты будь уверена в себе... Все ты знаешь, самое главное — не растеряйся.

— Странный ты человек, Миш, — усмехнулась Вика. — Ведешь себя так, словно каждый день на экзамены ходишь!

— Я просто не позволяю страху взять верх над собой, — отвечал он, тихонько глядя девчонку по спине — и та, прижавшись к нему, постепенно успокаивалась. Прямо как тогда с Ленкой — только та вылетела в первую же сессию, а на следующий год поступила на исторический. Где в дальнейшем и нашла себе «любовничка»...

Но вот их и запускают в аудиторию, они берут билеты и, рассаживаясь, начинают писать экзамен. И Михаил, ожидаемо, сделал все первым и, сдав, вышел в коридор, где и стал ждать Вику. Которая вышла одной из последних...

— Ну как?

— Думаю, сдала, — гораздо более уверенным, чем до экзамена, голосом отвечала девчонка. — Ты-то как так быстро?

— Да что там особо делать было, — отмахнулся Михаил. — Я и посложнее задачки решал...

— Когда? — не поняла Вика.

— Когда готовился...

Потом были математика устно, физика устно и сочинение — хотя последнее экзамен в зачет и не шло. Нужно было лишь сдать его не на двойку. А вот отбор проходил по результатам трех основных... и тут Михаил был абсолютно уверен в том, что наберет все пятнадцать баллов. Того, что случится буквально через несколько дней, тогда еще не мог представить никто в целом мире... День 9 августа 1966 года начинался обыденно — и еще никто не мог и подумать, что вскоре он разделит всю историю мира на «до «и «после», изменив до неузнаваемости весь мир...

— Слыхали, пацаны, в Америке вулкан здоровенный рванул? — когда Михаил пришел на очередной экзамен, буквально сразу услышал он разговор поступавших.

— Что за вулкан? — не понял он.

— Как его- то назвали? — почесав в затылке, ответил один из пацанов. — Лонг-Вэлли, вроде. Я как раз из дома выходил когда — по радио передавали...

Название Михаилу не говорило ничего. Ну да как придет домой — узнает подробности... А пока ему бы сдать предпоследний экзамен! Да и Вика чтобы сдала тоже... а то ведь стыдно перед девчонкой будет, если из-за него не сможет поступить!

Когда трамвай слегка трянуло, никто поначалу ничего не понял... Михаил так и вовсе подумал на счет схода с рельс. Однако вот он остановился, однако небольшая вибрация продолжалась и после остановки, и это было откровенно странно. Вот уже вышедший из кабины водитель сказал, что вагон дальше не пойдет из-за обесточки, а вскоре неожиданно взвыли сирены гражданской обороны... «Что за хрень? Что происходит?» Именно это, наверное, в первый миг подумало большинство жителей города... Выйдя из трамвая, Михаил осмотрелся по сторонам... На первый взгляд, ничего такого. Все точно также, как и было минутой назад.

— Б*, война что ли началась? — неожиданно произнес какой-то мужик из пассажиров трамвая.

— Какая война? — зашикали на него две выползших следом бабки. — Что чушь-то мелешь!

— Дык это, — растерянно произнес мужик. — С американцами!

«Твою мать! — неожиданно подумал Михаил. — А вдруг и впрямь?» Ведь то, что в его мире ничего такого не было, еще не значит, что тут все будет точно также. А вдруг и впрямь минут через двадцать на город начнут падать американские атомные боеголовки? Вдруг американские буржуи решили, что Советский Союз стал слишком опасен, что иначе его уничтожить не получится, и решились начать ядерную войну? А он даже не знает, где тут ближайшее бомбоубежище! Впрочем, если даже найдет бомбоубежище, если пересидит там атомные удары — что толку? Даже если их эвакуируют в какое-то более-менее чистое место, то как пережить ядерную зиму на руинах цивилизации? Но, кажется, в массивах «сталинок» должны быть бомбоубежища... А они вон неподалеку... Минут за семь-восемь добежать можно. Значит, что? Хватать Вику и бежать туда? А другие люди? Что им скажешь, как объяснишь? Не поверят ведь!

В этот миг раз земля под ногами словно слегка качнулась... Несильно, но достаточно чтобы заметить. Опять начали раскачиваться ветки с проводами — и Михаил понял, что, к счастью, это все же не атомная война. Иначе сейчас бы он уже, как минимум, видел вику взрыва где-нибудь на горизонте. Но землетрясение у них в области? Откуда? Почему? У них же сейсмически спокойный район! Однако буквально через минуту он получил подтверждение — когда из домов повалили люди, обсуждавшие только что полученное по радио сообщение. Испуганные, растерянные... Но почти все твердили про землетрясение.

— Откуда землетрясение? — удивленно глядя на Михаила, произнесла Вика.

— Не знаю, — ответил он. — Так, пошли по домам... Осмотрим, не развалились ли, но внутрь пока не заходим. Вдруг толчки повторятся...

Решив так, они двинулись вдоль трамвайной линии в сторону дома... По пути то тут, то там стояли вагоны — остановились посреди линии и дальше не поехали. Пассажиры их уже разбрелись кто куда, оставив в одиночестве водителей, и у одного из них Михаил спросил, что случилось. Вдруг уже какие подробности известны стали...

— А хрен их знает! — отшвырнув в сторону докуренную сигарету, произнес мужик. — Землетрясение... Свет, говорят, отключили... Жди теперь, когда снова подадут.

Пару раз по дороге видели лежащие на земле оборванные упавшими с деревьев сломанными ветками провода ЛЭП, которые, на всякий случай обходили подальше

стороной. И всюду кругом — толпа растерянных людей, кто вышел из домов и стоял в растерянности, не зная, можно ли уже вернуться. И Михаилу даже стало интересно — как бы повели себя в такой ситуации люди, живущие в сейсмических зонах? Жаль, никогда не интересовался. А над городом все также раздавался вой сирены...

К тому времени, как они добрались до дома, все вроде бы утихло — но где гарантия, что толчки не повторятся? И не факт, что повезет как в Ташкенте в апреле, когда, несмотря на все разрушения, число погибших оказалось очень невелико. И все же отчего? Когда они подошли к дому Вики — ей тотчас бросилась младшая сестра. Томка, как помнил Михаил. Девчонка одиннадцати лет.

— Вик, ты пришла! — радостно кричала она. — Мне так страшно было! Посуда звенит, пол трясется! По радио говорят про землетрясение!

— Ну ничего же не случилось? — успокаивала сестру Вика. — Видишь же — все хорошо, да?

После того, как Томка подуспокоилась, а пережитый испуг более-менее прошел, они вместе прошлись вокруг домов и сараев, осмотрев их на предмет повреждений — однако ничего страшного с виду не случилось. После чего, поскольку Вика ни в какую не хотела оставаться ни одна, ни вдвоем с сестрой, двинулись в дальнейший путь, дойдя еще до пары одноклассников и, наконец, добрались до дома самого Михаила, но везде все было в порядок... Никаких трещин, обрушений, просадок заметно не было. Лишь несколько разбитых стекол в окнах... Так что можно было считать, что отделались легким испугом. Эх, новости бы еще посмотреть... Но зайти в дом Михаил как-то не решался. А вскоре, гораздо раньше времени, пришли с работы родители — сказав, что их распустили по домам.

— Электричества нет по всему городу, — сообщил новость батя. — Так что делать мы все равно ничего не можем... Да и опасно, говорят, в цеха заходить. Ждут особого распоряжения.

— Что хоть говорят о произошедшем? — поинтересовался Михаил.

— Да ни хрена толком никто не знает! — почти огрызнулся находящийся явно не в духе Василий Петрович. — Говорят, что из-за американского вулкана, наверное. Да, б*, где мы и где эта сраная Америка? И ждать чего — никто не знает! На ТЭЦ пар сбрасывают, заводы останавливают. В цехах половина стекол повылетала!

— А про вулкан что говорят?

— Говорили, что рвануло там хорошо, на несколько тысяч мегатонн точно, — ответил батя. — Мощнейшее извержение в истории человечества! И с Америкой связь после этого почти пропала. Никто не знает, что там вообще сейчас происходит!

Остаток дня прошел в напряжении... Все люди кругом были на нервах, никто толком не знал, что происходит вокруг и чего ждать дальше. Лишь под вечер, наконец, сообщали, что можно возвращаться домой — убедившись, что нет трещин или каких других повреждений...

По дому гулял сквозняк, избавиться от которого было практически невозможно. На полу в кухне лежала попадавшая со столов битая посуда — пара тарелок с чашками. К счастью, было еще достаточно светло — так что пока мама с сестрой убирали осколки стекла и керамики, Михаил с батей отрывали штабики и вытаскивали из оконных проемов оставшиеся там осколки стекол чтобы затем заменить их на новые. Потом, так как света так и не дали, мама с сестрой принялись делать котлеты из лежавшего в холодильнике мяса, чтобы то не успело испортиться, а на ужин доели так и не съеденный в обед суп. Вечер прошел при тусклом свете «летучей мыши», в атмосфере неопределенности. По работавшему

радио сообщали о землетрясениях по все территории Советского Союза... Три-четыре балла на большей территории Европейской части РСФСР, БССР и УССР, пять-семь баллов в Урале и на Кольском полуострове. До восьми-десяти баллов в Средней Азии, Закавказье и на Дальнем Востоке, где сообщалось о масштабных разрушениях, наводнении на Курильских островах. Сообщалось о перебоях с электроснабжением во многих регионах, остановках заводов, приостановке сообщения по железной дороге, повреждениях огромного количества мостов... И при этом не назывались даже приблизительные цифры о пострадавших и причиненном катаклизмом ущербе. Похоже, что пока эти цифры не могли даже толком оценить... Сообщалось также и о возможности падения мелких «метеоритов» из выброшенных извержением камней — в связи с чем призывали всех сохранять спокойствие и не поддаваться в панике: несмотря на все произошедшее, советское правительство уже предпринимает меры по скорейшему восстановлению нормальной жизни в стране.

За то сообщалось о новостях, поступивших таки из США — и там, судя по всему, дела обстояли в разы хуже. Десяти-двенадцатибалльные землетрясения, огромные разрушения, полный паралич экономики и путей сообщения, падения извергнутых вулканом кусков скал, выпадение пепла... Кроме того, ожидалось обширные кислотные дожди — в связи с чем уже даже сами американцы считали, что минимум треть, а то и половина, страны однозначно потеряна и в ближайшие годы вряд ли может быть восстановлена. Число погибших уже сейчас оценивают в десятки миллионов — как от самого вулкана, так и от прочих последствий извержения вроде вызванных ими землетрясений, наводнений, выброса ядовитых газов на большую территорию... И сейчас американское правительство спешно пытается эвакуировать тех, кого еще есть надежда спасти. И по сравнению с этим разрушения в СССР и впрямь выглядели не столь уж большими.

Прода

Ночью спалось как-то плохо — а вдруг сейчас снова тряханет? Однако было все спокойно... Проснувшись поутру, Михаил первым делом включил работающее радио... Вещание, как обычно, начиналось с исполнения гимна — только сразу следом за ним вдруг последовало обращение к народу Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Пономаренко. Вкратце охарактеризовав положение дел в стране — разрушения от землетрясений практически по всей стране, особенно сильные в Средней Азии и на Кавказе, в Приморье и Восточной Сибири, остановка большинства промышленных предприятий, повреждение ряда объектов транспортной системы, нарушение работы системы энергоснабжения, он заявил, что силами МВД, гражданской обороны и Советской Армии уже предпринимаются меры по спасению пострадавших от стихии и восстановлению нормальной жизни в стране. Ну о пока... На всей территории СССР объявлялось о введении чрезвычайного положения. Устанавливались нормы выдачи продовольствия «в одни руки», а в наиболее пострадавших районах — выдача всего необходимого по карточкам, создавались лагеря для временного размещения оставшихся без крова, вводились усиленные меры охраны социалистической собственности. Всем пострадавшим предлагалось обращаться в райисполком, где будут решаться вопросы распределения строительных материалов и ряда товаров первой необходимости до тех пор, пока не будут устранены последствия произошедшего катаклизма.

— Трындец... — дослушав обращение, ошарашенно произнес Михаил.

«Что теперь будет-то?» — так и укрутилась в голове единственная мысль. Хоть пока

никто и не сообщал точно о масштабах разрушений, да и, по всей видимости, их еще и толком не успели оценить, но что привычная жизнь закончилась — можно было даже и не сомневаться... В его истории Советский Союз рухнул и без подобных потрясений, а что будет теперь? И оттого становилось как-то жутковато... А он-то думал, что попал в СССР, лишенный ряда так осточертевших ему в прошлой реальности недостатков и теперь уж развернется! Будет СССР спасать! А что теперь-то делать?! Твою дивизию! Неужели какой-то американский вулкан способен устроить ТАКОЕ??? «А ведь если сейчас, буквально за пару-тройку дней, власть не сумеет хоть как-то взять под контроль положение, не начнет налаживаться нормальная жизнь — начнется паника! — вдруг подумал Михаил. — И тогда... Пиши пропало! Не будет больше никакого Советского Союза! А что будет — жутко даже предположить...» Так что если в ближайшие дни люди не увидят, что жизнь начинает налаживаться — потом может оказаться поздно.

Следом за товарищем Пономаренко неожиданно выступил председатель облисполкома товарищ Бочкарев... По сути, конкретизировав слова главы государства в плане положения дел по области, отметив произошедшие в ряде районов города и области оползни и проседания грунта, приведшие к повреждению зданий, сооружений полотна автомобильных и железных дорог, он заявил, что, однако, они не столь уж масштабны и будут устранены в кратчайшие сроки. Нарушен подвоз товаров из других частей страны, однако в области имеются достаточные запасы всего необходимого для нормальной жизни. Кроме того, уже с завтрашнего дня начнется постепенное восстановление электроснабжения — после того, как сотрудники электросетей проверят оборудование и убедятся в безопасности. После чего будут восстанавливать работу промышленных предприятий... До того же, как будет восстановлена нормальная работа коммунального хозяйства, в городе организуют подвоз воды автомобилями, в столовых на предприятиях организуют выдачу горячей пищи нуждающимся в ней членам семей работников.

Потом родители ушли на работу, а Михаил с сестрой так и остались сидеть дома, не зная, что делать дальше... Лишь через пару часов он решил выйти прогуляться — посмотреть, что вообще происходит кругом... В родных местах поблизости, можно сказать, было все как прежде. Разве что нигде не было электричества, а у магазинов, где при свете керосиновых ламп работали продавцы, выстроились длинные очереди, ну а на дверях появились листки с указанием того, сколько чего выдается в одни руки. И, как вскоре оказалось, такое же положение дел было даже у артельных магазинов! Слышались недовольные крики каких-то бабок, и практически все говорили о произошедшем вчера.

— Америки, говорят, вообще нет! — говорил какой-то парень, явно студент. — Там так долбануло, что весь континент разорвало!

— Да брешешь ты! — отвечал ему кто-то другой. — В новостях же про Америку говорили...

— Бомбу, говорят, они новую испытывали... Энту, как ее... титаническую, во! — говорил какой-то пацан лет пятнадцати. — Ее вот и рванули! Нам на голову...

— Слышали, что товарищ Пономаренко говорил? — говорил какой-то дед. — Скоро, говорит, все как прежде будет! И Америка нам больше грозить не станет!

— Да брешешь ты! — оборвала его еще стоявшая впереди бабка. — Ничего он про Америку не говорил!

— Жопой чую, мужики, что это надолго! — вдруг вступил в разговор мужик средних лет. — У меня сват в Улешах живет... Говорит, на берегу Волги оползень был! Речного

вокзала больше нет!

— А на Кумыске оползни? — присоединилась к нему какая-то женщина. — Дорогу завалило, ЛЭП обрушило...

Послушав еще немного, Михаил решил прогуляться по окрестностям и посмотреть все лично... Кумыска, говорят? Что ж, это недалеко совсем... С этими мыслями он и двинулся в сторону горы — и вскоре и впрямь наблюдал последствия одного из оползней... Заваленная толстым слоем земли дорога, вывороченные деревья, пара поваленных столбов... И хоть на месте уже работал трактор, но до конца работы ему было еще далеко. Прошелся еще немного вокруг — и оползней оказалось немало, многие из которых никто и не торопился убирать, поскольку вроде как никому и не мешали...

Плюнув на все, Михаил двинулся в сторону Волги, попутно замечая откровенно унылое настроение у попадающихся навстречу людей... И это в теплый, солнечный августовский денек! Все также на путях стояли трамваи, которые охраняли какие-то работники ТТУ, изредка навстречу попадались автомобили — в основном, грузовики. В одном месте Михаил стал свидетелем того, как ремонтируют оборванную упавшей здоровенной веткой ЛЭП, на грузовой станции слышались свистки тепловозов, но движения по железной дороге было не заметно.

Но вот и берег Волги... И там впечатление оказалось еще более печальным. Еще не доходя реки сначала показались здания со свежими трещинами, некоторые из которых уже осматривали какие-то представители власти, а дальше, на берегу... Там уже были и откровенные разрушения — часть земли со всем, что было на ней, попросту сошла в реку. В районе заводского аэродрома так и вовсе в реку сошли несколько десятков метров железнодорожных путей. Поселок Лесопильный оказался наполовину разрушен — и сейчас жители пытались спасти их полуразрушенных домов то, что еще можно было спасти.

— Тряхнуло б ночью — там бы все и остались! — услышал Михаил голос женщины. — Я только выбежать успела, как за мной все рухнуло!

— А у меня пять свиней погибло! — говорил ей в ответ какой-то мужик. — Пришлось милиционерам отдать — на мясо, говорят, пойдут, а нам компенсацию выплатят. По закупочной цене...

— Говорят, поселок пойдет под отселение! — послышался голос какого-то деда. — Жили-жили, а теперь съезжать придется...

— Да виданное ли дело — чтобы у нас трясло так! — возмущалась еще одна женщина.

А чуть ближе уже железнодорожники ломали забор аэродрома, явно собираясь строить обход сошедшего в реку участка путей. А ведь... «Твою ж дивизию! — мысленно выругался Михаил. — Движение через реку — того-с... Даже если сам мост цел, то подъезды к нему по-любому разрушены! Сошли в реку». Вот и она — причина такой спешки... Явно ж без всякого четкого плана начали работы — просто потому, что велено как можно быстрее восстановить движение. А уж там будет видно — станет ли новый путь временкой наподобие военных железных дорог или новым постоянной дорогой... Если надо будет — потом уж и переложат в соответствии со всеми ГОСТами.

Обратный путь занял куда меньше времени — теперь-то особо разглядывать было уже нечего... И так все увидел. Разве что кое-где замечал ведущиеся коммунальными службами восстановительные работы, да уже в районе Комбайна заметил, что из трубы находящейся неподалеку ТЭЦ-1 валил густой черный дым... Похоже, как и было обещано, начинали

запуск электростанции. На мазуте — резервном топливе... А когда он уже был около железной дороги — по путям простучал колесами короткий поезд путейцев.

— Здорова, Мих! Ты куда делся-то? — уже на подходе к дому вдруг окликнул Михаил Семка. — Мы с пацанами тебя ищем-ищем!

— Здорова, Сем, — ответил Михаил. — А что такое?

— Комсомольское собрание сегодня в пять! — сразу огорошил Михаила товарищ. — В райкоме, сказали, кто не явится — выгонят нафиг!

— Буду, конечно, — согласился Михаил.

«Ого, даже так!» — мысленно присвистнул он. Не иначе, как что-то, связанное с произошедшим катаклизмом будут обсуждать... Хотя мысли и у него у самого были откровенно мрачные. Он прекрасно помнил, как Советский Союз развалился даже без подобного масштаба катаклизмов... А что будет теперь? От такой перспективы буквально вставали дыбом волосы, но... «СССР не развалился в годы войн и разрухи, а рухнул в, с виду, тихие и спокойные времена, — вдруг мелькнула в голове мысль. — Недавно ведь еще война была!» Внезапно вспомнилось осадное положение в Москве... Когда жесткими мерами смогли задавить панику, которая грозила стать причиной падения столицы и привести если и не к поражению в войне, то очень тяжелый для страны последствиям — точно. Неужели скоро нечто подобное доведется увидеть... повсюду?

Обедали они с Машкой в какой-то звенящей тишине, о чем-то говорить не было особого желания... Слишком мрачное было настроение у обоих. Так что, покидав в себя остатки хранившегося в погребе, поскольку холодильник не работал, супа, Михаил вновь вернулся к своим мыслям.

Извержение вулкана... Что он знал про них? Землетрясения, вулканические бомбы, выброс отравляющих газов и пепла в огромном количестве... Американцам сейчас точно не позавидуешь. Объявленные ими несколько миллионов погибших может оказаться еще мелочью. Раз уж даже тут, в СССР, потрянуло... Но как оно скажется на всем мире в целом?

Лонг-Вэлли... Нет, такого названия Михаил не слышал никогда. Но... Помпеи, засыпанный пеплом город. Кракатау, извержение которого уничтожило целый остров. А еще... «Тамбора! — вдруг вспомнил как-то прочитанную по случаю статью Михаил. — Год без лета!» Но Тамбора — восемьсот мегатонн мощность взрыва... А тут — несколько тысяч мегатонн! Мощнейшее извержение в истории человечества, как уже сообщали в новостях... Значит, год без лета повторится — и как бы не в ухудшенной форме! Неурожай, карточки, голод — вот что ждет их в следующий год! Были, правда, надежды на запасы Госрезерва, рассчитанные на то, чтобы пережить ядерную войну, но, насколько Михаил слышал, в 60-е годы они еще были не столь уж и велики... Не то, что позднее, спустя пару десятилетий — когда сама страна, как ни крути, стала куда богаче, с более мощной экономикой, с нефтью, деньги с продажи которой можно было потратить на закупку продовольствия, поскольку собственное сельскохозяйственное производство откровенно «хромало» из-за бесхозяйственности как на местах, так и на самом высоком уровне, где превратили должность министра сельского хозяйства в «опальную»... Да и как считали объемы этих запасов? На все население? Или исходя из того, сколько должно выжить после ядерной войны? Этого он тоже не знал... Значит, особо рассчитывать не стоит. Если урожай следующего года погибнет, то запасов хватит лишь на то, чтобы не помереть с голоду. Стоит исходить из этого... И от такой перспективы сразу стало жутко...

Но что сделать? Как поступить? Как классические попаданцы написать письмо

Генеральному секретарю? Ну да, а там, наверху, дурачки что ли сидят? Хотя надо попробовать... Срочно изучить все, что известно про извержения вулканов, написать аналитическую записку и отправить в секретариат ЦК КПСС... Утрутся ей? Вполне возможно! Но попробовать надо... Только никаких бредней про «попаданцев»! А то и читать не станут — сразу в психушку запрут... Пусть считают за его анализ. Ну и, наглеть так наглеть, попросить предоставить доступ к максимально полной информации об извержении. Дескать, желает уточнить свой анализ. Пошлют лесом? Скорее всего! Но в легенду о неравнодушном комсомольце, решившим проанализировать случившееся дабы помочь партии и правительству, такая просьба будет очень хорошо укладываться.

С этими мыслями он вновь пошел на улицу, решив прогуляться по городу. И где-то после обеда словно все и впрямь начало малость оживать... На улицах появилось больше машин, возобновилось движение по железной дороге «север-юг», в сторону Волгограда — где, похоже, критических повреждений не было. Во всяком случае, на каком-то весьма приличном по длине участке. Иначе откуда бы буквально один за другим проехали пара грузовых поездов? Хотя и было подозрение, что это лишь начали вытягивать то, что застряло на перегонах... А на проспекте Энтузиастов вдруг встретилась целая колонна из военных ЗИСов с солдатами и специальной строительной техники.

А потом пришла пора идти на комсомольское собрание, куда собрали всех комсомольцев Сталинского района, а сразу по окончании всех формальных процедур к ним неожиданно обратился незнакомый военный.

— Ситуация в стране тяжелая, товарищи, — прямо заявил он. — Огромные разрушения, особенно в Средней Азии и на Кавказе, куда сейчас для спасения пострадавших отправлены силы армии, милиции и пожарной охраны. Повреждено множество мостов, разрушены дороги, целые районы оказались отрезаны от снабжения, практически парализована работа многих промышленных предприятий. И все это в конце лета, накануне осени! Поэтому Коммунистическая партия Советского Союза и советское правительство приняло решение обратиться за помощью к комсомольцам и коммунистам страны.

— Мы организуем строительный отряд Сталинского района, — продолжил первый секретарь райкома. — Наша Советская Родина в опасности! Мы обязаны в кратчайшее время восстановить нормальную жизнь в стране!

Споров никаких не было... За предложение проголосовали единогласно. Все комсомольцы решили, что восстановление страны сейчас — задача первоочередная. Кто не хочет — может прямо сейчас положить на стол комсомольский билет! Исключение делать лишь для тех, кто нужен по месту работы! Так что обсуждали лишь то, куда их отправят и что они будут делать... Однако на этот вопрос однозначного ответа никто дать не мог. Это будет понятно уже потом, когда придут соответствующие распоряжения...

— Тогда завтра день на сборы — и послезавтра всем явиться сюда, — под конец сказал первый секретарь.

Возвращались домой все в мрачном настроении... Что Михаил с Машкой, что его товарищи-одноклассники. Раз уж партия и правительство обратились с таким к ним, пацанам с девчонками, — значит, в стране и впрямь все плохо. Но неужели настолько?!

— П*ц, — когда они уже подходили к домам, вдруг прокомментировал Петька.

— Он самый, п*ц, — согласился Семка.

— Как думаешь, куда нас отправят? — спросила вдруг Катька.

— Да хрен его знает, — пожал плечами Семка. — Дороги, может, какие

ремонтировать... Бери больше — кидай дальше, отдыхай пока летит.

«А ведь, похоже, скоро в этой реальности стройбат перестанет быть предметом шуток», — вдруг подумал Михаил. Если уж сейчас именно на него ляжет одна из основных работ по восстановлению разрушенного...

— Поживем — увидим, — с грустной усмешкой произнесла Вика.

Когда Михаил пришел домой, родители были уже дома... Как оказалось, сегодня у них на заводе, в виду отсутствия электричества, буквально всех задействовали на ремонтных работах... Убирали мусор и битые стекла в цехах, заколачивали чем попадется под руку, пустые проемы, проверяли исправность измерительного инструмента, часть которого попадала со стеллажей, готовились к предстоящему со дня на день запуску производства. А еще, как приятный сюрприз, уже вечером дали свет...

— ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2 запустили, — пояснил батя. — На мазуте... Говорят, газопровод надо сначала проверить, боятся пока его давать в город. А вот с ГРЭС непонятки какие-то... Она ж на берегу Волги практически. Там, говорят, еще ремонтировать что-то надо будет.

— А что говорят вообще?

— Да ничего хорошего, — пожал плечами Василий Петрович. — В городе человек десять погибло, раненых сотни три. Говорят, дамба у железнодорожного моста поползла... Не меньше месяца на ремонт уйдет. По всей стране одно, другое разрушено...

Потом, включив телевизор, смотрели новости — единственную передачу, которую сегодня передавали по телевидению... Показывали сюжеты из разных областей и республик, говорили о предпринимаемых правительством мерах, показывали въезжающие в полуразрушенные города военные колонны и тушащих пожар на НПЗ где-то в Закавказье пожарных, вновь транслировали обращение Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров товарища Пономаренко, обращение министра государственной безопасности товарища Шелепина, говорившего об усиленных мерах по защите социалистической собственности, предотвращению мародерства, саботажа и провокаций. И буквально несколько слов о положении в мире в целом... Третья часть США практически уничтожена — там теперь не осталось буквально ничего живого. Потери оцениваются в десятки, причем ближе к сотням, миллионов погибших — а могло быть и того больше, если бы не предшествующие землетрясения и эвакуация... Масштабные разрушения даже на восточном побережье. Сильно пострадала Куба, которую, помимо землетрясений, накрыло наводнением. Потери пока не успели оценить даже приблизительно. Сообщалось также, к удивлению Михаила, о падении выброшенных извержением камней аж на территории Советского Союза — правда, то были лишь мелкие камни размером не больше куска щебня, но кое-где они побили шиферные крыши и стекла в домах. Выпадения пепла и сернокислотные дожди почти по всей территории Северной Америки.

— Миш, а у вас чем оно закончилось? — когда они уже вылезли из-за телевизора, вдруг отвел Михаила в сторону и задал вопрос батя.

— У нас такого не было. Я сам в шоке от того, что сейчас происходит...

— Не было? — удивился батя. — Ин-те-рес-но... Но ведь планета та же самая!

— Та же самая, — согласился Михаил. — А потому и геологические процессы должны быть такими же. Но все равно...

«Неужели недавно озвученная недавно в «Клубе путешественников» версия американских журналистов о связи землетрясений с испытанием ядерной бомбы в США —

правда?» — вновь подумал Михаил. Тогда, буквально несколько дней назад, эту версию ученые оценили как крайне маловероятную... Как ни крути, в мире уже проводилось немало испытаний — в том числе, гораздо более мощных зарядов. И хоть теоретически такое и можно допустить, но... Слишком много случайных факторов должно совпасть для таких последствий! Потому эта версия была объявлена журналистскими домыслами, попыткой раздуть сенсацию. И Михаил был с тем вполне согласен... Тем более, в его родном мире не было что ли этих испытаний? Были наверняка... Как и многие другие... Да и что такое три мегатонны для процессов геологического масштаба? Или все же и впрямь случилось то самое крайне маловероятное стечение обстоятельств?

На том день и закончилось — вскоре все легли спать... А почти весь следующий день Михаил провел в областной научной библиотеке, читая статьи про извержения вулканов и строча свою «аналитическую записку» со ссылкой на них. Не успел, впрочем... Тем более, что еще предстояло собраться в «поход»... Ну да время еще все же есть, успеет написать. Заодно, подкинуть что ли идею ядерной зимы? Или сочтут полным бредом и после нее и читать не станут всего остального? Нет, это лучше уж потом. Если и впрямь предпосылки будут. Впрочем, Михаил сильно сомневался, что в плане последствия извержений сможет «открыть Америку»...

На третий день после начала извержение в городе, на первый взгляд, уже ничего не напоминало о произошедшем... Работали магазины, ходил транспорт, начали работать заводы... Вот только это был именно первый взгляд. Если же присмотреться поподробнее... Тут забиты чем попало выбитые стекла, там работают коммунальщики или присланные заводами ремонтные бригады из сотрудников, а вот там — трещина в доме. И рядом уже валяются привезенные откуда-то трубы, летят искры электросварки, а люди копают траншею по периметру — стягивать будут и фундамент укреплять... Дом признали годным для дальнейшей эксплуатации — во всяком случае, временно. Но им не до того... Вся их комсомольская бригада, погрузившись в пятнадцатый трамвай, едет на вокзал. С вещами, с едой на дорогу... Привычно стучат вагоны, проносятся мимо картины города — и, опять же, с виду все как обычно. Может быть, и впрямь ничего такого не будет?

И все же... Все же... В голове так и крутится слово «Тамбора». Извержение того вулкана привело к понижению средней температуры на величину от половины градуса до градуса. И этого хватило для неурожая! Но как соотносится то извержение с этим загадочным Лонг-Вэлли? Да, если в следующем году снова будет неурожай, своей сельхозпродукции окажется мало, придется закупать за границей... то есть — весьма приличный экономический ущерб стране. Которая находится в состоянии Холодной войны! А ведь, с учетом происходящего в США, у них с продовольствием еще хуже дела будут! Тогда... А хватит ли на всех?

Движение на железной дороге весьма непривычное... Почти нет пассажирских поездов, грузовых тоже непривычно мало. Но при этом то и дело по путям проносятся то ремонтные составы, то военные эшелоны с грузовиками, БТРами и спецтехникой... И, в основном, все они едут куда-то на юг. Похоже, туда, где самые большие разрушения. В Закавказье, в Среднюю Азию... Впрочем, и тут тоже кое-где ведутся работы. Однако особо долго ехать им не пришлось... Полдня пути, за которые проехали пару сотен километров — и вот они уж выгружаются на крохотном полустанке, где их бригаду ждет небольшая колонна ЗИСов...

— У нас в колхозе половину домов развалило, зернохранилище разрушило, — по пути поинтересовался у одного из мужиков Михаил. — Вот обещали комсомольцев прислать на помощь...

— Техника-то есть? — спросил парень.

— Да в том-то и дело, — подал плечами мужик. — Что с МТС прислали — все в поле. Уборочная в самом разгаре! Кое-что военные подкинуть обещали, но у них и своих проблем сейчас полно...

Село, в которое они приехали, стояло на берегу Волги — вдоль которой, как предположил Михаил, и пошла сейсмическая волна. Оттого зрелище сейчас было невеселое... В одном месте случился оползень, а стоявшие неподалеку дома превратились в груды развалин, порой опасно накренившихся к образовавшемуся обрыву. Здесь даже доставать вещи из них было слишком опасно... Куча полуразрушенных домов, на тех, что подальше от берега — трещины в стенах немногих кирпичных зданий, покосившиеся деревянные. Неподалеку полуразрушенные кирпичная школа и зернохранилище, где колхозные подростки собирают ведрами рассыпавшееся зерно.

А чуть дуть дальше, на окраине, — целый лагерь из наспех поставленных палаток и

даже шалашей... Куда поселились люди из поврежденных и разрушенных домов. И работают, в основном, подростки и женщины — мужики в большинстве своем заняты полевыми работами.

— Сейчас урожай не соберем — пропадет все! Только нам даже хранить его негде толком! — на короткой «политинформации» объявил председатель колхоза.

Что делать им? Ну, в первую очередь, надо восстановить зернохранилище! Потом — дома. Какие можно — отремонтировать, какие нет — хотя бы землянки построить, где можно было бы зиму пережить. Ну или какие-нибудь домики... Техника? Ну есть автокран на базе ЗИСа-157 да военные обещали технику прислать кое-какую — только работать на ней пока некому. Пока пришлют мобилизованных специалистов...

Кстати, да — тут Михаил услышал и про очередные приказы советского правительства... Придя к выводу, что наличных сил не хватит на то, чтобы в положенный срок восстановить все разрушенное, принято решение провести мобилизацию целого ряда специалистов в инженерно-строительные части. А по сути, всех тех, кому не дадут бронь от предприятий — ибо восстановление работы промышленности тоже сейчас одна из первоочередных задач. Кроме того, объявили о введении карточной системы распределения ряда продовольственных и товаров народного потребления сроком на три месяца, до восстановления нормальной работы транспортного хозяйства. Впрочем, с этим соседствовали и хорошие новости... Сообщалось о восстановлении электроснабжения во многих городах и селах, возобновлении работы целого ряда заводов из важнейших отраслей промышленности и железных дорог на целом ряде направлений.

Наконец-то появились и более-менее отчетливые сведения о происходящем за океаном... В США, Канаде и Мексике громадные разрушения, полностью парализована работа транспорта, остановилась промышленность. Число погибших уже оценивали не менее чем в миллион человек, а беженцев — в десятки миллионов. Власти пытаются создавать лагеря для беженцев и организовать их снабжение хоть чем-то минимально необходимым, но не хватает ни сил, ни возможностей. Во многих местах уже началась анархия, а города охватила волна грабежей и мародерства... На многие базы в других частях света отправлены приказы о немедленной отправке на родину большей части контингента. К удивлению Михаила, американский президент Никсон даже обратился к руководству СССР и стран ОВД с обращением на счет того, что «в сложившихся условиях» надо позабыть про разногласия и сосредоточить все силы на преодолении последствий стихии... Ибо случившееся несчастье — угроза всему человечеству. Хотя в СССР, похоже, не очень-то верили старому противнику — точнее, понимали, что сейчас американцам и впрямь не до противостояния, но долго ли такое положение дел продлится? Полгода? Год? Два?

Да, на территории США, Канады и Мексики ни о каком восстановлении электроснабжения городов, промышленности и транспорта пока не шло и речи. Там все куда хуже, чем в СССР... Хотя американское правительство и обещает, что зимовать под открытым небом никому не придется. В местах, где сохранился порядок, людей расселяют даже по противоатомным убежищам и уцелевшим заводским цехам и конторам... Кроме того, сложилась проблема с уборкой урожая — значительная часть фермерской техники была выведена из строя или повреждена, сложилась проблема с поставками горючего. В связи с чем американцы приняли решение отправить на уборку урожая чуть ли не вручную все тех же беженцев и закупить продовольствие за границей... Прежде всего, разумеется, в Южной Америке. «А станут ли наши закупать или понадеются на свои запасы?» — подумал

на этот счет Михаил. Тем более, что в этом мире с сельским хозяйством дела явно получше обстояли, чем в его реальности...

— Есть среди вас водители, сварщики, механики? — спросил тем временем председатель колхоза.

Звали его, как уже знал Михаил, Иваном Алексеевичем — и в деревне он явно пользовался уважением... Похоже, толковый мужик, уж он-то за несколько лет деревенской работы успел насмотреться на то, как относятся к бестолковым выскочкам.

— Я водить умею, — вызвался в этот раз Михаил.

— На ЗИСе ездил? — заинтересовался председатель.

— Есть немного опыт, — подтвердил парень.

В своей реальности, работая «инженером-механиком» у фермера, он научился водить и 131-й ЗИЛ, и даже трактор «Беларусь», несколько раз даже заменял больных «синей болезнью» водителей, даже с КРНом, междурядным культиватором, работать малость довелось... Со сваркой дело тоже имел, но тут уж совсем немного. Ну а механиком — это уж и подавно. Только как объяснить такие знания у пацана? И с вождением-то оно не больно-то укладывается... Кстати, сварщиком неожиданно вызвался Семка. Как он уже потом пояснил, батя научил — сам сварщиком на стройке работал.

— Отлично! — обрадовался председатель. — Для вас работы еще найдется...

В это время в деревню въехала небольшая колонна автомобилей — как выяснилось, везли стройматериалы... Кирпич, швеллера и трубы, мешки с вольским цементом. Кстати, как там теперь заводы-то? Василий надеялся, что если и не возобновили еще работу, то оно ненадолго затягивается. Но сейчас было не до того — надо было как можно скорее помочь с разгрузкой автомобилей. И они принялись скидывать с кузовов прямо на землю привезенный стройматериалы. Разве что девчонкам нашли работу полегче — кого готовить на всех еду, кого помогать потихоньку развалины от всякой мелочевки разгрести... день стоял теплый, солнечный — так почему бы и не поработать как надо? Какие-то часа полтора — и вот уж машины отправляются в обратную дорогу.

Остаток дня пролетел как-то незаметно... Вот они таскают с места на место всякий хлам, а вот уже — ужин... Прямо на траве, на полянке у околицы. И какая-то простенькая каша кажется самой вкусной едой, какую тоже модно придумать. Вот читают привезенные днем из города газеты, где пишут о последних новостях в стране и области... Вот, например... «Восстановлено электроснабжение 60 % населенных пунктов области». Включая почти все города... Новость неплохая — если только не задумываться на счет того, какая доля домов в этих городах получила электричество. Что-то подсказывало, что при подсчете по объектам все будет не так радостно. Хотя Михаил и не сомневался в том, что работы идут вовсе. Чай не в ельцинские времена живет... Хотя вот у них электричества в деревне не было — электрики еще не восстановили поврежденную где-то ЛЭП.

А вот сообщается о ходе уборочной — и о том, что случившийся катаклизм не приведет к существенному сдвигу сроков что ее, что осенней посевной. Весь урожай будет убран в срок! И вот еще... Восстановлено регулярное движение по железной дороге от областного центра до Тамбова. Сообщается, что в течение максимум полутора недель пойдут и поезда на Москву. Хотя под Москвой в некоторых местах разрушения были куда заметнее, чем по области. Специалисты осмотрели конструкции железнодорожного моста через Волгу и прилегающих к нему дамб. Но тут срок восстановления движения составит полтора-два месяца. Что еще? Ах да... Учебный год в школах начнется в срок, а вот всех студентов тоже

отправляют в «командировку»... В ряде городов страны, где разрушения больше всего, силы милиции усилят армейские патрули из старослужащих. Приказано пресекать любые проявления мародерства и бандитизма, причем по вооруженным бандитам разрешено стрелять без предупреждения. Аналогично разрешено поступать и с бежавшими из тюрем — причем, в указе на счет этого прямо указано на прецедент с ашхабадским землетрясением, где беглые завладели даже тяжелым вооружением. Вместе с тем, правда, осужденным по «легким» статьям предлагалось искупить свою вину работой в специальных ремонтно-строительных бригадах...

Потом ставили присланные армейские палатки, где и разместился их комсомольский отряд... Естественно, отдельно пацаны и девчонки. Все уснули буквально сразу же — и лишь один Михаил дольше чем до полуночи сидел и дописывал «аналитическую записку» для Политбюро, точнее Президиума, пытаясь максимально четко аргументировать свое видение ситуации... В частности, предложив начать максимально быстро строить тепличные комплексы, разработав для этого типовые модульные конструкции, и закупить как можно больше продовольствия за границей. Что там еще? Ах да, зима будет наверняка очень снежной... А потому — специальная снегоочистительная техника. Развернуть как можно шире ее производство! И, самое главное, немедленно ввести самые жесткие меры борьбы с вредителями, саботажниками, расхитителями социалистической собственности, спекулянтами...

Прода

Следующее утро не принесло никаких сюрпризов... Так что, поев приготовленной на полевой кухне каши, их комсомольская бригада приступила к дальнейшей работе... Михаил вместе с Петькой цеплял к крану обрушившиеся железобетонные балки перекрытия зернохранилища, 3 которые сваливали в стороне. Семка с еще несколькими пацанами готовились стягивать здания, в стенах которых пошли трещины. Готовили здоровые уголки на углы дома, приваривая к ним проушины, варили резьбовые шпильки к привезенным из города трубам. Другие готовились поднимать домкратами просевшие деревянные дома, для чего сейчас копали канавы около фундамента.

В целом, к некоторому даже удивлению Михаила, все шло весьма неплохо... Впрочем, погода хорошая, тепло, солнечно... Почему бы и не поработать? Уставали, правда, сильно, но ведь все понимают, что это еще зачтется в будущем, по комсомольско-партийной линии. А это в жизни может очень неплохо пригодиться! Да и в их классе народ-то привычный был, чай почти все «из рабочих», многие и сами будущие пролетарии Страны Советов... Так что неделя пролетела как-то почти незаметно — отметить можно было за это время лишь то, что Михаил отправил-таки свою «аналитическую записку». Только дойдет ли она до Политбюро? Станут ли ее читать? Оставалось надеяться на то, что сидят там не дураки и, с его письмом или без него, все верно просчитают и примут нужные решения. На неделе прислали и немного техники из запасов — и теперь Михаил на ЗИСе и еще несколько мобилизованных из ближайшего городка пареньков-водителей постоянно мотались в город... Туда везли зерно, обратно — стройматериалы и запчасти.

К середине недели, наконец, в деревню пришло электричество, которое подали в несколько наиболее уцелевших домов — и теперь по вечерам собирались и слушали новости по радио. И новости были самыми разными... Так, например, в областном центре заканчивали подготовку к запуску поврежденной землетрясением ГРЭС, уже возобновили работу многие заводы — хотя оставались и свои проблемы. Например, возник дефицит

оконного стекла — завод «Техстекло» не справлялся с нужными объемами, а из других мест привести тоже нечего было. Самим не хватает! И это еще без учета разрушений на юге страны... Впрочем, там о стекле думать пока рано было — восстановить бы пути сообщения и дома... В Армении с Азербайджаном одних только разрушенных или серьезно поврежденных мостов счет шел на сотни! И уже было понятно, что до зимы с этим никак не успеть. Вместо тех же мостов строили различные «временки», начиная с понтонных или легких деревянных конструкций и заканчивая подвесными. С сельским хозяйством там тоже было все плохо — значительная часть техники была повреждена или уничтожена прямо на МТС. Топливо в некоторые места приходилось доставлять аж на ослах! На помощь взрослым работникам сельского хозяйства пришли комсомольцы и даже пионеры...

Кроме того, было повреждено нема нефтяных скважин и шахт, что грозило дефицитом топлива. И хотя всю велись работы по восстановлению добычи, но уже сейчас в стране вводился режим экономии топлива. Талоны на топливо были изъяты из свободной продажи и теперь выдавались лишь в том, кому в том была необходимость в райисполкоме. В то же время, восстановилось движение ряда пассажирских и пригородных поездов, городского транспорта...

— Как думаешь, надолго это? — как-то вечером после ужина спросила у Михаила Вика.

Девчонка у них работала на кухне — хотя в свободное время точно также помогала на вспомогательных работах. Готовила она, кстати, достаточно неплохо... Ну хотя она ж своя, «из пролетариев», не какая-нибудь избалованная господская дочка! Эх, как теперь сложатся их жизни? Такая, казалось бы, успевшая стать привычной и понятной реальность в один миг разбилась на куски, грозясь похоронить их всех под осколками прошлого... Чего ждать от будущего? Не скажут точно, наверное, даже товарищи из Политбюро...

— Не знаю, Вик...

«Никогда!» — хотелось сказать Михаилу, но не смог. В том, что что-то непоправимо изменится, он был абсолютно уверен. Такие потрясения не проходят незаметно... Вопрос лишь в масштабе последствий. Но как скажешь такое искренне верящей в то, что все будет хорошо, девчонке? Но самое паршивое — Михаил вдруг понял, что начинает привязываться к ней. Вот и сейчас... Вышли, вроде, немного прогуляться за околицей после работы. Но ведь чувствуется, что и для нее это не «просто так», да и для него тоже! Хоть Михаил и упорно старался гнать прочь все лишние мысли. Пусть даже самому такая позиция порой казалась какой-то трусливой... Но... Иначе просто не получалось.

— Так хочется, чтобы все стало как прежде, — тихо произнесла девчонка. — Чтобы как раньше...

— Я тоже, — согласился Михаил. — Но... Я не знаю, что теперь будет. И никто, наверное, не знает.

— Говорят, порушено столько, что и за год не восстановишь...

— Знаю, — согласился парень. — Но я больше боюсь другого... Голода.

— П-почему? — удивленно подняла на него свои глаза девчонка. — Уборочная, говорят, нормально идет. Посевная...

— 1816-й, год без лета, — пояснил Михаил. — Примерно такое же извержение было... точнее, это даже сильнее гораздо.

— И что думаешь?

— Я написал письмо в Президиум... Надеюсь, там примут все нужные меры. Не по моему письму, так сами.

— Примут, конечно! — улыбнулась девчонка. — Там же сам товарищ Пономаренко! Да и не при царизме ж мы живем! У нас вон техники одной сколько, лучшая в мире наука... вот увидишь — все хорошо будет!

Эх, как бы Михаилу хотелось самому в это верить... Вот только дальше случилось то, чего он уж совсем никак не ожидал. Вика вдруг подошла к нему поближе и, чуть привстав на цыпочки, неумело чмокнула его в щеку.

— Ты чего, Вик? — от неожиданности чуть ли не отскочив в сторону, обалдело спросил Михаил.

— Я люблю тебя, Миш, — полушепотом, опустив глаза, произнесла девчонка.

— Ты это... серьезно? — удивленно произнес парень. — И... Давно?

— Угу... С седьмого класса...

И Михаил не нашелся ничего кроме как трусливо сбежать... Да и что он скажет? Правду? Не поверит... Решит, что с ума сошел просто... Врать? Но он всю жизнь ненавидел ложь... Тем более, что женщины зачастую очень хорошо ее чувствуют. Даже такие вот, еще маленькие... А, может быть, именно такие в особенности. Но что еще скажешь, если она ему и впрямь нравится, но он не может воспринимать ее как женщину из-за разницы в возрасте? Все же после перемещения он чувствовал себя пусть даже не на полтинник, но уже лет на тридцать — точно... А ей — семнадцать! Настоящие семнадцать. Как ни крути — «малолетка»...

А потом вновь понеслись обычные рабочие будни... К середине августа они уже не только разобрали зернохранилища, но и начали отстраивать его заново, частично используя для этого старые конструкции. И все шло словно прекрасно! Пока не ливанули дожди...

Дождь, дождь, бесконечный дождь кругом... Дождь, которому, кажется, не т и не будет конца и края. Дождь, который превратил поля, дороги, все вокруг в сплошную слякоть. Дождь, мешающий нормально работать... Все это в полной мере мог бы сказать Михаил про этот сентябрь. Вот и опять...

— Сели, Михан! — пытаюсь перекрыть шум дождя, кричит рядом Тоха. — П*ц полный!

— Да вижу! — приоткрыв кабину и высунувшись наружу, отвечает Михаил.

Не опять, так снова... Уже не в первый раз. Не помогают даже одетые на колеса цепи... И, похоже, теперь без трактора уж точно не обойтись... А ведь ему груз надо доставить на место! Щебенку... И ничего не поделаешь! Ссыпать ее здесь и выехать налегке нельзя!

Накинув на себя присланную родителями из дома куртку, Михаил выпрыгнул на улицу, и сапог моментально наполовину утонул в вязкой грязи. С трудом выдирая ноги, протопал назад и огляделся... Так и есть! Сидит их ЗИС глубоко и надежно! И непонятно, чем его теперь вытаскивать отсюда. С собой у них есть дрова на такой случай... Но поможет ли? Остается лишь надеяться да пробовать...

Проклиная проклятых американцев и их вулкан, Михаил принялся доставать чурбаки. Увидев это, к нему присоединился и Тоха — принялся домкратом приподнимать колесо дабы подсунуть под него палку. Домкрат тоже тонет, но и под него свой чурбак... Сначала одно, потом с другой стороны. Все вымазались, вымокли — но вот все готово... Небольшой рывок — и машина выскакивает из ямы. Лишь для того, чтобы проехать несколько метров. Повторить еще раз! А потом еще один. Но вот после третьего самое болото заканчивается — тут уже можно хоть и медленно, осторожно, но ехать. Но вот, наконец, и место назначения — очередная деревня, где сейчас работает их бригада, ремонтируя мост местного значения. К огромному счастью, ехать сегодня уже никуда не надо. Вывалив щебенку, Михаил отогнал машину к дому культуры, где разместили их поредевшую комсомольскую бригаду. Быстро переодевшись и повесив сушиться рабочую одежду, сел погреться к растопленной печи, около которой сейчас собрались комсомольцы.

— Сегодня Петьку в город отправили, — сразу же «обрадовал» Михаила Семка.

— Что с ним?

— Воспаление, говорят...

Ну да, болел в их бригаде уже каждый третий. Воспаления легких, бронхиты, ангина... У кого что. Многие остальные, впрочем, тоже неважно себя чувствовали. У кого кашель, у кого насморк, кто спину застудил... Лишь температуры не было. Хотя кое-кто, как подозревал Михаил, искусно симулировал — и тоже получили больничный. Один такой вчера отъехал домой, в город. Вместе с Викой — но у той-то ангина... Впрочем, он уже слышал, что в городах забиты буквально все больницы, срочно разворачивают военные госпитали в школах. Как в войну прямо! Только без всякой войны и стрельбы... Всего лишь из-за какого-то вшивого вулкана! «Гигантский вулкан», как теперь говорили по радио.

— Понятно, — кивнул в ответ Михаил.

Тоже, скорее всего, в военный госпиталь отправят... Да, больных нынче и впрямь очень много стало. Кого-то отправляют по домам, для чего к пассажирским поездам стали прицеплять санитарные вагоны, а кого-то и сразу в больницу... Особенно часто в число

последних попадают те, кто пытается храбриться и до последнего работать. Даже несмотря на то, что недавно бригадир им в открытую заявил: заболели — обращайтесь сразу к фельдшеру! А то и сами вы не больно-то наработаете, и врачам лишнюю проблему создадите. И это еще если все хорошо будет... Но находятся упрямые! Кто верит в то, что переболеет «на ногах» и ничего не будет!

Впрочем, ситуация в стране была хуже некуда... Видел Михаил, что в тех же городах творится. Всюду грязь, потоки воды, местами уже подтопившие дома, что заставляет отвлекать силы на срочное строительство водоотводных канав. Во многих местах — перебои со снабжением из-за раскисших дорог. Порой в деревнях по несколько дней к ряду не бывает электричество — если в очередной раз где-то порвет провода поломанными ветром ветками, а у электриков или работы полно окажется, или не получится быстро добраться до места аварии. В городах получше, но и там тоже невесело... и все то же дикое количество больных всюду — на всех непромокаемой одежды не хватает.

Но даже это — лишь максимум четверть всех бед... Сорвана напрочь посевная, практически по всему Союзу. Трактора банально не могут выйти в поле! Немало разрушенного категорически не успевают восстановить. Особенно на юге страны, куда пришелся самый сильный удар стихии... В Армении с Азербайджаном и Грузией, говорят, годных для проживания домов осталось сущий мизер. Людей селят везде, где только можно — вплоть до срочно освобожденных, с переводом контингента на Крайний Север, тюрем, железнодорожных вагонов и наспех сооруженных барачков. Кого-то эвакуируют и на юг РСФСР. До сих пор толком не действуют некоторые участки железнодорожной сети — хотя тут все же не так плохо. Хотя бы временки до зимы построить успеют. Говорят, что все же более-менее наладилась работа промышленности — во всяком случае, в РСФСР и на территории западных республик страны.

И, тем не менее, пока как-то справлялись... Карточная система уже действовала в полный рост по всей территории страны — и пока, вроде, более-менее хватало всего. Хотя уж замечены первые случаи спекуляции и продажи «из-под полы». Недаром вот третьего дня как вышел указ Президиума об упрощенном порядке судопроизводства сроком на полгода, по которому разрешалось судить судом военного трибунала преступников, пойманных при совершении тяжких или особо тяжких преступлений, причем к таковым причислили и хищение продовольствия и товаров первой необходимости. Многие города совместно с милицией патрулируют военные, они же охраняют и крупнейшие продовольственные склады. Вовсю работала и трудовая армия...

— Что говорят по новостям? — поинтересовался Михаил.

— Да ничего хорошего, — поморщился Семка. — Когда дожди прекратятся — никто не знает... Посевная сорвана, экономия продовольствия. По промышленности кое-что было — говорят, что обеспечен достаточный уровень производства основных товаров.

«Интересная формулировка, — мысленно отметил Михаил. — Достаточно и основных. Только что такое достаточно и что считается основным?»

— С Курильских островов население эвакуировали на Сахалин и в Приморье, — продолжил тем временем Семка. — На Кавказе... Жопа полная, в общем. В Средней Азии тоже. За границей... Тоже все хреново. В Китае все ливнями сносит, целая куча плотин рухнула. На Кубе шторма жуткие, целые деревни смывает... В Америке — задница полная. Война, говорят, началась.

С плотинами тоже новость была неприятной... Тем более, еще до того говорило, что тут

да там дамбы размыло... Самое главное — чтобы выдержали электростанции! Хотя их-то ГЭС точно выдержит, там еще водохранилище не заполнено толком. А вот что в других местах? Справятся ли водосбросы? Небось, сейчас срочно всюду срочно строят водоотводные каналы на этот случай... Вместо того, чтобы восстанавливать дороги, моста или дома, тратят силы на работу, которая может никогда и не понадобиться. Но и не делать которую нельзя! Ведь если все же оно понадобится, то потом будет поздно.

— С кем война? — не понял Михаил.

— Да хрен их знает! — пожал плечами Семка. — Какие-то то ли бандиты, то ли партизаны, то ли еще кто... Говорят, большая часть страны анархией охвачена, лишь на восточном побережье что-то уцелело.

Про всех остальных и вовсе ни слуха, ни духа... Что там происходит во Вьетнаме, где фактически остановилась война севера и юга, что происходит в остальных странах Юго-Восточной Азии, в Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Африке — на этот счет и вовсе ни слова! Да и кого нынче интересуют эти страны? За то, как оказалось, сообщали про Японию, где из-за землетрясений, извержений активизировавшихся вулканов и наводнений многие города лежали в руинах, а число погибших уже сейчас насчитывало миллионы.

— Пошли уж спать! — махнул рукой Семка. — Хрен бы с ней, с границей...

«Хрен бы хрен, — подумал Михаил. — Только знать бы еще, что ждет нас». «Нутром» он чувал, что ничего хорошего... Но насколько плохо будет? Выстоит ли страна? Будь он сейчас в 90-е, в ельцинской России — в ответе он даже не сомневался бы. Но сейчас — Советский Союз в самом расцвете сил. Советский Союз, который куда сильнее и организованнее знакомого ему по прежней жизни. Потому он все даже верил, что выстоят... Но какой ценой? Все же согрившись у печки и, вдобавок, хлебнув малость водки, Михаил вскоре завалился спать. Эх, только б не заболеть сейчас! Это было бы самым худшим в сложившейся ситуации... Но в этот раз словно само Политбюро решило сжалиться над их полубольной и смертельно уставшей комсомольской бригадой — полтора месяца работы не прошло незаметно.

— Собирайтесь! По домам поедете! — когда поутру они все выдвинулись было на работу, приказал им бригадир.

— Как домой, Василий Степанович? — не понял Васька. — А мост?

— Солдаты сегодня приедут, велено распускать пацанов, — ответил бригадир. — И так немало наработали.

— Но мы могли бы и еще! — в этот раз вышел вперед Семка.

Ну да, остались самые смелые и самые стойкие... Кому оказались нипочем никакие испытания. Остальные — кто реально заболел, кто, как тот позавчерашний деятель, сымитировал болезнь и смылся...

— Ничего, в городе вам тоже работы полно найдется, — отмахнулся Василий Степанович. — Там тоже много чего делать надо... А тут пусть работают те, кто к этому лучше приспособлен.

Эх, какое же счастье — ехать домой... Пусть даже у него уже тоже насморк, пусть еще раз пробиваться через грязь, добираясь до города, до станции, но это уже дорога домой! И вот спустя еще три часа пути, когда один раз буквально вытолкнули всей толпой завязший в грязи ЗИС, они в городе, который производит достаточно жалкое впечатление. Почти везде грязь и лужи, бурлящие потоки дождевых вод, с трудом пробирающиеся по улице пешеходы и горящий в некоторых окнах свет... Ну да, тут на улице-то хмуро и пасмурно, а что сейчас в

домах? Там и впрямь уж без света никак. А вот — такие же, как их ЗИС, грязные заляпанные грязью машины, едущие куда-то по своим делам. Уж что по делам — это точно, просто сейчас не поедет никуда ни один дурак, будь у него дома хоть бочка бензина запасена. А вон копают очередную водоотводную канаву, чтобы не затопило подвал трехэтажки. Но им сейчас до этого все равно... Им на станцию. Полтора часа ожидания — и вот уж эшелон. Тепловоз с несколькими обшарпанными пассажирскими вагонами, куда они кидают все пожитки и, прямо тут же переодеваются в сухую одежду. А то так и простыть недолго... И вновь разливается по вытащенным из сумок с вещами стаканам водка. Да, тут уж хочешь того или нет, но начнешь пить. Уже чисто «для согреву».

— Ну за то, чтобы все это поскорее кончилось! — заявил Леха.

— Согласна, — ответила Катька.

Короткий свисток тепловоза сообщил о том, что поезд отправляется... И под него они опорожнили свои стаканы, закусывая полученным в магазине около станции хлебом.

— Приеду домой — лягу и буду спать, — мечтательно произнесла Томка. — День, другой...

— Ага, размечталась, — фыркнул Васька. — Скажи спасибо еще если хоть денек передохнуть дадут... Сам слышал — в городе тоже полно работы.

Движение по железной дороге, как вскоре понял Михаил, уже успело наладиться. Во всяком случае, до областного центра добрались без всяких проблем, да и навстречу поезда шли буквально один за другим. Тепловозы сменялись паровозами, а те снова тепловозами. Похоже, на линию выгнали буквально все, что только могло ходить. Уж непонятно, возникла ли проблема в нехватке локомотивов или столь резко возросли объемы перевозок... Ответить на этот счет смогли бы разве что железнодорожники.

Так что к вечеру они все же благополучно добрались домой... И хоть дождь и не прекращался, но на него даже словно перестали обращать внимание. Бегом добрались до остановки «родной» девятки и вскоре заскочили в битком забитый вагон, который то быстро ехал, а то вдруг начинал плестись медленнее пешехода.

— Чего ползем как черепахи? — начал возмущаться какой-то мужик рядом. — Пешком быстрее пройдешь!

— Ну иди, раз такой умный! — огрызнулся в ответ водитель. — Половина вагонов за забором с мокрыми двигателями! Сейчас волна пойдет, зальем мотор — и тогда уж точно пешком топать будешь!

Медленно-медленно они проползали по местам, где вода стояла выше головок рельс, однако водители уже явно успели привыкнуть к такому способу передвижения. Все было как-то четко, привычно, без ненужной суеты. Вот трамвай наконец-то преодолел очередную лужу и может вновь разогнаться, а уже неподалеку родная Пролетарка с затяжным уклоном, на котором попросту негде образовываться лужам. И они начинают один за другим выходить из вагона, разбредаясь по домам...

Прода

Дома Михаила, разумеется, не ждали, но были рады его приезду... Мама сразу ж наложила тарелку тушеной с мясом картошки, батя принялся растапливать баню.

— Мишка, вернулся! — буквально повисла у него на шее сестра. — Наконец-то!

— Вернулся, — согласился Михаил. — Как вы тут жили-то все это время...

— Да как сказать, — с улыбкой глядя на сына, произнесла мать. — В войну и хуже

бывало... Завод работает... Хотя сборку самолетов остановили, все больше какие-то заказы со стороны идут. Для восстановления народного хозяйства. И все срочно, даже техпроцессы на детали писать некогда — технологи маршрутку накидают и вперед, в работу. Машка вон теперь тоже в студенческой бригаде работает, маляром. Ремонтируют что при землетрясении повредило.

— Одни работают, а другие отмазываются! — с ненавистью огрызнулась сестра. — У них же более важная работа — отчеты писать...

— Кто такие? — заинтересовался Михаил.

— Да есть у нас на курсе тройка, — поморщилась Машка. — Двое — дети кого-то из начальства с заводов, у третьего в райкоме дядя...

Что ж, что будут и такие — ожидаемо... Причем, в родном мире Михаила таких наверняка было бы гораздо больше. Все же, как ни крути, тут пока сталинизм и нет такой вседозволенности у номенклатуры — тем более, что Сталин все же успел довести до конца свой план и малость отодвинуть партию от власти. Так что должность Предсовмина тут была ощутимо значимей, чем генерального секретаря. Уж не потому ли и победу в борьбе за власть одержал не Берия, а Пономаренко? Вот только уроды и приспособленцы были и тут... И как раз сейчас наступило время, которое в одинаковой мере выявляло и героев, и шкурников...

— И что, вот так им все и сходит с рук?

— Нет! — ответила Машка. — Мы с ребятами решили в ЦК на них писать!

— Брат из армии писал, — продолжила тем временем мать. — Говорит, отправили их по городам, милиции помогать...

— Как вообще дела в городе-то? — спросил Михаил. — Бандиты не вылезли?

— Да ничего, — пожалала плечами мама. — Все теперь по карточкам получаем, склады военные охраняют... Уже даже кого-то в лагеря отправили за хищение продуктов. Бандиты пробовали было высунуться в первые дни, но притихли сейчас.

— А электричество, вода?

— Работает все... Электростанции на газ обратно перевели. С октября отопление в многоэтажки дадут. С транспортом, правда, плохо стало... Дороги развезло во многих местах так, что не проедешь. Трамваи редко ходить стали.

— Слышал по дороге, что половина вагонов с мокрыми моторами стоит, — вспомнил услышанный в вагоне разговор Михаил.

— Возможно, — согласилась мама.

— Ну все! — распахнув дверь, вошел на кухню батя. — Растопил я баньку!

— Это хорошо, — улыбнулся Михаил.

Какое-то время они еще говорили о происходящем в округе за последние недели... И информация была весьма двоякой. С одной стороны, власть сумела сохранить порядок в стране. Откровенно бардака нигде не наблюдалось, жизнь постепенно налаживалась, откровенной паники избежать удалось. А вот с другой... Хватало и объективных трудностей. Не успевали восстановить все разрушенные или сильно поврежденные дома — немало народу пришлось расселить по общагам и гостиницам. Но пока их еще хватало... Все же городу досталось не сильно. Появились перебои с поставками некоторых промтоваров, но на фоне происходящего вокруг на отсутствие в продаже телевизоров или холодильников мало кто обращал внимание. До сих пор были закрыты для движения некоторые железнодорожные направления — вроде того же моста через Волгу, подъезды к которому

обещали восстановить лишь через еще неделю.

— У нас часть аэродрома забрали под укладку линии, — усмехнулся батя.

Ну да, Михаил помнил, как еще на второй день там сносили забор... Так что в сложившихся условиях «временка» явно получила статус постоянной линии. Ничего заводскому аэродрому не случится от потери полосы в сотню метров шириной.

Некоторые заводы, как оказалось, перевели на трехсменную работу — туда прислали специалистов из других частей страны. Где аналогичные предприятия получили серьезные повреждения. Как официально считается, в командировку — хотя и неизвестно, когда восстановят работу их родные заводы.

— На зуборезный прислали из Армении людей, — говорил батя.

— И как работают? — вспомнив про легендарное «высокое качество» армянских станков из его реальности, спросил Михаил.

— Думаешь, там армян много? — усмехнулся Василий Петрович. — Хорошо если каждый третий! Не больно-то они идут на заводы — там же трудовая дисциплина...

— Увольняют за брак?

— Еще как! Тем более, что у них станки не только ОТК, но и представитель заказчика принимает.

— Ого! — удивился парень. — Прямо как в оборонке...

— Я тоже этому немало удивился, — усмехнулся батя. — Но иначе, говорят, никак не получалось нормально производство организовать... А как ПЗ ввели, от министерства — так сразу начали массово увольнять халтурщиков.

«Хорошо-то оно хорошо, — мысленно подумал Михаил. — Но ведь приемка представителем заказчика — удорожание работы. И на кого расписывают дополнительные расходы? Включают в цену продукции?» Впрочем, по сравнению с его прошлой реальностью и то хорошо... Содержать завод, где больше 90 % произведенной продукции брак — это уж и вовсе откровенное вредительство. А ведь он еще помнил, как произведенную в Закавказье электронику покупали «для количества», сверх необходимого, и списывали даже без проверки.

Что еще? Ах, да... Вместо пары вылетевших стекол в доме до сих пор «заглушки» — хоть они и стоят в очереди на получение, но где-то в хвосте. В первую очередь выдают тем, у кого полетели все или большая часть окон. Про Крекинг упоминали — не справляются с возросшим спросом на их продукцию. В районе Баку-то и на Кавказе почти вся нефтеперерабатывающая промышленность стоит. Ходят слухи, что во многих местах сейчас срочно строят примитивные перегонные установки для производства солярки с прямогонным бензином...

— На днях уголь развезут будут по домам, — продолжил тем временем батя. — Тоже по карточкам.

Ну это тоже понятно... Чем зимой-то топить? Только дрова и уголь! Больше ничего и не придумаешь тут. Газовое отопление в городе еще не больно-то широко распространилось, а уж по деревням и подавно. А, ну еще торф можно... Но это скорее вблизи районов его добычи.

В целом жизнь же была... непонятной что ли? С одной стороны, вроде более-менее налаживаются дела. А с другой... Посевная сорвана. Что теперь? Пока говорили о том, что будут все яровыми засеивать... Уборка подсолнечника тоже под вопросом. Дожди такие, что в поле не выехать! Колхозы, в которых его выращивали, пытаются убирать чуть ли не

вручную — но и так непонятно, что будет. Да, через какое-то время морозы ударят — но значительная часть урожая погнет почти наверняка. Промтовары... Да, пока отсутствие того или этого воспринимали более-менее спокойно, как временное неудобство. Но чего ждать дальше? Железные и автомобильные дороги... Вроде, основные направления работают. Где-то все уцелело, где-то повреждения устранили, где-то построили временные или постоянные обходы, возвели временные, порой даже понтонные, мосты, где-то едут в обход или организовали понтонные переправы. И пока более-менее справляются. Но чего ждать дальше? И так почти во всем! Страна словно застыла в ожидании... Что будет дальше? «Выстоим ли?» — в очередной раз думал Михаил. За полтора месяца не было, наверное, ни одного вечера, когда он бы не думал над вопросом о том, что дальше будет. И самое главное — он еще и понятия не имел, каким же будет истинный масштаб последствий случившейся катастрофы.

Потом была баня, где он наконец-то смог отмыться от, казалось бы, проникшей повсюду грязи после работы... Нет, конечно, там они тоже мылись — но как-то словно в спешке, мимоходом. А на следующий день вновь работа и вновь вездесущая грязь. И вот, наконец-то, можно и завалиться спать... Но снилась вновь какая-то дрянь — в этот раз это был какой-то город... Только какой-то пустынный, словно вымерший, занесенный снегом. И посреди всего этого небольшая колонна военной техники, а за рулем одной из машин — он сам. Что за город? Чего они ищут здесь? Этого Михаил не понимал... Но казалось, что он должен сделать здесь и сейчас что-то такое, важное. От чего, может быть, будет зависеть жизнь всех. А потом вид города вдруг сменяется какой-то... лабораторией что ли? Ряды мониторов ЭВМ и процессоров... ЕС-1843 что ли? На «иностранцев», вроде, не похоже — впрочем, Михаил их почти и не видал-то. Как уволился с завода, так жизнь его прошла как-то в стороне от «персоналок». А вот «ЕСы» — их он помнил. По работе... Вот только сейчас тут был форменный погром — оттого и модель точно сказать уже было невозможно. А потом это все вдруг меняется на вид фермерского хозяйства, только словно от лица пахущего поля тракториста. Вот только он хоть и выезжал в поле, но пахать ни разу не доводилось! «Кировец» он водить не умел, а на МТЗ пахать — это просто несерьезно... На него ж больше двух корпусов не повесить! Таким разве что от пожаров опаживать. Вот и что за странный выверт сознания?

На следующее утро родители с сестрой, позавтракав, отправились на работу, а Михаил через некоторое время поехал в университет — разузнать про все... Погода стояла по-прежнему хмурой и почти непрерывно шли дожди. И все так же «проплывали» по лужам трамваи. И хоть и ехали медленно, но именно они сейчас стали основным транспортом города... Уже просто потому, что вообще более-менее бесперебойно ходили. А то улицы давно превратились в сплошные потоки воды и грязные улицы. Далеко не везде, увы, асфальт был!

Университет встретил его залитым водой котлованом строящегося восьмого корпуса, где сейчас все работы были свернуты, и хмурым лицами в деканате физического факультета. Поступление? Да, он и Вика оказались зачислен — списки ему показали. Только учебы пока не будет — не до того... С октября начнется. На вечернем — днем студентов будут привлекать к другим работам. Каким? Ну если у кого уже есть какая полезная специальность — тогда по ней. Если нет — тоже что-нибудь найдется. В городе дел полно! Хоть в том же городском хозяйстве, хоть на предприятиях или в ремонтных бригадах...

На обратном пути Михаил заглянул проведать Вику. Родители были дома, и она

оставалась одна. Выглядела девчонка откровенно неважно — это было видно с первого взгляда. Явно паршиво себя чувствует, хоть и держит себя в руках.

— Ничего, — кисло улыбнулась девчонка в ответ на его «комплимент» относительно ее вида. — Чай не первый раз... Вон сегодня уж получше стало. Даже температуры нет сейчас.

— Ну выздоравливай, Вик...

— Ты, главное, сам не заболей, — усмехнулась девчонка.

— Ничего, я не из болячих...

— Я тоже. Но вот сам видишь... Так что береги себя!

— Я постараюсь, — ответил Михаил.

Что ж... осталось зайти в магазин и получить продукты по карточкам. А потом идти домой и ждать... Через день их соберут в университете — тех, кто здоров и способен явиться. И тогда уж будет объявление на счет того, кому что делать дальше. И... Ну там уж видно будет.

Зима началась необычно рано... На севере страны первые заморозки были еще в сентябре, а в начале октября дожди плавно сменились снегом и морозами, а затем холода стали наступать все дальше и дальше... 5 октября окончательно установились морозы на Урале, 10 Октября достигли Москвы... В родном городе Михаила — еще на два дня позже, хотя и до этого каждый день были заморозки, а порой лед не таял и посреди дня. А вот погода была практически такая же — серая, хмурая... Как сообщали по радио и телевизору, из-за выброса большого количества пепла существенно снизилась прозрачность атмосферы — очень скоро даже в солнечный день освещенность будет как в хмурый и дождливый. А в хмурый и дождливый — как в сумерки.

Раннее начало зимы заставило и раньше обычного начать топить дома — и теперь над городом постоянно вилась сизая дымка от сгорающего в печах угля. Однако, кроме новых невзгод, зима принесла и небольшое облегчение... Наконец-то закончились бесконечные дожди! Лужи и раскисшую грязь сковал мороз — и дороги стали проходимы. Хотя здесь тоже возникли свои проблемы. И, прежде всего, в нехватке техники. Снежный буран — обычное явление где-нибудь на Севере или в Сибири, но никак не в среднем Поволжье! На улицы города вышли трактора-снегоочистители, причем многие из них переоборудовали буквально по ходу дела — варили и устанавливали самодельные снеговые отвалы. Выгоняли и ставшую ненужной в виду большой концентрации пепла в воздухе и невозможности полетов аэродромную технику. И все равно едва справлялись... На улицах города росли горы снега, который не успевали вывозить, а вскоре многим людям пришлось еще и чистить крыши своих домов, сбрасывая с них накапливающийся снег. Так что вскоре снежный покров достиг уровня окон — и пришлось отгребать его еще и от них. За то в середине октября им наконец-то выдали стекло, что очень обрадовало Михаила.

— У нас на заводе «вентиляторы» делать собрались, — как-то после работы сказал батя. — Снег с крыш сдувать.

— Что за фиговина? — заинтересовался Михаил.

— Да ЗИС-157 с мотором от «Аннушки» в кузове...

Что-то типа вихревого снегоочистителя, но для крыш, значит? Что ж — пожалуй, в складывающихся условиях оно правильно... В прогнозах погоды уже сообщали, что глубина снежного покрова в этом году может достигнуть двух-трех метров. И чем все это добро убирать — в том числе, с крыш? Тут вон сообщалось даже о перебоях в движении по железной дороге... Переметы, снежные лавины порой останавливали движение на некоторых участках на весьма значительный срок, пока прибывшие на место аварийные бригады расчищали дорогу и устраняли повреждения. И это еще середина-конец октября! Когда обычно и снега-то еще нет! Что же будет дальше?

Впрочем, ближе в начале ноября снегопады стали постепенно ослабевать... По крайней мере, уже не было такого сплошного вала осадков. Порой даже по несколько дней к ряду не выпадало ни снежинки — вот только из-за накопившихся в верхних слоях атмосферы пыли и пепла погода оставалась хмурой, бессолнечной. И это, вкуче с неясностью ситуации в мире, уже начинало давить даже на психологическом уровне... Люди постепенно становились более мрачными и раздражительными. А вот больницы, как ни странно, стали постепенно освобождаться — хотя число переболевших и даже умерших уже сейчас зашкаливало за все

разумные пределы. Но к зиме люди все же оказались более привычны и приспособлены, чем к идущим по много дней к ряду ливням.

И наконец-то началась учеба в университете... Днем сформированная студенческая бригада помогала в ремонте домов и поврежденных промышленных объектов или помогала в уборке снега, смотря что больше нужно в данный момент. И тут, вспомнив про то, что Михаил недавно работал водителем, его тотчас припрягли по той же специальности. Даже, по-быстрому расспросив по правилам дорожного движения и зачтя за сдачу практики работу в комсомольской бригаде, выдали водительское удостоверение на грузовики. Ну а после работы, вечером — на занятия, где уставшие за день студенты пытались не заснуть от усталости прямо на лекции. И какое счастье, что Михаил все это уже знал! Максимум надо было чуть освежить в памяти когда-то пройденный материал...

— Михан, дашь конспект по механике списать? — когда они выходили с лекции по матанализу, вдруг обратился к нему Вован, один из однокурсников.

— Держи, — пожал плечами Михаил.

Ему-то что? Один раз услышал, записал — и хватит для повторения. Так что даже если не отдаст — обойдется. Хотя не должен — он, вроде, пацан нормальный. Во всяком случае, был в прошлой реальности.

— Ничего не понимаю! — пожаловалась на обратном пути в ночном трамвае Вика. — Глаза слипаются, а тут еще учить надо...

Вагон был, как обычно, битком, но им даже повезло сесть... Как-никак на конечной почти садились. Вообще трамвай в новых условиях стал главным транспортом города — в том числе потому, что у ГТУ были показавшие себя очень эффективными в расчистке даже глубокого снега шнекороторные снегоочистители, а движение не прекращалось даже посреди ночи, что и в заморозки не давало замерзнуть стрелкам. А вот с автомобильным транспортом дела обстояли хуже... Когда ударили первые морозы — поначалу дороги превратились в ледяной каток, а потом на смену этому пришли и снежные заносы. Так что вскоре на колесах всего транспорта появились цепи противоскольжения, которые изготавливали прямо в автохозяйствах. Пока именно это стало местным аналогом зимней резины — хотя недавно говорили по радио, что на Воронежском шинном заводе готовят производство специальных зимних шин. Первого в СССР серийного образца! Но пока они еще появятся в массовом количестве...

— Ничего, выучишь, — все же ответил Вике парень. — Ты же умная девчонка...

Ангиной вкуче с бронхитом она проболела две недели и когда все же появилась в университете — выглядела словно тень себя прежней. Бледная, осунувшаяся... А ведь она и впрямь не из «болящих»! Из тех многие и вовсе успели провалиться в больнице с воспалением. Как тот же Петька, которого только на днях выписали из военного госпиталя. Видел его на днях Михаил уж... Тоже ходит словно тень.

— Когда учить-то? Семинар завтра, — пожал плечами Вика.

— Давай утром объясню? По-простому, — предложил Михаил.

— Ты что, уже все понял? — буквально полезли глаза на лоб у девчонки.

— Да я и до того все знал, — пожал он плечами. — Я ж давно готовился к поступлению...

— Ну давай, — неуверенно произнесла девчонка.

Ну да, не так-то просто в такое поверить... Особенно когда самому кажется, что в этих дебрях фиг разберешься. Но Михаилу-то разбираться не требуется — а дальнейшие знания

позволяли многое разъяснить более простым, без заумностей, языком. Этим он пользовался еще когда дети в школе учились — хотя, увы, не так-то много у него было времени с ними возиться. Когда уж почти всю неделю торчишь где-то за полсотни километров от дома, в этой проклятой деревне... Как же он успел возненавидеть все эти трактора с комбайнами и зернометами! Когда собственных детей лишь по выходным видишь — и то чаще не ты к ним едешь, а жена с ними к тебе! Хотя зимой с этим все же посвободнее, как-никак большая часть техника стоит до весны, так что срочной работы не так уж много, а текущее обслуживание, подготовка к новому сезону не требует постоянно рядом стоять.

«А ведь вчера праздник был. День Великой Окт... то есть, в этом мире, Ноябрьской Социалистической революции!» — вдруг подумал, глядя в окно, Михаил. Вот только все празднование ограничилось поздравительной речью товарища Пономаренко по телевизору с радио и несколькими газетными статьями. Выходного тоже не было... Да тут и «настоящие»-то выходные, суббота с воскресеньем у многих теперь не выходные! Во многих местах стали что-то вроде «непрерывки» вводить, когда у разных людей выходной в разный день недели. Вот тебе и веяние «нового времени».

Домой приезжали уже затемно... После ужина Михаил уже привычно сидел за телевизор, посмотреть новости, которые мало успокаивали. Снега за месяц навалило на полтора метра — и продолжало прибывать. Сообщалось о наступлении аномальных холодов в Сибири. На дворе начало ноября, а в Якутии уже зарегистрировали пятидесятиградусные морозы, не сильно лучше обстояли дела и в Норильске. Из-за морозов остановлено движение по Трансполярной магистрали — рельсы просто не выдерживали морозов и лопались под нагрузкой. В том же Норильске и нескольких якутских поселках люди не выходят на улицу из-за морозов. Для доставки работников на заводы и предприятия коммунального хозяйства используются специальные машины с отапливаемым кузовом, а кое-кто и вовсе живет на работе. Автомобили и тепловозы во многих местах страны вынуждены оставлять на ночь с работающими двигателями. Тут и там — перебои с доставкой товаров народного потребления в удаленные города и села.

Для контраста же с происходящим показывали новости из других стран... Лежащие в руинах американские города, следы прошедших боев армии и национальной гвардии с мародерами, более-менее стихшие лишь с наступлением морозов. До сих пор практически не работающие автомобильные и железные дороги, стоящие заводы, развалины зернохранилищ и разнообразных складов. Во многих городах отсутствует электричество и центральное отопление — и тогда чуть ли не из каждой форточки торчит по трубе от «буржуйки». Засыпаемая снегом Западная Европа — пострадавшая от землетрясений примерно в равной мере с СССР, но все равно оказавшаяся не готовой ни к ливням сентябрь-октября, ни к такой ранней и снежной зиме. Пусть даже там она и наступила на полторы-две недели позже, чем в центральной полосе СССР. В Испании, Италии, Франции практически полностью парализовано движение транспорта, остановлены в виду отсутствия поставок сырья многие производства, во многих местах перебои с подачей электроэнергии. Западные немцы, дисциплинированно расчищающие лопатами снежные заносы на улицах... И, в то же время, снег в Сирии и Египте. Полка еще самый первый, но долго ли еще ждать придется? Дожди в Сахаре вон еще как прошли...

— По прогнозам ученых, аномальные холода и снегопады продержатся несколько месяцев, — говорилось в сообщении диктора. — Сейчас ученые из Гидрометеорологического научно-исследовательского центра СССР ведут работу над

просчетом более точных последствий извержения.

Много чего говорили о восстановлении промышленности, о переводе на трехсменную работу некоторых стратегически важных предприятий. Каких именно? Ну, например, моторостроительных и мотороремонтных заводов. Ибо в условиях, когда техника работает день и ночь, и так понятно, что ее ресурс будет растрачиваться стремительно.

Говорили и про успехи Трудовой армии — впрочем, сейчас большую часть ее распустили по домам. Начавшаяся зима практически остановила большую часть восстановительных работ, а вот в промышленности людей требовалось много. Да и не только там... Тот же снег чистить и на местах надо, просто гораздо проще и удобнее чтобы каждый делал это по месту жительства, а не за тридевять земель, где их обеспечение жильем, питанием и всем прочим ложились на плечи государства. Сообщалось и об усилении охраны социалистической собственности — на помощь милиции и органам госбезопасности придут подлежащие демобилизации осенью солдаты. А вот осенний призыв будет производиться преимущественно в инженерно-строительные части, железнодорожные войска и другие «вспомогательные» службы армии.

Досмотрев телевизор, Михаил завалился спать и мигом «отрубился», даже не заметив, как прошла ночь. К утру снега еще прибавилось, вечером опять придется крышу чистить, но это уже тоже становилось чем-то привычным... Одеться побыстрее, добежать до трамвая — и вперед, на работу! Доехать до места, вытащить из теплой будки тяжеленный автомобильный аккумулятор, завести остывший за ночь мотор ЗИСа — и вперед, снег вывозить! И по дороге, насколько получится, попытаться объяснить Вике про эти пределы... Ему-то что, давно известная тема! Вместе с другими студентами кидать лопатами сваленную трактором кучу в кузов, а потом ехать за город, где его вываливали прямо в поля. Сугробы тут уже были громадные! И так несколько раз подряд...

Последний рейс уже в четвертом часу вечера — когда на улице уже темнеет и серая хмарь дня постепенно сменяется ночным мраком. Вывалив снег, он двинулся было обратно — но вскоре наткнулся на съехавший с дороги и застрявший в снежной целине «газон», около которого суетился парнишка примерно его возраста...

— Давай дерну! — остановившись, обратился к нему Михаил. — Тоже недавно за рулем?

— Ага, — протянув руку поздороваться, произнес тот. — В сельскохозяйственный вот учиться поступил, а машину батя водить научил... Он в МТС работает.

— Понятно, — кивнул Михаил. — Я тоже, можно сказать. Тебя как звать-то?

— Дак Васькой, — ответил тот.

— А меня Мишкой, — улыбнулся в ответ Михаил. — Сейчас вытащим твою колымагу...

На самом деле это оказалось не так-то и просто... Хорошо машины села, надежно! Тут трактором бы тянуть — да только далеко тут до ближайшего трактора. А другие машины — все те же ЗИСы да «газоны»... Так что никаких преимуществ. Однако хоть и с трудом, но получилось. На пары Михаил теперь, конечно, безнадежно опаздывал, ну да и шут с ними! Не велика беда... Начальник автоколонны, правда, начнет теперь расспрашивать, что да как, но ему-то скрывать нечего. Так что пробьемся!

— Спасибо! — залезая в кабину, радостно крикнул Васька.

— Да что «спасибо»? — буркнул себе под нос Михаил. — Советские же люди...

Вопреки его опасениям, никаких особых расспросов от начальства не было. Несколько слов о случившемся — вот и все объяснение. А потом бегом на пару! Хотя на половину

первой из них он уже опоздал.

Университет встретил его светящимся во тьме окнами и забитой до самых верхних рядов громадной Горьковской аудиторией, где сейчас сидел их курс... Шла лекция механики — хотя некоторым студентам явно было совершенно не до нее. Если в прошлой реальности Михаил помнил, как на задних рядах некоторые играли в карты во время пары, то тут некоторые откровенно спали, положив голову на стол. Найдя себе свободной местечко в предпоследнем ряду, он достал из сумки тетрадь с авторучкой и принялся записывать лекцию — хотя, откровенно говоря, в том не было особого смысла. Изучаемую тему он мог бы хоть сейчас рассказать на экзамене...

Вот только, автоматически записывая сказанное лектором, он думал совсем о другом. Снега, снижение прозрачности атмосферы из-за пепла, аномальные холода... Твою ж дивизию! Как раньше-то в голову не пришло? Странно, но лишь сейчас в его голове вдруг окончательно сложилась нужная картинка. «Ядерная зима». Вот что это такое! Пусть даже и без применения атома, но в плане изменения климата это не сильно легче. И только тут-то Михаилу стало по-настоящему страшно... Где-то он читал утверждения про то, что такая ситуация может продолжаться несколько слет к ряду. Когда лета попросту не будет! А, вместе с ним, не будет и нового урожая, а старого хватит... Ну хорошо, если хоть на два года! А что потом? Голод и смерть?

Прода

Следующим был тот самый семинар по матанализу, где решали изрядно надоевшие ему еще в прошлом мире пределы... А потом опять лекция, теперь уж по аналитической геометрии. Можно сказать, Михаил тут малость освежил в памяти матрицы. В прошлой жизни он старался как можно больше отвечать на семинарах, чтобы получить как можно больше «автоматов». В этой... Сейчас ему было, по большому счету, все равно. Так что особо вылезать вперед у него не было желания. Отсидел пару и пошел дальше. Особенно если, как сейчас, голова занята совсем уж другими мыслями.

После занятий вместо того, чтобы ехать домой, Михаил отправился в библиотеку — решил изучить поподробнее, что пишут про случившееся извержение и его последствие. И информация была неутешительной! Мощность взрыва оценили в примерно шесть сотен гигатонн, сколько будет выброшено в результате извержения — на этот счет оценки пока сильно расходились. Сейсмическая волна прошла почти по всем геологическим разломам — где-то сильнее, где-то слабее. Куда-то дошло напрямую, а где-то потрянула в результате вторичных землетрясений в других сейсмически активных зонах. Вдоль Волги, например, прошло с юга, из района Каспийского моря. Кое-где наблюдались падения микрометеоритов — выброшенных вулканом мелких камней, но особо серьезных последствий от этого не было. Пробитый шифер на крышах на общем фоне выглядел сущей мелочью.

Кроме того, извержение Лонг-Вэлли привело и к активизации еще огромного количества «спящих» вулканов по всему миру... Извергались вулканы Камчатки и Курильских островов, Индонезии и Юго-Восточной Азии в целом, Южной Америки Африки и Европы... Даже Эльбрус, весьма неожиданно для всех, превратился в действующий вулкан! На Кавказе и в Средней Азии трясло по несколько раз в неделю — не сильно, но и это сильно мешало восстановительным работам. Обнаружен небольшой сдвиг географического полюса — причем он, вероятно, будет расти. Как-никак, геологические процессы протекают не так-то быстро...

Кое-что было и про климатические последствия, но тут лишь констатация фактов. Дожди, холода, ураганы, снежные бураны... Последствия катастрофических ливней в разных странах и частях света. Рекордные для октября-ноября холода. Но никаких прогнозов о том, когда это все закончится — во всяко случае, в СССР пока про это официально не писал никто. Судя по всему, ученые еще сами толком не знают... Взяв лист бумаги, Михаил принялся писать краткое изложение теории ядерной зимы и ее последствий — привязывая теорию к тому, что наблюдается вокруг. Прямо со ссылками на конкретные факты! Попадет ли они к кому надо и будет ли воспринято всерьез? Шансы, конечно, маловаты. Но предупредить он все же попробует — даже если оно станет всего лишь еще одной копеечкой в копилку. И как хорошо, что хоть работу библиотек продлили! Понимают, что днем студентам со школьниками не до того, так хоть поздним вечером малость посидеть дают...

Закончив с «письмом в ЦК», Михаил вышел из библиотеки и пошел на трамвай. Уже наступила ночь и окончательно стемнело, но фонари по городу практически не горели... Экономия! Даже на центральных улицах лампочки горели через одну, а уж на второстепенных и того меньше. Генерация электроэнергии итак и не вышла на прежний уровень — ГРЭС хоть и запустили, но она работает нее в полную мощность. Кроме того, в стране разрушено множество электростанций — и хоть единая энергия еще и не до конца сформирована, но в определенных пределах перебрасывать энергию из менее пострадавших регионов в пострадавшие сильнее уже можно. А ведь на юге в некоторых городах электростанции оказались разрушены или серьезно повреждены и до сих пор не работают! И кругом наваленные тракторами сугробы — убирать которые где не успевают, а где и вовсе плюнули. Более того — недавно начали сваливать снег к стенам домов — ученые предсказывают аномальные холода, а потому таким образом стремятся снизить промерзание почвы, чтобы не разрушался фундамент. Внезапно позади послышался шум мотора, а через несколько секунд прямо перед ним резко затормозил армейский «ГАЗик».

— Сержант Смирнов! — рявкнул голос вышедшего из машины военного. — Документы!

Военный патруль, значит... Сообщалось про них недавно — и про то, что в вечернее и ночное время всем иметь при себе документы — могут быть проверки. Так что, достав из кармана паспорт и студенческое, Михаил протянул его сержанту. Включив фонарик, тот посмотрел документы и отдал их обратно.

— Студент, значит? Ну топай... И поосторожнее тут!

— А что такое? — насторожился последним словам военного Михаил. — Пошаливают...

— Есть такое, — поморщился сержант. — Вчера наши нескольких хлопчиков взяли... Склад ограбить пытались. Да и до того было уже несколько случаев. И это у вас тихо еще... На Кавказе вон уже стреляют. Как тряхануло — вся сволочь бандитская из нор полезла, только успевай отстреливать!

«Вот из-за чего такие строгости, с упрощенным судопроизводством через военный трибунал!» — внезапно понял Михаил. Для этого многим казалось такое избытком — но это просто потому, что никто особо не распространялся о происходящем на том же Кавказе! Хотя в средней Азии, как он подумал сразу, сейчас может твориться примерно то же самое.

— И что делают с теми, кого поймали? — поинтересовался Михаил.

— Ну если за воровство и без оружия взяли — пятнашку трибунал дает и на Север в лагерь. А кто с оружием или из этих, рецидивистов, — так сразу вышку, — коротко пояснил сержант.

На остановке трамвая было пустынно... Практически все сейчас уже разъехались по домам и, наверное, ложатся спать. Так что и интервал сейчас на линии будет большой, однако долго ждать не пришлось. Вскоре вдали показался огонек трамвая, а вскоре перед остановкой остановился вагон. Не девятка — маршрутоуказателя нет, перед стеклом табличка «Служебный». Деповская развозка...

— Тебе куда? — высунувшись из двери, спросил водитель.

— На Пролетарку.

— Садись, туда едем, — махнул рукой водитель.

Внутри вагон выглядел каким-то старым и обшарпанным, но никому до этого явно не было дело. Чай не линейный... Едет — и ладно. Вагон был полупустым — не так-то много работников возвращались домой в столь поздний час. С грохотом вагон почти без остановок летел по ночному городу — впрочем, движение на линии еще было. Порой навстречу попадались редкие в это время линейные вагоны, в которых в лучшем случае ехало по десятку человек. Заснеженный город в начале ноября выглядел так дико, неуместно... И вновь и вновь напоминал о случившейся катастрофе. Эх, в другое время и он сам, и многие другие, наверное, радовались бы тому, что «Америки больше нет!» Но когда смотришь на происходящее за окном — оптимизма сразу становится как-то маловато...

Интересно все же — что сейчас там, в Штатах? В новостях показывали полную жуть... Катастрофу — умирающие без тепла и света города, разрушения в результате короткой, но ожесточенной гражданской войны не за национальные или классовые интересы, а за контроль над запасами продовольствия, топлива, товаров первой необходимости, но... Где-то там, помимо вымершего Западного побережья, умирающих городов Среднего Запада и кое-как теплящейся жизни на Восточном побережье, еще стоят десятки, если не сотни уцелевших стратегических бомбардировщиков и межконтинентальных ракет. А в море — американские подводные ракетоносцы с ядерным оружием на борту. И где гарантия того, что все это оружие так и останется на месте, а не будет пущено в ход? Ради чего? А просто по принципу «тонешь сам — топи другого!» Остается надеяться, что американцев все же остановит если не благоразумие, так хотя бы страх перед советским возмездием — ведь сейчас, когда американский ядерный арсенал хорошо прорежен, у СССР будет бесспорное преимущество. Которого хватит если не для того, чтобы выжить, то хотя бы для ответственного удара возмездия...

Письмо он отправил на следующий же день — в этот раз работал он не на вывозе снега, а возил прямо с завода стекло на ремонт одного из заводских цехов. Отрывая фанерки, деревяшки и прочие заплатки из подручных материалов, студенты вставляли на их место новые стекла... Стройки все равно все остановились из-за мороза, так что можно было сосредоточиться на второстепенных работах. Вроде вот такого вот... И в этот день он, между делом, отправил и письмо в ЦК. А потом снова в университет. Число учащихся в этом году, стати, было очень небольшим. Студентов с дневного перевели на вечерний, студентов с вечернего отправили на заочку... Дневное оставили лишь для некоторых особо ценных специалистов — чтобы те могли сосредоточиться на учебе, а не сидеть на лекциях и семинарах полусонными после работы. Ну да, логично. Еще в своем мире Михаил знал, как с вечернего на физфаке вылетали чуть ли не каждый второй, а уж отличников было и вовсе мизер. Не так уж у многих получалось нормально работать и учиться. Что будет теперь? А кто ж его знает...

Школы пока работали почти как прежде... Правда, занятия уже не раз отменяли из-за

снежных буранов. Техникумы работали также на вечернем режиме. Кино, театры, многие учреждения культуры стали работать по сокращенному рабочему дню, с восьми до пяти. Так что теперь попасть туда можно было только в выходные. Впрочем, у народа и не больно-то есть настроение ходить куда-то... Тут по дому работы хватает! Каждый день...

— Здорова, Михан! — вдруг кто-то окликнул его на остановке трамвая.

— Здорова, Петь! — оглянувшись, с трудом узнал он в укутанной фигуре одноклассника. — как жизнь-то?

— Да сойдет, — поморщился Петька. — У тебя-то как?

— Да ничего так, — пожал плечами Михаил.

— Видел кого из наших?

— Семку позавчера, он на «Серпе и Молоте» работает, — вспомнил Михаил. — А ты?

Ну да, мельком встретились, поздоровались и разошлись... Тот теперь учеником шрифтовщика работает, а Михаил вывозил снег с заводского двора. Завод, кстати, как раз недалеко от университета, а они, студенты, в основном в центре города и работали. Чтобы далеко не бегать...

— Тоху видел, он же тоже у нас, в Политехе, учится, — ответил Петька. — Катю еще. Мы с ней... встречаемся теперь.

— Ну поздравляю! — улыбнулся Михаил.

Что они поженятся — он и по прошлой жизни знал... Правда, там оно все должно было этак на пару лет позже случиться, на старших курсах. Что в школе, что на первом курсе они вроде как и внимания друг на друга не обращали.

— Ты-то с Викой как? — спросил Петька.

— Никак! — почти огрызнулся в ответ Михаил.

— Про Ленку не вспоминаешь? — ехидно усмехнулся одноклассник.

— Нет! И даже слышать про нее не хочу.

— Она тебе уж замену нашла, — усмехнулся Петька. — С зуборезного одного паренька...

— Ну и фиг с ней!

«Пусть с кем хочет — с тем и... эээ... скажем так, ведет половую жизнь», — мысленно закончил Михаил. Уж на кого-кого, а на нее ему было совершенно наплевать. Странно только...

— А что ее с нами в бригаде не было? — вдруг спросил Михаил. — Она же комсомолкой была...

— Справочку принесла, от тетки-врачихи, — поморщился Петька. — Болеет, дескать...

«Ну да, по степени хитрожопости Ленка многим фору даст», — грустно усмехнулся Михаил. Что Ленка умеет хорошо устроиться в жизни — он это знал... Тогда она после развода с ним тоже не сильно горевала. Буквально сразу ж замуж снова выскочила! А потом еще раз — уже за «нового русского», бизнесмена! А, говоря прямо и по-советски, вора и спекулянта... Хоть и бывшего члена КПСС, спустившего в унитаз свой партбилет летом 1991 года. Но ее это все не смущало совершенно! Так что и сейчас вон она придумывает, как бы выкрутиться. Как бы еще в скором времени и не забеременела, чтобы отмазаться от привлечения к работам.

— Ну пусть это на ее совести останется, — заметил Михаил. — Если, конечно, она у нее есть.

Подъехал трамвай — и они полезли садиться в него. Начинался очередной трудовой

день... Сначала кидать и возить снег со дворов многоэтажек, где студенты долбили выданными саперными лопатами оставшийся после прохода трактора снежный вал на дорожке к подъездам и кидали спрессованный, смерзшийся снег в кузов. Коммунальные службы, увы, едва справлялись с прочисткой дворов и проездов через дворы. Катастрофически не хватало техники! Хотя уже сообщалось в новостях, что в стране разворачивается ее массовое производство... Несколько рейсов за город. Потом опять отсидеть лекции. И опять домой. И чистить снег во дворе, сбрасывать его с крыши дома и перестроенного из старого дома сарая... и все это по ночи, при тусклом свете вытащенной на улицу лампы! А еще топить печку-голландку в сарае у скотины — радуясь тому, что хоть значительную часть угля перетащили в сарай и не надо идти и долбить его ломом. Точнее, это дело можно отложить до выходных — когда придет пора пополнить текущие запасы. А потом — в баньку...

— Тут тебе письмо прислали из Москвы, — за ужином вдруг произнесла мать.

— От кого? — почему-то подумав на счет ЦК или Совмина СССР, спросил Михаил.

— Не знаю, — пожалала плечами женщина. — От какой-то Черненко Екатерины Валерьевны...

После ужина, несмотря на усталость, Михаил все же нашел сил прочитать письмо — и только тут вдруг вспомнил, кто это такая. Та его, казалось бы, столь далекая и почти забытая встреча... Катя-Катерина, девчонка-москвичка, студентка МГУ. Милая и симпатичная девушка, с кем они на прощанье обменялись адресами — хотя Михаил сильно сомневался, что кто-то из них еще вспомнит друг про друга. Он так уж точно не собирался — хоть девчонка и вызывала у него симпатию... Внезапно при воспоминании о ней он вспомнил историю, рассказанную в будущем ему одним из коллег по работе, тоже инженером-конструктором. Как тот тоже учился в Москве и примерно вот также встретился там с одной девчонкой. Встречались, гуляли, даже хотели пожениться... Можно сказать, все было хорошо — до знакомства с ее родителями. Которые оказались категорически против «этого голодранца» — и послушная девочка не посмела пойти против воли родителей. Ну а потом этот его знакомый вернулся в родной город...

О чем писала Катя? Ну спрашивала про здоровье, про жизнь в целом... Как, дескать, у них тут все складывается. Писала и про положение дел в столице. Были и там и землетрясения, и пусть и не очень существенные, но разрушения. Как и везде по стране, были и дожди, и морозы, и снежные бураны... Были свои стройки и восстановительные работы, и Катю это тоже в полной мере коснулось. И точно так же студенты помогали коммунальщикам в борьбе со стихией... «Москва словно вымерла, — писала девушка. — Снег, один снег кругом. Где раньше было полно народу — там нынче никого... Лишь трактора снег гребут». Что ж, в мороз за -25 и впрямь не очень-то захочется по улицам гулять. Все, кто могут — или сидят по домам, или работают. Добираться всюду стараются на транспорте, пешком почти никуда не ходят... Сама Катя вон недавно переболела бронхитом — простудилась где-то во время работ на улице. Сейчас вот только выходит обратно на учебу. Впрочем, на жизнь она не жаловалась — и даже верила, что все еще будет хорошо... «Ведь мы же советские люди — и нам не страшны никакие невзгоды! Папа говорит, что в войну куда хуже было — но выстояли! Победили!» «Завтра ответить что ли? — подумал Михаил, ложась спать. — Сегодня точно не до того уже. Или подождать до выходного?» Хотя, честно говоря, он не больно-то представлял, про что писать... Но и без ответа оставить тоже как-то непорядочно несколько выйдет что ли?

А потом опять потянулись рабочие будни... День за днем, день за днем... В уже привычном графике. Пока в один далеко не прекрасный день привычный уже распорядок не оказался внезапно нарушен:

— Внимание, внимание! — ранним утром 21 ноября 1966 года внезапно прозвучало по радио. — Сейчас прозвучит особое сообщение Председателя Совета Министров СССР и Генерального Секретаря ЦК КПСС товарища Пономаренко!

Настроения в кремлевском кабинете в этот вечер стояли практически похоронные... Впрочем, отчасти это так и было. Если обещанный прогноз — правда, то это и впрямь конец. Пусть не жизни, но сложившегося, привычного порядка — однозначно. И потому многие откровенно не желали верить услышанному.

— Какова вероятность того, что этот прогноз — правда? — наконец, спросил первый секретарь и председатель Совета Министров Армянской ССР.

— Процентов девяносто, — задумчиво произнес товарищ Пономаренко. — Мне уже показывали эти расчеты неделю назад. Я велел еще раз все проверить, и вот оно...

— Но это ж... Катастрофа! — задумчиво произнес министр путей сообщения товарищ Бещев. — если немедленно не начать принимать меры — скоро вся транспортная сеть страны встанет.

Как ни странно, но он достаточно легко принял услышанную новость. Особым карьеризмом он никогда не отличался, наверх особо не лез, честно исполняя работу по своему направлению — и услышанное было лишь еще одной вводной для этого. Надо готовиться к долговременному похолоданию, аномальным снегам, к эксплуатации железных дорог в условиях низких температур? Значит, будут готовиться! Кое-какой опыт в этом плане у советских железнодорожников есть... Транссиб, действующие участки БАМа, трансполярная магистраль, железные дороги Кольского полуострова и севера РСФСР... Не так много, как хотелось бы. Но достаточно для того, чтобы составить представление о грядущих проблемах. И принять мер

— Вулканическая зима, значит? — переспросил скорее сам себя, чем окружающих министр обороны товарищ Василевский. — Что ж, будем готовиться к зиме....

В отличие от многих из присутствующих, Александр Михайлович еще хорошо помнил опыт войны в плане зимней эксплуатации техники... А еще был полностью согласен с прогнозом о том, что сложившаяся ситуация может привести к активизации бандитских элементов, нацистов и всякой прочей сволочи, которая, посчитав, что власть ослабела, постарается взять реванш. Решит, что теперь настанет ее час... А, значит, без армии будет никак. Сил милиции попросту не хватит. А ведь еще и соседи могут активизироваться. И это без учета того, что угроза от США никто не делал. Пусть даже их президент и заявил пр необходимость «отложить в сторону» все их прошлые разногласия и «сосредоточить силы на спасении человечества от последствий катастрофы». Да, американцы еще до наступления зимы вывели свои войска с большей части баз по всему миру, оставив буквально одну только охрану объектов, но в Западном Берлине, в ФРГ до сих пор стоят их войска. Сильно меньше числом, но все же... А, значит, армия должна по-прежнему быть в боеготовности.

— У меня ж половина людей по землянкам и баракам! — раздраженно произнес первый секретарь Азербайджана. — Заводы разрушены, электростанции не работают! Люди как в Средневековье при свечах и лучинах сидят! До весны все работы остановлены, а весны, выходит, не будет?

После этого и остальные министры принялись говорить о том, какие проблемы возникли у их ведомства — и о том, что сложившаяся ситуация если исходить из прогнозов ученых, делает полностью невозможным выполнение пятилетнего плана.

— Французы заявили о невозможности выполнения своих обязательств по поставкам в

установленные договорам сроки оборудования для автомобильных заводов в Ижевске и Тольятти, — заявил министр автомобильной промышленности Тарасов.

— Практически прервано любое сообщение с другими странами, — присоединился к нему министр внешней торговли. — Серьезные трудности наблюдаются даже в странах СЭВ, где оказались не готовы к столь ранней и суровой зиме.

Ну да, про это тоже все знали... Более-менее справлялись с катаклизмом лишь дисциплинированные немцы, остальные же... Кто в лес, кто по дрова. Особенно поляки и румыны с болгарами с их традиционным раздолбайством и привычкой надеяться на других. Впрочем, в странах бывшей Югославии было тоже все невесело. Относительный порядок поддерживали в Чехословакии. Но все равно срывались все сроки поставок необходимого, регулярно нарушалось транспортное сообщение...

В остальных отраслях промышленности, впрочем, дела обстояли не сильно лучше. Уже одно то, что полно заводов в Закавказье и Средней Азии не работало, нанесло громадный ущерб промышленности... А что будет дальше? Если исходить из услышанного прогноза... Ни министры, ни главы республик на этот счет особых иллюзий не питали. И что тогда? Вот только как поверить в такой прогноз? «Чушь какая!» — думали многие присутствующие. Но приказ есть приказ. Велено исходить из этого? Что ж — будут так и делать. Если что, с них спрос маленький — есть директива, исполнили все в соответствии с ней! А будет все гораздо лучше — ну, значит, вместо товарища Пономаренко скоро будет новый ПредСовеМина СССР. Такой просчет, последствия которого повлекут ущерб в миллиарды рублей, в Стране Советов никому не прощают... В конце концов, ему уже 64 года — вот и уйдет на пенсию по состоянию здоровья.

Так что вскоре разговор перешел в конструктивное русло. Начали обсуждать конкретные меры по борьбе с подступающим катаклизмом. Расчистка железных дорог? Значит, нужно больше специальных путевых машин! Соответствующим ведомствам в недельный срок составить техническое задание на их разработку и производство! Эвакуация населения и промышленности из районов Крайнего Севера и Сибири? Разработать планы! Срок исполнения — лето 1967 года. За это время как раз станет окончательно понятно на счет климата... Уборка снега? Значит, надо больше тракторов! И специальной снегоуборочной техники. И шин — в Воронеже выпустили первую партию зимней резины на основе не пошедших в серию разработок конца 50-х. Передать производство на другие заводы. В конце концов, с зимней резиной оно и впрямь неплохая идея — если что, уйдет военным и на Север. А еще надо двигатели, много двигателей! Так что все моторостроительные заводы — на работу в три смены! И передать производство на те заводы, где есть соответствующее оборудование. Составить список предприятий. Подготовить перечень необходимого оборудования и оснастки. Найти, на каких заводах разместить заказ на их изготовление. Авиация? Пожалуй, тут все верно... Во что превращаются двигатели после короткого полета — уже известно. Если после каждого полета менять мотор — запчастей не напасешься. Потому консервация производства самолетов логична. Даже если в следующем году и настанет потепление. Так что многие решения были приняты достаточно быстро... Тем более, что многие из них пока еще можно легко и быстро отменить.

Больше всего споров вызвало два решения... Первое — массовое строительство теплиц. Да, разработать проект стандартной модульной теплицы — это правильно. Можно сказать, по-советски — сварил все, что нужно, на заводе металлоконструкций, привез на место и за

несколько дней собрал. Так и надо делать! Но строительство тысяч телиц по всему Союзу? Это ж сколько стекла, металла, бетона уйдет! А ведь теплицы — это еще и отопление, освещение! Громадные электрические мощности, топливо... а вдруг оно не понадобится? Куда их столько девать? Огурцы с помидорами зимой выращивать? И куда их столько денешь? И тут дискуссия развернулась нешуточная — предлагали сократить объемы строительства... Ну хоть раз в десять! Уж для такого количества теплиц всегда найдется предназначение... Но в итоге все же сошлись на прежней цифре — хотя многие выглядели недовольными. Ведь строить эти теплицы — это отнять фонды у других, не менее важных на первый взгляд проектов! Второе же решение... Строительство «домов эвакуационного типа» для временного размещения, сроком на 15–25 лет, людей, оставшихся без собственного жилья в результате последствий катастрофы и предстоящей эвакуации. Дескать, как люди будут смотреть на эти бетонные коробки?! Это ж, дескать, будет прямым подрывом доверия населения к политике партии и советского правительства! Своими руками сработают на руку антисоветским элементам! Однако в конечном счете было принято и это решение.

На фоне всего этого как-то фоном прошло даже решение об освоении в сельскохозяйственном плане полупустынь Средней Азии. Совсем недавно нечто похожее было на Целине — сначала военные строили дороги, МТС, зернохранилища и другие нужные объекты, ставили быстровозводимые «финские домики» для жителей и высаживали лесополосы, а на следующий год на места присылали людей и создавали колхозы. Что ж — теперь надо повторить этот опыт и в Средней Азии... Только более срочно, но опыт подобный есть — так что справимся! Да, еще надо, конечно, усилить борьбу с националистическими элементами — а то как бы массовая эвакуация на юг русского населения не привела к обострению проблемы.

Лишь после того, как все решения были приняты, министры принялись за обсуждение текста предстоящего обращения к народу о введении «Особого Положения» в стране... Предстояло, с одной стороны, разъяснить людям, что и как происходит и убедить всех в правильности предпринимаемых партией и советским правительством мер, а с другой... Не допустить паникерских настроений.

«А ведь пару дней назад мне в секретариате показывали пару писем от какого-то студента, где он описал практически то же самое, что просчитали товарищи Гирс и Александров, — уже возвращаясь домой после совещания, вдруг подумал товарищ Пономаренко. — Даже предложил примерно то же самое, что сегодня решили! Подумать только... Надо будет сказать товарищу Шелепину, пусть поподробнее о нем разузнает». Кто-то другой на его месте, наверное, сейчас подумал о том, что этот пацан ясновидящий или какой-нибудь предсказатель. Однако Пантелеймон Кондратьевич был атеистом, потому мысли его были в совсем ином направлении. Что, похоже, этот студент — гений! Сумевший по обрывочным сведениям из официальных публикаций просчитать то же самое, для чего Академии Наук СССР понадобился огромный объем информации, современные электронно-вычислительные машины и коллектив из лучших ученых СССР... И время. Почти три месяца с момента извержения!

Больше книг на сайте - Knigoed.net